

№5

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Гафар ДЖАФАРЛИ. <i>Рассказы</i>	17
Магдалина ГРОСС. <i>Эссе и рассказы</i>	42
Айтен АКШИН. <i>Рассказы</i>	68
Татьяна РУСТАМЛИ. Наедине со Звёздами	101
Пётр ДАВЫДОВ. Мы не хуже. Юмореска	129
ЛАЧИН. Девять кругов бородатого Данте	130

ПОЭЗИЯ

Рашад МАХМУДОГЛУ. <i>Стихи</i>	11
Захид АЗИЗ. <i>Стихи</i>	15
Елена ЩЕТИНКИНА. <i>Стихи</i>	66
Русские поэты о Баку. <i>Стихи</i>	119
Сафа ГАЛЕЕВ. <i>Стихи</i>	130

ПУБЛИЦИСТИКА

Эльмира АХУНДОВА. Счастливые годы моей жизни. <i>90-летию Союза Писателей Азербайджана посвящается</i>	3
Намазали МУСТАФАЕВ. Низами Гянджеви – символ межкультурного взаимодействия	38
Марк ВЕРХОВСКИЙ. Сага о неизвестном Скульпторе	61
Александр ХАКИМОВ. Нашествие книжных пришельцев	123

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 22.04. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

90-летию Союза Писателей Азербайджана посвящается

Я пришла на работу в Союз писателей Азербайджана в конце 1979 года и проработала там почти 10 лет. Кроме того, с 1991 по 1996 годы была секретарем Союза писателей по связям с общественностью.

80-е годы XX века считаю одними из самых счастливых и значительных в моей жизни. Во-первых, мне довелось там тесно работать с такими корифеями, как Имран Касумов, Мирза Ибрагимов, Исмаил Шихлы, познакомиться с живыми классиками азербайджанской литературы – Сулейманом Рустамом, Расулом Рза, Сулейманом Рагимовым, Энвером Мамедханлы и др. Я работала вместе с Эльчином, Гусейном Аббасзаде, Джабиром Новрузом, Балашем Азероглу, молодыми тогда Нусретом Кесеменли, Бабой Везироглу, Сиявушем Мамедзаде, Натигом Расулзаде, Мансуром Векиловым. Все эти люди составили золотой фонд азербайджанской литературы.

Нынешним молодым, которым сегодня по 20-30 лет, к сожалению, неизвестно, что значило в СССР слово «писатель», каким поистине всенародным уважением и любовью были окружены представители этой профессии. Азербайджан являлся одной из самых читающих республик не только в СССР, но, наверное, во всем мире; во всяком случае, тиражи литературных газет и журналов выходили астрономические и сразу же раскупались. В 70-е – начале 80-х годов Баку превратился в своеобразную литературную Мекку, собиравшую на различные форумы, совещания и конференции писателей из всех республик Союза. Конечно, «виновником» этого во многом был тогдашний руководитель Азербайджана Гейдар Алиев, который всегда питал слабость к литературе, культуре, ибо сам был гуманитарием по профессии, заядлым книголюбом и театралом. Поэтому писатели в бытность его Первым секретарем ЦК Компартии республики относились к привилегированной касте.

Первый секретарь правления Союза писателей Азербайджана Имран Касумов взял меня на работу на должность консультанта. Правда, консультантом я была только по штатному расписанию; фактически же приходилось заниматься всем многообразием организационно-технических, кадровых вопросов СП, решением бытовых проблем писателей да еще совмещать все это с обязанностями помощника руководителя Союза. Скажу честно, на первых порах было весьма нелегко, особенно, когда дело касалось взаимоотношений с представителями старшего поколения. Писатели, поэты – народ в массе своей капризный, обидчивый, амбициозный. Каждый вполне искренне считает себя гением, каждый требует к себе особого подхода.

К тому же, в начале 80-х еще здравствовали корифеи азербайджанской литературы, которые и в самом деле при жизни заслужили право называться классиками. Для всех них Союз писателей с молодых лет был родным домом. Они приходили сюда практически ежедневно, даже если у них не было особых дел, например, Сулейман Рустам.

С каждым из этих величественных «старцев» мне в конце концов удалось наладить контакты, а с некоторыми даже подружиться. Вели они себя по-разному: одни были более общительны и открыты, другие недосыгаемы для нас, рядовых сотрудников СП.

Сулейман Рустам, несмотря на все свои регалии, был очень простым и доступным человеком. Он приходил в Союз и, как правило, направлялся в самый дальний кабинет на втором этаже, где сидел секретарь СП Гусейн Аббасзаде. Через некоторое время Гусейн муаллим вызывал меня к себе. Оказывалось, что Сулейман Рустам хочет рассказать очередную смешную историю или анекдот, в котором фигурировал кто-то из его коллег по перу. И он хочет, чтобы я при этом присутствовала. Анекдоты были безобидными и иногда не совсем смешными, но мы с Гусейном Аббасзаде добросовестно смеялись, чтобы доставить удовольствие знаменитому гостю.

Однажды, узнав, что я занимаюсь подстрочными переводами, Сулейман Рустам оказал мне большую честь, попросив перевести целую подборку очередных стихотворений на русский язык. Я подошла к работе ответственно, сделав не только качественный подстрочник, но и многочисленные комментарии для того, кто будет делать художественный перевод.

Через некоторое время после того, как работа была окончена и передана маститому поэту, он пришел в Союз писателей с переводчиком из Москвы, с которым он сотрудничал много лет (забыла его фамилию). Оказалось, что переводчик захотел познакомиться и лично поблагодарить меня за хорошую работу. Он признался, что до сих пор испытывал трудности при переводе произведений Сулеймана Рустама со слабых подстрочников. Но работа с моими подстрочниками доставила ему настоящее удовольствие. Сулейман муаллим стоял в сторонке и довольно улыбался. Ему было приятно, что мой труд оценен по достоинству известным российским поэтом.

Теплые доверительные отношения завязались у меня и с другим выдающимся классиком – Энвером Мамедханлы. Помню, я занималась в Союзе писателей подпиской на московские периодические издания, которые в конце 80-х годов были в большом дефиците. И всегда удивлялась, когда видела длинный список, присылаемый мне Энвер-муаллимом.

Однажды я спросила у него, неужели он читает все эти толстые литературные журналы – от «Нового мира» до «Звезды» и «Дружбы народов».

«Абсолютно все», – ответил Энвер-муаллим. Он был, конечно, энциклопедически образованным человеком.

...Справа от моего стола в приемной располагался кабинет, в котором сидел секретарь СП Джабир Новруз. Он сохранился в моей памяти как очень застенчивый, скромный человек. Он даже по коридорам Союза ходил, склонив голову вниз, как будто чего-то стеснялся. Иногда мы даже не знали, в кабинете он или нет – так там было тихо. И вдруг из кабинета раздавался его голос. Мы прислушивались и понимали, что он читает стихи – наверное, в тот момент у него рождались строки, и он начинал их декламировать.

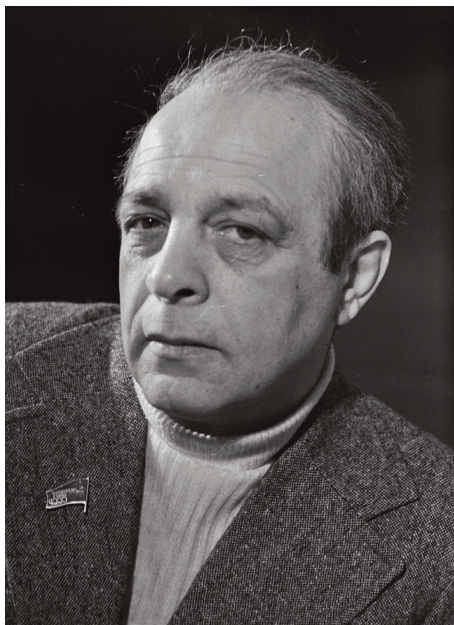
Его мягкость, даже стеснительность составляли удивительный контраст с его принципиальностью, жесткостью в отношении графоманов и бездарей. Он поддерживал талантливых поэтов, помогал молодым и способным, но не переносил бесталанных. Помню, некоторых он даже из кабинета выгонял.

Джабир Новруз долгое время возглавлял приемную комиссию Союза писателей. Он очень строго относился к приему. В качестве ответственного секретаря приемной комиссии я с ним проработала несколько лет и могу с уверенностью сказать, что ни одного графомана мы в то время в Союз писателей не приняли. Джабир Новруз бы не позволил.

Еще интересный штрих: он единственный из секретарей Союза писателей дарил нам, женской половине сотрудников Союза, цветы на 8 Марта. Причем сам стеснялся это делать – сначала появлялся его шофер с букетами, а потом застенчиво заходил он сам...

О работе с Имраном Касумовым

Мне довелось проработать помощником Имрана Касумова в Союзе писателей всего два года, и эти годы были, пожалуй, самыми тяжелыми в его жизни. Мы долго не знали, что Имран Ашумович серьезно болен, что болезнь все сильнее дает о себе знать и ему совсем нелегко каждый день приходиться на работу, сидеть в своем кабинете весь день, принимая бесчисленное количество членов и не членов Союза писателей и разбираясь в их столь же бесчисленных проблемах. К работе на посту первого секретаря он относился как к своей святой обязанности, был аккуратен и скрупулезен во всем, что касалось дел писательской организации. Подобной же самоотдачи он требовал от других сотрудников Союза писателей. Не все могли соответствовать той высокой планке, которую он задавал. Мне кажется, что он был романтиком не только в литературе, но и в жизни. Ко всем людям он подходил с мерками своих героев, будь то мужественный партизан Михайло или покорители Каспия во главе с легендарным Каверочкиным, а потом сердился и расстраивался, что эти люди совсем не похожи на тех, кого он запечатлел в книгах.

Не случайно из всех советских писателей наиболее сердечные отношения связывали Имрана Касумова с Чингизом Айтматовым, который в те годы находился на вершине своей мировой славы. Ранние произведения Чингиза Айтматова восхищали Имран-муаллима, потому что своей светлой романтикой были очень близки ему. Из молодых азербайджанских прозаиков он выше всех ставил Эльчина, опять же, мне думается, потому, что рассказы и повести писателя продолжали романтическую традицию в азербайджанской литературе, хотя и на качественно иной художественной основе. Помню, последнее, что он мне продиктовал незадолго до смерти, была рецензия в «Литературную газету» на одну из повестей Эльчина.

...Болезнь прогрессировала, и Имран-муаллим стал все реже появляться на рабочем месте. Он звонил мне по телефону, просил переслать домой почту, о чем-то спрашивал, давал какие-то поручения. Однажды он начал надиктовывать письмо. Диктовал медленно, чтобы я успевала записать. А я возьми да скажи: «Имран Ашумович, можете диктовать быстрее, я умею стенографировать». Эта фраза круто изменила наши взаимоотношения в лучшую сторону. Имран-муаллим стал охотно пользоваться моими услугами, потому что писать самому ему становилось все труднее и труднее, а стук пишущей машинки его раздражал.

Однажды он попросил меня прийти к нему домой. В тот день мы проработали несколько часов. Наутро я принесла ему расшифрованный на машинке текст. Он стал с увлечением, я бы даже сказала, жадностью перечитывать его. Когда он оторвал взгляд от гранок, в его глазах стояли слезы. Слезы радости оттого, что он мог опять работать, писать, творить! А это было для него самым главным. После этого я стала приходить к нему как на работу. Полдня проводила в Союзе писателей, полдня – у него дома. Когда Имран Ашумович чувствовал себя неважно, мы писали письма его друзьям из других республик, разбирали почту, а то и просто беседовали на самые

разные темы. Я была своего рода окном в тот большой шумный мир, который все более отдалялся от него.

Помню потрясение, которое мы с ним одновременно испытали после прочтения телеграммы Чингиза Айтматова. Незадолго до этого вышла новая повесть выдающегося писателя – «Пегий пёс, бегущий краем моря». Имран муаллим надиктовал письмо Айтматову, в котором дал превосходную по яркости и лаконичности характеристику этому произведению. Мы отослали письмо, а вскоре получили от Чингиза Торекуловича ответ.

До сих пор сожалею, что не вела в те дни дневниковых записей и не могу воспроизвести текст телеграммы дословно. Но смысл послания Айтматова умирающему другу врезался в память весьма отчетливо.

Чингиз Айтматов написал о том, что несколько строк Имрана Касумова о его новом произведении сказали ему больше, чем все пространные статьи литературоведов вместе взятые. А в конце была потрясающая фраза: **«Молю господа и всё святое на свете, чтобы ты выздоровел!»** Говорят, услышав о смерти Имрана Касумова, Айтматов заплакал. Это была красивая дружба двух красивых писателей-романтиков. Последних романтиков советской литературы...

Очень любил и ценил Имрана Ашумовича наш общенациональный лидер Гейдар Алиев – за профессионализм и высокую порядочность, за верное служение литературе, открытость всему новому, нестандартному, талантливому. Несмотря на свою огромную занятость и обремененность государственными делами, Г.Алиев поддерживал дух умирающего писателя, звонил и ему, и его супруге, подбадривал, справлялся, не нужно ли им чего.

Знаю об этом не понаслышке. Помню, какой огромной моральной поддержкой была забота руководителя республики для семьи Имрана Касумова.

... Однажды солнечным весенним утром 20 апреля 1981 года я пришла на работу. «Имран Ашумович скончался», – сообщила горестную весть моя коллега, Арифа Алиева. Арифа ханым пришла в Союз писателей такой же неопытной молодой девочкой, как и я. Начала там курьером, а благодаря Имрану Ашумовичу, который в должной мере оценил ее трудолюбие и работоспособность, вскоре «доросла» до референта. Она и сегодня работает в Союзе писателей заведующей отделом. Когда я захожу к ней, мы с ностальгией вспоминаем прошлые времена и выдающихся «стариков», которых нам посчастливилось узнать в этих стенах.

В тот день мы с ней долго проревели, запершись в огромном опустевшем кабинете первого секретаря. Мы обе словно потеряли очень близкого и родного человека. Горечь этой потери еще долго обжигала нам сердца.

Мирза Ибрагимов и мои «университеты»

...В 1981 году на седьмом съезде писателей Азербайджана Мирза Ибрагимов был избран председателем Союза писателей республики.

Мирза муаллим, с которым мне приходилось общаться почти каждый день еще до его избрания председателем Союза писателей, сразу «подкупил» меня своим демократизмом. В нем напрочь отсутствовали снобизм и чопорность, присущие кое-кому из его знаменитых коллег.

Обращаясь с какой-нибудь просьбой ко мне или к Арифе ханым, также работавшей в секретариате, Мирза муаллим непременно извинялся за то, что доставляет нам хлопоты. Порой в суматохе дел мы выполняли его просьбы не слишком оперативно, а то и вовсе о них забывали. Тем не менее, Мирза Ибрагимов никогда не раздражался, не повышал голоса, не выказывал обиды. Хотя некоторые из его именитых

собратьев по перу в таких случаях закатывали нам настоящие сцены и даже ходили жаловаться руководству СП.

Мы с Арифой часто шутливо замечали, что своим ласковым языком и подкупающей манерой обращения Мирза Ибрагимов заставляет весь Союз писателей с удовольствием на него «пахать».

...После избрания Мирзы муаллима председателем СП Азербайджана я пять лет проработала его помощником, и эти годы стали для меня хорошей жизненной школой. С его появлением в Союзе писателей дел у нас у всех стало намного больше, ведь, помимо руководства СП, у Мирзы Ибрагимова было и множество других общественных обязанностей. Он возглавлял всемирно известный Комитет солидарности стран Азии и Африки, был депутатом Верховного Совета СССР, академиком Академии наук республики. Нетрудно представить, какая у него была обширная переписка, и сколько почты приходилось «перелопачивать» за день. Несмотря на свой солидный возраст

(ему в то время уже было за 70), Мирза Ибрагимов обладал неувядающей энергией. Этот человек органически не переносил безделья и бездельников, поэтому, стоило ему переступить порог своего кабинета, как для всех сотрудников аппарата Союза писателей находилась работа – от секретарей СП до уборщицы тети Ани. За целый день мы порой перекусить не успевали, так он нас всех «загружал». Порой с ног валишься от усталости, а он перед тобой уже очередную задачу ставит. И сердиться на него невозможно, потому что при этом он наравне с тобой «вкалывает» и себе расслабляться не позволяет. Столь жесткий рабочий график приучил меня к предельной мобилизованности, собранности и весьма пригодился в дальнейшей профессиональной деятельности.

В те годы почти вся переписка с государственными учреждениями внутри республики велась на русском языке. На русском языке мы составляли характеристики на членов Союза для райкомов и горкомов партии, на русском шли в ЦК все представления на писателей (для присуждения им очередных званий, орденов, медалей и т.п.). С приходом Мирзы Ибрагимова этой практике был положен конец. Он заставлял нас писать официальные бумаги на азербайджанском языке и сердился, если мы по привычке подсовывали ему на подпись документы, составленные на русском.

Дело доходило до курьезов. Посылаем мы, например, какое-нибудь официальное письмо в отдел культуры ЦК КП Азербайджана за подписью Мирзы Ибрагимова. Естественно, на азербайджанском языке. На следующий день письмо пересылают обратно в СП, мол, переведите на русский и вышлите нам снова. А Мирза муаллим продолжает упорно гнуть свою линию и вновь отправляет письмо на азербайджанском языке. Хочу отметить, что в те времена подобное своеволие, особенно во взаимоотношениях с чиновниками из ЦК, было событием из ряда вон выходящим. Наконец, наш куратор из отдела культуры махнул рукой, понимая, что переубедить Мирзу Ибрагимова невозможно. Когда я посылала ему очередной документ из СП, написанный на азербайджанском языке, он звонил ко мне в приемную и просил: «Эльмира ханым, ты эту бумагу переведи на русский и пошли мне. Только чтобы Мирза Ибрагимов не узнал».

Я очень благодарна Мирзе муаллиму за то, что он заставлял нас вести переписку на азербайджанском языке. Ибо до работы в Союзе писателей я азербайджанским языком владела весьма слабо и могла изъясняться лишь на бытовом уровне. С приходом к руководству СП Мирзы Ибрагимова интерес к азербайджанскому языку у меня резко возрос, я стала заниматься переводами художественной литературы с азербайджанского на русский язык и постепенно постигать всю красоту и благозвучие родной речи.

Исмаил Шихлы и его кредо

... Почти 7 лет я проработала рядом с Исмаилом муаллимом в Союзе писателей Азербайджана. Кабинет Исмаила Шихлы находился по правую сторону от моего письменного стола, кабинет Мирзы Ибрагимова – по левую. И сегодня я жалею, что не вела никаких дневников. Хотя ведь уже тогда понимала, с какими уникальными личностями меня свела судьба, и как важно сохранить для истории живые голоса, неповторимые черты характера этих ходячих легенд отечественной словесности.

Каким остался Исмаил Шихлы в моей памяти? Мягким? Да. Иногда, пожалуй, даже чересчур мягким. Интеллигентным? Вне всякого сомнения. Демократичным и простым в общении? Все это так. И все же главное, что мне запомнилось, – это его необычайная доброжелательность и открытость. Со всеми сотрудниками Союза писателей – от ведущих консультантов до уборщицы – он общался абсолютно одинаково, не соблюдая никакой субординации. Он совершенно искренне не ощущал себя первым секретарем, то есть человеком, облеченным властью. За все время работы у него референтом он, по-моему, ни разу не вызвал меня нажатием кнопки звонка. Представляете? Если он о чем-то хотел попросить меня или второго референта, Арифу Алиеву, он вставал из-за своего стола, подходил к дверям кабинета и со стеснительной улыбкой обращался к нам. Даже редкими просьбами принести ему стаканчик чаю он обременял не нас, а старушку-уборщицу – тетю Аню.

Хочу поделиться еще одним воспоминанием, которое хорошо демонстрирует ту степень демократизма, с которой Исмаил муаллим относился к своим подчиненным. Работая референтом-консультантом в Союзе писателей, я умудрилась написать кандидатскую диссертацию. И вот за несколько дней до защиты я зашла в кабинет первого секретаря и набралась наглости пригласить его на свою защиту. Правда, это предложение было сделано из чистой вежливости, потому что на появление Исмаила Шихлы в Институте литературы имени Низами я особенно не надеялась. Однако он не только пришел, но только выступил, но и привел с собой чуть ли не всё руководство Союза писателей. Чем, откровенно говоря, здорово меня выручил. В присутствии первого секретаря Союза писателей многие профессора, члены ученого совета, стали ласковее с диссертанткой «со стороны», заметно притушив свой академический гонор...

В июле 1987 года, вскоре после своего переизбрания первым секретарем Союза писателей Азербайджана, Исмаил Шихлы покинет этот пост. Покинет добровольно. Он потребует созыва Пленума и настоит на своей отставке. Его будут долго уговаривать и товарищи по писательскому цеху, и ответственные сотрудники из ЦК, и весь президиум Союза писателей. Но он все-таки уйдет, уйдет сам и тем прервет печальную традицию, по которой почти все первые лица нашего писательского Союза уходили из особняка по улице Хагани, 25 «ногами вперед» – как ушли и Самед Вургун, и Мехти Гусейн, и Имран Касумов. Для многих подлинные причины неожиданного ухода Исмаила Шихлы с поста так и остались тайной. Поэтому я испытываю чувство своеобразной гордости при мысли о том, что Исмаил муаллим счел возможным поделиться со мной, работавшей в то время его помощником, своими горестными соображениями.

«Это правда, что вы решили уйти?» – спросила я его за несколько дней до пленума. Исмаил муаллим кивнул головой. «Но почему?»

Он немного помолчал. То, что он потом сказал, прозвучало для меня полнейшей неожиданностью.

– Я не хочу и не могу принимать участия в той грязной игре, которую затеял со страной Михаил Горбачев.

Я с изумлением посмотрела на Исмаила муаллима.

Шел 1987-й год, СССР все еще переживал эйфорию перестройки. Многие из нас были опьянены романтическими ветрами перемен, оглушены потоком некогда запретной информации, заморожены магией неслыханных в нашем обществе слов: «гласность», «демократизация», «плюрализм». Поэтому обвинение в адрес Горбачева, прозвучавшее из уст Исмаила Шихлы, показалось мне довольно странным.

– Горбачев ведет страну к гибели, а народы – к катастрофе, – негромко продолжал Исмаил муаллим. – Я вижу впереди много крови и не хочу, хотя бы чисто формально, быть в числе исполнителей этого зловещего сценария.

Тогда я восприняла его слова (буду честной перед его памятью) как консерватизм старого коммуниста, который привык к прежней жизни и не приемлет всего нового. Тогда мы все были чуточку диссидентами.

Однако пройдет совсем немного времени, и живительный ветер перемен, обещанный нам в апреле 1985-го, обрушится на Азербайджан и другие республики бывшего Союза как беспощадный степной самум. Он посеет в людских душах неверие и отчуждение, он принесет смерть и страдания.

И я не раз и не два вспомню пророческую мудрость слов Исмаила Шихлы, предвидевшего все эти разрушительные процессы с прозорливостью настоящего писателя...

«Намус гачагы» («Поборник чести») – так называется один из поздних рассказов писателя, где в образе гачага Сулеймана воплотились лучшие черты азербайджанского национального характера, столь дорогие сердцу Исмаила Шихлы.

Поборник чести. Этот эпитет как нельзя более подходит для определения жизненного кредо самого писателя...

В 80-е годы жизнь в Союзе писателей Азербайджана кипела – проводились многочисленные всесоюзные и общереспубликанские литературные форумы, такие, например, как «Дружба народов – дружба литератур», к нам приезжало много известных писателей из России и других союзных республик. Маститые деятели пера часто бывали гостями у Мирзы Ибрагимова или у Исмаила Шихлы, благодаря этому я подружилась с некоторыми из них. Они стали доверять мне свои переводы.

После публикации в журнале «Юность» рассказа Бабы Везироглу «Магазинщик Дадаш» в моем переводе мы были избраны делегатами на 7-й всесоюзный съезд молодых писателей. Тогда это было очень почетно. Потом мои переводы вышли отдельной книгой с предисловием Эльчина под названием «Молодая проза Азербайджана», и по рекомендации Анара я была принята в члены Союза писателей СССР в возрасте 30 лет.

... Рада, что уважаемому Анару удалось сохранить преемственность традиций и сберечь наше национальное достояние, каким является

Союз писателей. В свое время мне понравилось, что он повесил в своем кабинете портреты всех предшествующих руководителей Союза писателей. Хотя не все из этих руководителей были к нему доброжелательны.

Но для Анара главное – чтобы не прервалась связь времен, чтобы нам каждый раз не приходилось начинать с чистого листа. Как сказал его друг Рамиз Ровшан, Анар – держатель очага. А я бы к этому добавила: местодержатель нашей общей духовной памяти...

... Сегодня Союз писателей живет, работает, издает несколько литературно-художественных журналов, превосходную газету, в клубе «Натаван» каждый день проходят литературные вечера, презентации книг, юбилеи членов Союза писателей.

А это значит, что литературный процесс жив и будет жить!

С праздником тебя, Союз писателей, уважаемый аксакал!

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

РАШАД МАХМУДОГЛУ

Память

Где когда-то я был, где скитаюсь сейчас?..
Снова горный наш край вспоминается мне.
Выкипает казан моих дней, клокоча.
Снова тесный наш двор вспоминается мне.

Где теперь эти горы, равнины, леса?
Сердцем я в одиноком пути изнемог.
Снова милая девушка вскинет глаза,
Засмеется плутовка, сплетая венки.

Вновь слезами кровавыми плачет душа,
И надежда не светит уже впереди.
И опять мне на память явиться спешат
Все, кого позабыл я на долгом пути.

Для кого-то сей мир – полный роз гюлистан¹,
Для кого-то – пустыня, покрытая льдом.
Приходящий в сей мир душу хочет познать,
Уходящий ее отпускает с трудом.

Рвется косноязычный в шаиrow² ряды,
Безобразный твердит о своей красоте.
Между жизнью и смертью нет нынче черты,
Всё слилось и смешалось в людской суете.

Покупатель в обмане винит продавца,
Продавец в покупателях видит врагов...
Этот стих удался?

Или не удался?

Что ж, друзья, к вашей критике автор готов...

Полет

Как клин усталых журавлей,
Воспоминания летят.
Среди ветвей, среди теней
Бушует нынче листопад.

Я обернусь, махну рукой –
Но пустота слепит глаза.
И снова нет тебя со мной,
И в горле ком сглотнуть нельзя.

¹ Гюлистан (азерб.) – цветник, райский сад.

² Шаир (азерб.) – поэт.

И снова ночь заходит в дом,
Та, что зрачков моих черней.
Я часто ворошу тайком
Воспоминанья прежних дней.

Мои года, как журавли,
Вот так же тают в вышине...
Будь милосердна –
 от земли
Дай воспарить с тобою мне.

Опустошенный

Опоздал я, похоже, на поезд любви...
Рельсы песню разлуки затянут без слов.
Проводник по вагону ключами гремит,
Но закрыты перроны на ржавый засов.

Растревоженным морем мечусь под луной –
Где мои берега,

 где причалы мои?..

Ни морская трава и ни птицы крыло
Не удержат меня над пучиной тоски.

Каюсь в прошлых грехах, сто зарок даю,
Мир, как пьяный,

 плывет перед взглядом моим.

Наступает пустыня на душу мою,
И бреду по пескам я, безлюдьем томим...

Отец

Постарел мой отец, словно дуб вековой,
С поредевшей заснеженной кроной,
Расплатившись со всей круговертью земной
Своим чадом единственным –
 мною.

Ничего, что года, жар в глазах притушив,
Ладный стан твой согнули дугою.
Он теперь, как одна из далеких вершин,
Как маяк в вышине надо мною.

Принимал он от жизни и сладость, и яд,
Добродетель не пачкал злословьем.
Он стоит у последней черты бытия –
Бог в лицо ему смотрит с любовью...

Я приду

Поле битвы нам любовь...
Одолею путь любой,
Скалы, что стоят стеной,
Родником пробив –
приду.

Сердце гнёт в дугу тоска,
Льются слезы, как река,
По ресницам, по щекам...
Слезы осушив –
приду.

Меж влюбленных я герой,
Я готов за правду в бой.
Стану я твоей весной,
Зиму одолев –
приду.

В смятении

Кто прошел страданий мимо,
Не поймет чужих сердец.
Смерть принять из рук любимой –
Безболезненный конец.

Можно в край вернуться отчий,
А вот в юность –
никогда...
Старый жернов круг окончил,
Протекла под ним вода.

Вновь смотрю я на дорогу,
Слышу дальний волчий вой.
От порога ли?..
К порогу?..
В чувствах полный разнбой...

Девушке

Этот город огромный развел нас с тобой,
От тоски надломилась, ослабла душа.
В дальней дали любуюсь твоей красотой,
Ну когда же навстречу мне сделаешь шаг?

Зря твердил я про клад, что в душе берегу,
Думал я, ты сумеешь страдальцу помочь:
Первоцветом весенним пробьешься в снегу,
Долгожданной зарей озаришь мою ночь.

Знаю я, не ко всем благосклонна любовь,
Кто-то чахнет в разлуке, пьет горечь и стыд.
Ну а кто-то сладчайший с ветвей ее плод
Раз за разом вкушает, не зная обид.

Через улицы, крыши к любимой своей
Я готов пробиваться хоть тысячу лет.
За вопросом вопрос шлешь мне, как голубей,
Но ответов не знает бедняга-поэт...

Да будет так

– Эй вы, горы!..

– в небо кричу.

Встать бы с вами плечом к плечу
Сдует ветер с отрогов вмиг
Первый снег на висках моих.

Вдаль рекой протеку, прольюсь,
Лето встречу, зиме удивлюсь.
Серой розой горный туман
Я на грудь себе приколю.

Лес, как друг, шелестит мне в лад,
Как сестра, смотрит вслед скала.
Склоны рук моих, пик головы
Заслонят этот мир от зла.

Стамбульские ночи

Здесь расстался я с тоской,
Чтобы стать самим собой.
Пронеслись, как миг, как сон
Эти ночи над Стамбулом.

Я у памяти в руках
Утону в своих мечтах –
В этих днях и вечерах,
В этой ночи над Стамбулом.

Вновь азан плывет во мгле,
Словно Божий вздох к земле.
Рдеют розы на челе
Этой ночи над Стамбулом.

Я пришел тебя познать,
Чтоб гореть, творить, мечтать....
И парит душа опять
В этой ночи над Стамбулом...

Что поделатъ...

Я явился на свет в мне положенный срок
У подножия гор, на скрещенье дорог.
Жизнь трясла меня в сите, как желтый песок.
Вам хочу рассказать я, что стало со мной.

У других видел братьев, сестер и друзей,
Но один я встречал сотни дней и ночей.
Я признание отправил любимой своей,
Но с насмешкой она говорила со мной.

Даже вольная птица свивает гнездо,
Даже камень в реке ищет прочное дно.
И возводит беспечный бродяга свой дом...
Как хочу я порвать с одинокой судьбой!

И весной увядают порою цветы,
Беспощадная смерть смотрит из темноты.
Что поделатъ, коль дни мои были пусты –
Остается смириться с жестокой судьбой...

Раздумья

Не зря твердит седая мудрость нам:
Что утекло –
 не воротится снова.
Вернуться можно к милым берегам,
Но невозможно в сень шагнуть былого...

Перевод АЛИНЫ ТАЛЫБОВОЙ

ЗАХИД АЗИЗ

Не сбылось

Возможно, что потомок я Адама,
Который был началом всех начал.
И сын, и дочь мне говорили прямо:
«Отец!..»

Но праотцом ведь я не стал.

Уже не сорок дней, лет где-то сорок
Отец и мать душой со мной живут.
Их каждый взгляд мне постоянно дорог,
Они меня из всех скитаний ждут!

Очаг мой – образец гостеприимства.
Пусть не везет, я остаюсь собой,
И, сохраняя с близкими единство,
Связь не разрушу с Солнцем и Луной!

Представлю, что я мудрый и великий,
И горы мне отдать готовы честь!
В пустынях и степях бескрайних, диких
Случалось мне за стол с бродягой сесть.

Не нравится мне только, когда яйца
Вдруг куриц начинают обучать.
От злости к ним в кулак сойдутся пальцы –
Должны лишь ум и зрелость побеждать!

Возможно, что потомок я Адама,
Который был началом всех начал...
И сын, и дочь мне говорили прямо:
«Отец!..»

Но праотцом так и не стал...

Опоздал

С судьбой, играя в нарды, я «ду-бир»,
Что значит «два-один», бросаю часто.
Грусть прожигает душу мне до дыр,
И в жизни нет ни радости, ни счастья!

У каждого цветка есть свой горшок,
В одном – нарциссы,
а в соседнем – розы!
И если ты в разлуке одинок,
Врачи не смогут отвести угрозу!

Страдания из меня веревки вьют,
И близким мне никто не станет другом.
Развеял в чистом поле я уют –
Ни голоден, ни сыт!..
А в сердце – вьюга...

Я разучился с возрастом расти,
Хотя деревьев посадил немало.
Все растерял на жизненном пути,
И вера утешать меня устала.

Я от судьбы уроки получал,
И, проклиная целый мир порою,
На свой экспресс я точно опоздал,
И от Аллаха этого не скрою!

Перевод Александра РОДИОНОВА

ГАФАР ДЖАФАРЛИ

РАССКАЗЫ

Шестой палец

*«Неблагодарное дитя – как шестой палец;
отрежешь – заболит, оставишь – изуродует».*

Азербайджанская пословица

Послышался лязг ключей, а следом за ними с треском отворилась железная дверь. Открывшая дверь молодая женщина, увидев незнакомых мужчин, с удивлённым взглядом отступила на шаг назад. Мальчик лет 5-6, которого она держала за руку, то тянул за юбку женщины, то невольно, кривляя руками и головой, делал странные движения, произносил нечленораздельные непонятные слова. Прижавшая к себе ребёнка женщина удивлённо спросила:

– Кто вам нужен?

Стоящий впереди всех Али Заминли ответил с улыбкой:

– Это квартира Кямиля Пашаева?

В это время нескладный, небритый молодой парень, с не выдавшими расчёски растрёпанными волосами, которые чуть было не падали ему на плечи, нервно потянув назад женщину, подался вперёд:

– Слушаю вас.

От внимания Заминли не ускользнул вызывающий и немного высокомерный тон молодого парня, которого, несомненно, лёгким толчком можно было бы уложить на землю. Но привыкший слышать такие слова, он перешёл на шутливый тон, чтобы придать беседе доброжелательный тон:

– Разве у вас не впускают с порога гостя, посланного Аллахом?

Молодой парень, оглядев с ног до головы Заминли и стоящего рядом с ним мужчину средних лет, усмехнулся, показав свои пожелтевшие от сигарет зубы:

– Зачем так говорите? Если пришли с добрыми намерениями, то добро пожаловать, – сказал он, чуть посторонившись, и движением руки пригласил гостей в квартиру. – Проходите.

Когда Заминли, мужчина средних лет, а следом за ними двое молодых полицейских вошли внутрь, то молодого парня словно ударило током:

– Нет, так не пойдёт, мы так не договаривались. Не нужен мне такой гость от Аллаха. Прошу, выходите из квартиры. Говорю вам, выходите, уходите прочь отсюда.

Полицейские сразу преградили ему путь. Они ждали лишь знака от Заминли, чтобы скрутить ему руки и повалить на землю. Чтобы разрядить обстановку, Заминли мягким голосом сказал:

– Кямиль, почему беспокоишься? Может, мы пришли с добрыми намерениями. Может, мы сможем помочь тебе и твоей семье.

– Мне не нужна ничья помощь. Вон из моего дома.

Из боковой комнаты к ним вышла пожилая светлица женщина. Взгляды женщины и Заминли встретились. Пожилая женщина, словно нашаливший ребёнок, беспомощно опустила руки, склонив понуро голову. Поведение Кямиля не могло остаться безнаказанным. Настало время показать суровое лицо закона. В один миг улыбка слетела с лица Заминли.

– Кямилъ, твои действия неуместны. Видишь ли, мы представители закона. Я – заместитель начальника районной полиции Али Заминли, а рядом со мной инспектор Оруджев и полицейские.

По знаку Заминли, Оруджев вынул из папки бумагу и протянул её Камилю.

– Пожалуйста, можешь ознакомиться с решением об обыске в твоём доме.

Кямилъ словно с трудом разбирался в происходящем. Глазами, полными страха и удивления, он продолжал смотреть на полицейских, иногда ладонью правой руки вытирая пот со лба и облизывая пересохшие губы. Пожилая женщина, взяв за руку Кямилъ, потянула за собой в большую комнату. Заминли и другие полицейские вошли следом за ними. Заминли продолжил:

– Гражданин Кямилъ Пашаев, вы подозреваетесь в хранении и использовании дома наркотических веществ. Согласно требованию закона, если у вас дома есть наркотики, то требуем предоставить их добровольно.

Капли пота, как жемчужины, стекали по щекам Камилъ. Поскольку он не ответил повторно на вопрос, Заминли отдал распоряжение провести обыск в квартире в присутствии подозреваемого. После обыска комнат и кухни полицейские вышли на балкон. Внимание Заминли привлекла тумба, прислонённая к стене. Оруджев сам лично перерыл всю тумбу и разочарованно покачал головой. То, как Кямилъ с выпученными глазами уставился на тумбу, не ускользнуло от внимания Заминли. В ванной комнате тоже всё было «чисто». Последним местом обыска стал туалет. Когда Оруджев через пять минут вышел оттуда, он отвел Заминли в сторону и что-то прошептал ему на ухо. Заминли, хотя и рассердился, постарался сохранять спокойствие. Отдав распоряжение Оруджеву составить протокол обыска квартиры, он, словно сражённый вековой усталостью, опустился на табуретку возле коряво сколоченного стола в левом углу комнаты, устремив вопросительный взгляд на женщину, в течение всей операции молча стоявшую рядом с опущенной головой.

...В тот жаркий день после дождя стало немного душно. Возвратившись в свой кабинет после обеда, Али Заминли вдруг почувствовал тревогу на душе. Чтобы как-то успокоиться и снять усталость, он пошел прогуляться в сад напротив отделения полиции. Он уселся на разукрашенной деревянной скамейке под любимым им огромным, ветвистым демирагачем, дарящим прохладу десяткам людей. Скрестив руки на груди, он вытянул ноги и, закрыв глаза, стал вдыхать свежий ветерок с моря, расположенного примерно на расстоянии 700– 800 метров. Он не заметил, как прошло время. Внезапно он услышал совсем рядом ласковый женский голос:

– Сынок, родимый, можно я отниму у тебя минутку?

Заминли открыл глаза и увидел перед собой седовласую женщину примерно 65-70 лет со светящимся лицом, которая всё ещё не потеряла былой красоты и свежести, присущей истинно восточной женщине, и он невольно встал на ноги. Женщине была одета в старое, выцветшее, но чистое платье. Коричневая косынка на голове покрывала её седые волосы. Морщины на лице ничуть не портили ее. По бледному лицу было видно, что её гложет печаль. Женщина вполголоса сказала:

– Сынок, прости, что помешала твоему отдыху.

Заминли посмотрел на неё с тёплой улыбкой. Женщина, на лице которой показались отблески радости, сразу продолжила:

– Я слышала, что ты недавно приехал в район и все тебя хвалят. Может, ты сможешь моему горю?.. Я сейчас в таком возрасте, что смерть в любой момент может постучаться в мою дверь.

– Пожалуйста, мать, слушаю вас.

Худой, с набухшими венами рукой женщина чуть потянула косынку, отодвинув назад свои седые волосы. Её взгляд был устремлен в одну точку. Спустя время она продолжила:

– Я пришла к тебе затем, чтобы моего сына арестовали.

Заминли остановился, полностью не вникнув в смысл услышанных слов, и не знал, что сказать. Он с трудом попытался взять себя в руки:

– Мне редко встречалось на практике, чтобы мать добивалась ареста своего сына. В любом случае, мне интересна причина этого.

Женщина покачала головой, словно подтверждая услышанное:

– Конечно, ты прав. Тогда прости меня, если мой разговор тебя утомил.

– Не беспокойтесь.

Женщина, утерев кончиком косынки лоб, щёки и подбородок, оглянулась вокруг, а затем, повернувшись к Заминли, начала:

– Меня зовут Хошбахт, моя фамилия Пашаева. Мой муж был одним из первых, кто открыл компанию в районе. Наше положение было очень хорошее, мы с семьёй жили жизнью, достойной восхищения, но... Всё изменилось после внезапной смерти мужа. От выпивки, от этой дрянной водки он получил цирроз печени. Когда мы узнали о его болезни, было уже поздно. В России, в Иране не осталось врача, который бы его не обследовал, но все оказалось тщетным. Всё, что заработал, он унёс с собой. В это время моя дочь Нигяр вышла замуж, а сын, которого я ждала годами, был обручён. Хотя он был с высшим образованием, но не мог найти себе работу. Однажды Кямилль заявил мне, что хочет уехать в Россию, чтобы заработать на свадьбу, и я согласилась от безысходности. После двухлетней разлуки я смогла его вернуть, день и ночь моля об этом. Он также привёз с собой и немного денег. Кое-как справили свадьбу. Моя невестка Гюлюш очень воспитанная, порядочная и трудолюбивая девушка, и я люблю её, как свою дочь. Жаль, что и её я тоже сделала несчастной. Этого Аллах мне не простит.

Хошбахт ханым замолчала, было видно, как она растрогалась, даже прослезилась. Быстро отвернув лицо, она кончиком косынки вытерла глаза и растроганным голосом попросила прощения:

– Простите, ради бога. У кого горе на душе – говорит много, думает, что, кроме него, больше ни у кого нет горя и что все обязаны его слушать.

Заминли помог ей собраться с мыслями:

– Что же вы сделали с невесткой, что она стала несчастной?

– Несчастливая, что я могу поделать? – она невольно повысила тон, но тут же осознала это. Её лицо залила краска. Она тихо продолжила: – Всё натворил мой сын... С тех пор, как моя несчастная невестка переступила порог моего дома, у нее не было ни одного радостного дня. Их единственному сыну шесть лет, он глухонемой и умственно отсталый. Мы в такой яме, что не можем начать лечение ребёнка. Сынок, уже нет силы терпеть это горе.

Хотя с её глаз текли слёзы, но со стороны казалось, что она не плачет. Заминли был поражён: как можно так беззвучно плакать? А Хошбахт ханым дрожащим голосом продолжила:

– Оказывается, мой сын вернулся с России наркоманом. Ни я, ни Гюлюш, которая тогда была его невестой, не знали об этом. Первое время я не обращала внимание на то, что после свадьбы Кямилль ничем не занимался, каждый день пьяным возвращался домой. Вплоть до тех пор, пока Гюлюш не заметила, как на руках сына постоянно растёт число мест от уколов, а по ночам он принимает таблетки чёрного цвета вместо болеутоляющего. Затем мы замечали, как постепенно исчезают вещи из дома. Под предлогом устройства на работу, он забрал всё золото и драгоценности жены.

Хошбахт ханым, протянув левую руку, показала Заминли безымянный палец с зарубцевавшийся раной:

– Я не могла дать ему денег, и он захотел забрать кольцо на моём пальце, а когда я отказалась, то, потянув за кольцо, вырвал его вместе с кожей.

Заминли всё ещё с изумлением смотрел на протянутый к нему палец. Хошбахт ханым замолчала. Никто не спешил говорить. Немного погодя он услышал ее голос, в котором сквозила усмешка:

– По иронии судьбы меня зовут Хошбахт¹, а невестку Гюлюш². Но я лишилась счастья, а моя невестка – улыбки... Ну, да ладно... всё пройдёт. А теперь я хочу, чтобы моего сына арестовали. Нет сил больше терпеть.

Последняя просьба Хошбахт ханым была о том, чтобы от сына скрыли то, что она приходила жаловаться. Они условились на том, что она пойдёт домой, сразу же позвонит по номеру, который дал ей Заминли, как только заметит наркоту, ложку для её нагревания, зажигалку и шприц, спрятанные её сыном на балконе, в тумбе. И после того, как она сообщит пароль, оперативная группа войдёт в квартиру...

Когда Оруджев протянул протокол для подписи Кямилю, Хошбахт ханым подняла голову и встретилась взглядом с Заминли. Невозможно было не почувствовать страдание и боль на лице женщины. Это были чувства матери, пережившей неопишуемые страдания, но после того, как материнское чувство победило в ней, она выбросила в туалет все припрятанное в тумбе, тем самым избавив родного сына от тюрьмы. А её полный немой мольбы взгляд будто просил прощения у Заминли: «Что поделать, я не смогла совладать со своим сердцем. Аллах ничего не делает беспричинно. И если он мне дал этот шестой палец, то я обязана носить его, даже если он уродливо выглядит. Прости меня, сынок!»

Выходя из квартиры, Заминли не забыл высказать Кямилю всё, что было на душе:

– Не жалеешь себя, мать, жену, так подумай хотя бы о больном сыне. Знай, что если ты в таком состоянии попадёшь в тюрьму, то оттуда уже выйдешь трупом.

Ребёнок, чьё внимание с утра было приковано к Заминли, неожиданно зарыдал, прижавшись к отцу. Кямиль, который впервые столкнулся с этим, был поражён и, обняв ребёнка, начал целовать его. Хошбахт и Гюлюш от удивления стояли как вкопанные. От увиденной сцены на лице Заминли появилась легкая улыбка, и он зашагал в сторону входной двери квартиры. Уходя, он слышал слова, которые Кямиль произносил в слезах и которые эхом отдавались в стенах квартиры:

– Сынок, прости меня, пожалуйста. Смотри, даю тебе слово, что больше не приронусь к этой дряни. Поверь мне, сынок, поверь.

**Лянкяран.
24-25 июня 2017 года.**

61-ая минута часа

В тот день его тело сильно болело. Вернее, болело всё тело, а сердечные колики его и вовсе dokonали. Вдобавок, сильно подскочившее в последние дни давление и диабет перешли в наступление и не думали покоряться лекарствам. По этой причине он не переставал брюзжать, а иногда не сдерживал себя и от сквернословия:

– О Господи! Ты создал меня, чтобы я страдал? В чём мой грех, что ты в этом мире обрекаешь меня на адские муки? Разве тебе не совестно так мучить своё творение?

Хунар, мучаясь от боли, снял ортопедическую обувь с правой ноги, затем, опершись на костыль, с трудом поднялся по лестнице. Почувствовав, что вспотел, он вынул платок из левого кармана и вытер капли пота со лба.

¹ Хошбахт – в переводе с азербайджанского языка означает «Счастье».

² Гюлюш – в переводе с азербайджанского языка означает «Смех».

Пройдя в коридор осторожным шагом, он сел в потрёпанное кресло с полинявшей тканью напротив журнального столика и снова вытер платком лоб. Он взглянул на часы на стене, они показывали двадцать минут двенадцатого. Погода была ненастной. Небо потемнело, и от недавней лазури не осталось и следа. Словно небо закрыли чёрным покрывалом. Такая угрюмая, тоскливая погода часто встречается осенью. А надетый на колено протез сегодня мучил его как никогда.

Дома, кроме тринадцатилетнего сына Ниджата, никого не было. Он недавно вернулся с уроков. Проходя в коридор, Хунар увидел, как тот ел намазанный маслом хлеб. Позвав Ниджата, он попросил его подать ему чай и включить телевизор. Ниджат, жуя кусок хлеба, поставил на стол полный стакан чая, затем, подсоединив телевизор к розетке, снова вернулся на кухню. С экрана телевизора доносился громкий шум. Напротив светловолосой ведущей, стоявшей у маленькой трибуны, установленной в верхней части студии, трое жирных мужчин-спикеров в тесных пиджаках с ослабленными галстуками на толстой шее, сидели в мягких креслах и обсуждали события в Нагорном Карабахе и пути освобождения исконных земель. А собравшиеся в студии ученики какого-то лица иногда задавали спикерам вопросы, которые им раздали заранее. Хунар хотел было сменить канал, но, услышав речь одного из спикеров, прислушался:

– Верно, армяне никогда добровольно не вернут нашу землю. Еще нигде захваченные врагом земли не возвращались обратно по требованию. Сегодня у нас есть все возможности, чтобы изгнать с наших земель армянских боевиков до последнего человека, но мы не хотим войны. Мы хотим, чтобы этот вопрос решился мирным путём, но если придет необходимость, то мы сделаем это силой.

Ярость душила Хунара, вены на висках вздулись, лицо почернело и, прищурив глаза, он покачал головой. Тихим, но сердитым голосом он пробормотал: «Мы смогли бы давно освободить Карабах и с половиной юношей, погибших во время перемирия, как вы его называете. Однако мы всё ещё ждём, когда эта ваша, так называемая Необходимость, наступит, но эта гадина, кажется, и не собирается появляться, и не похоже, чтобы у нее возникло такое желание».

Хунар так потянул за ремешки протеза, что те чуть было не лопнули. Нагнувшись, он с трудом снял протез и прислонил его к стенке шкафа, затем с остервенением начал чесать то место, где колено примыкало к протезу. Немного успокоившись, он погладил культю и, подняв ее руками, положил на кресло. Глубоко вздохнув, он откинулся назад и закрыл глаза. Очнувшись, он не знал, как долго пробыл в таком состоянии и даже не вспомнил, о чём думал всё это время. Но, когда он открыл глаза, то его взгляд неожиданно остановился на прислонённом к шкафу протезе. Он испугался, словно домой принесли часть ноги порубленного на куски человека, а из отрезанной ноги утекло столько крови, что она пожелтела. Хунар на миг оцепенел от страха, застрял ком в горле, сердце сжалось. Хотя протез и заменял ему часть ноги, но и всегда напоминал ему о том дне, когда его жизнь полностью изменилась. На миг он почувствовал во рту солёный привкус. Это были слезы, текшие по его лицу. Воспоминания унесли его ровно на двадцать лет назад.

...Была середина августа 1991 года. Стояла самая жаркая пора лета, но в горах было прохладно. Как и все женщины села, Нурана, встав рано утром, подмела лестницу, накормила телят, подоила коров. Положив ведро с молоком на балкон, она снова отправилась было в сарай, чтобы выпустить скот на пастбище, как открылись ворота двора. Женщина не поверила своим глазам, перед ней стоял ее сын Хунар. Он приехал ранним утром с красивой девушкой, и она от радости воскликнула: «Да буду я жертвой дорогам, по которым ты прибыл, сынок!» – и бросилась к сыну. Мать и сын обнялись, поцеловались. А когда Нурана повернулась в сторону девушки, глядящей на неё с волнением и немного со страхом, Хунар произнёс:

– Мама, эта девушка – моя однокурсница Лейла.

Нурана чуть опешившим взглядом посмотрела на девушку. От этого взгляда Лейла задрожала все телом, щёки загорелись. От волнения она чуть было не потеряла равновесие и не упала в обморок. Хунар, быстро взяв её за руку, продолжил:

– Мама, мы с Лейлой любим друг друга. Она сбежала со мной, потому что её насильно обручили с другим.

Нурана на миг замерла, не зная, что и сказать. От пугливого взгляда девушки её сердце ёкнуло, она обняла её и расцеловала. Хунар радостно прижался к матери. Внезапно Нурана, словно пробудившись ото сна, спешно произнесла:

– Ах, сынок, скоро твой отец проснётся, я должна накормить и проводить его в школу. И ещё его надо подготовить к этой новости, слишком много неожиданностей, Бог знает, как он это примет.

Нурана, взяв за руку молодых людей, сделала несколько шагов по направлению к дому, затем, остановившись, повернулась к Хунару:

– Вы пройдите в гостевую комнату, не выходите, пока я не позову. Я скоро вернусь, как только выпущу животных на пастбище.

Нурана спешно выпустила животных из сарая. Они выходили неторопливо, и это вывело её из себя. Коров, которых она обычно ласкала, на этот раз пару раз обзвала и даже ударила хворостиной. Ей было ясно как день, что Асиф муаллим не простит сына за этот проступок. Поэтому нельзя было медлить. Не проводив животных до пастбища, она повернула обратно, но по дороге несколько раз оборачивалась, чтобы убедиться, что они направляются прямо к пастбищу, затем уверенно прибавила шаги.

Нурана лучше всех знала, что у Асифа муаллима тяжёлый характер. Также она знала и то, что события, происходящие в последние месяцы в Степанакерте, случаи нападения и убийств армянами азербайджанцев его очень тревожили.

Он злился на неблагодарных армян, с которыми они годами делили хлеб-соль, принимали в родном очаге, как самых дорогих гостей. Предчувствие, что все это закончится трагедией, угнетало его. Он часто рассказывал о том, как работая десять лет тому назад учителем в Степанакерте, много общался с армянами, хорошо их знал, знал об их вражде к азербайджанцам, как предупреждал о том, что никто не интересуется их настроениями и намерениями. А ещё он никак не мог забыть о том, как в те годы учительница-азербайджанка, работавшая в их школе, была изнасилована и зверски убита группой молодых армян. Он с жаром рассказывал о том, как его вместе с тремя учителями выгнали с работы из-за того, что он выразил протест этому событию, как спустя несколько месяцев он с трудом устроился учителем в сельскую школу.

Всё это ещё более осложняло и без того тяжёлый нрав Асифа муаллима, делало его нетерпеливым и раздражительным. А поступок Хунара был равносильным тому, чтобы тушить пожар бензином, и Нурана прекрасно понимала, что это событие ничего хорошего не сулит.

Она проводила Асифа муаллима на работу, так и не осмелившись сказать ничего, но уже вечером, после его возвращения она рассказала ему обо всём и позвала Хунара и Лейлу. Асиф муаллим не удостоил их ни одним словом. Нурана вывела Лейлу из комнаты, а за дверью раздавался сердитый голос Асифа муаллима:

– Ты мой единственный сын, тебе всего 23 года, и у тебя ещё два года до окончания университета. Думал, заочно учишься, найду тебе в районе работу. А ты явился ко мне, притащив с собой девушку. Эта девушка сама еще ребёнок, не смотри, что она студентка университета, ей всего 19 лет, она лишь первый курс окончила. Не знаем, что на это скажут её родители. Поэтому сегодня же возвращайся и отведи девушку туда, откуда её забрал. И больше к этой теме не возвращайся.

Нурана спала ночью с Лейлой в одной комнате, подумала, что нет худа без добра, они ещё молоды, нельзя вместе держать огонь и хлопок. Всю ночь говорила с ней. Узнала, что родители Лейлы живут в одном из южных районов республики. Её отец долгие годы работает врачом в больнице, он один из известных людей в районе. Три месяца тому назад во время каникул к ним в дом приходил старший дядя, сватал её за своего сына. С мольбой Лейла смогла получить отсрочку до окончания первого курса. Её целью было поговорить с Хунаром, с которым она случайно познакомилась в метро пять месяцев назад. Когда Хунар приехал на летнюю сессию, они встретились и решили сбежать.

Нурану поразила чистота и непорочность этой талышской девушки. Хотя она не сомневалась в её чистой любви к сыну, но всё же посоветовала девушке выйти замуж с умом, с терпением и с благословения родителей. Лейла была тверда в своём решении. Рано утром Нурана проводила молодых людей в путь, не забыв тайком шепнуть сыну на ухо просьбу о том, чтобы он с уважением отнёсся к решению отца и не усложнял ещё больше их жизнь в это и так непростое время...

Хунар поленился закрепить протез на ноге, схватился за костыль, с трудом встал и подошёл к окну, выходящему во двор. Он сел, придвинув к себе близлежащий стул. Вынув пачку сигарет и спички из нагрудного кармана рубашки, он положил их на подоконник. Некоторое время он прислушивался, везде было тихо. От жары в Мугани нечем было дышать. Хунар вспомнил свои родные места, высокие горы, на которые он когда-то не обращал внимания, зелёные деревья, фруктовые сады, а вспомнив о чистом, прозрачном воздухе, несущем прохладу. Он подумал: «Лейла действительно меня сильно любила, как говорится, всем пожертвовала ради меня, прошла невероятные мучения. Ну и что, мы же не смогли стать счастливыми. Кто знает, может, мы прожили такую жизнь в страданиях из-за того, что никто из нас не получил благословения родителей. А может, причина совсем иная?» Он зажгёт сигарету, сунул ее в рот, и снова его окутали воспоминания.

... Лейла услышала от своих родителей по телефону то же самое, что и Хунар, но более твёрдо и решительно.

Молодые люди оборвали связь со своими семьями и стали жить вместе, арендовав квартиру в Баку. Посещаемость Лейлой занятий в течение двух месяцев постепенно ослабла, а затем и вовсе прекратилась.

Случайная встреча Хунара в городе с односельчанином Теймуром, бывшим на пятнадцать лет старше него, развернула их жизнь в совершенно ином направлении. Хунар, взяв молодую жену, уехал в Россию, в город Рязань. Надо отдать должное, Теймур проявил к ним большую заботу, бесплатно отдал им один из домов для временного проживания, определил Хунара контролёром в большой маркет.

Дни текли незаметно, быстро. Они были счастливы, материальное положение тоже постепенно налаживалось. А вопросом ребёнка супруги по обоюдному согласию решили заняться после того, как у них будет свой собственный дом и положение станет нормальным. Всё было хорошо, но внутри обоих жило чувство тревоги, тоски и любви по родным.

Стояла уже середина августа 1993 года. Однажды Теймур одним разговором вновь кардинально изменил их жизнь. Он сообщил им о неопикуемых зверствах, совершённых армянами в Ходжалы, о захвате и разрушении Шуши, Лачина, Ходжавенда и Агдама, об опасности, нависшей уже над Джебраилом, Физули, Губадлы и может даже Зангиланом, где они выросли, о том, что они могут быть захвачены в любой момент. Когда профессиональный военный Теймур заявил, что, продав все объекты, вместе с семьёй вернётся в район, Хунару не оставалось ничего иного, как присоединиться к нему...

Асиф муаллим встретил сына и невестку тяжелобольным, в постели. Эта сцена до конца жизни будет обжигать Хунара, но все же он благодарил Аллаха, что отец простился с жизнью на его руках, несмотря на то, что не разговаривал ни с ним, ни с его женой. Учитывая создавшееся тяжёлое положение, в его дворе, расположенном в райцентре, не установили даже палатку. Как он слышал, район находился в совершенно беззащитном состоянии. Были даже и те, кто говорил, что через пару недель армяне оккупируют все эти районы. Теймур, пришедший к ним в дом на третий день поминок сказал, что сражается в добровольческом отряде самообороны. Его слова взволновали сердце Хунара, он поставил крест на всех своих желаниях и мечтах. В тот же день Хунар тоже записался в батальон и, надев на себя военную форму, встал на защиту района. Он днями не получал вестей от матери и жены, а через некоторое время враги захватили соседний Джебраил, Физули и Губадлы. Положение стало крайне опасным...

Хунар выбросил во двор окуроч сигареты. Внезапно он ощутил за спиной тёплое дыхание. Это был его сын Ниджат, который смотрел на него полным удивления взглядом.

Ниджат спросил встревоженно:

– Отец, как ты? Тебя что-то беспокоит?

– Нет, сынок, всё в порядке. На работу идёшь?

– Да, отец. Мастер сказал, что поедет в Баку, чтобы купить материалы. Он захотел, чтобы я поехал вместе с ним, так как завтра воскресенье. Отец, я поеду, если ты дашь согласие.

– Ладно, что ж, поезжай. Но береги себя.

– Хорошо. Отец, тебе что-то нужно?

– Спасибо, сынок. Поезжай, да поможет тебе Аллах.

Хунар грустным взглядом наблюдал за сыном, пока тот не исчез из виду.

Внезапно ком подкатил к горлу, навернулись слезы. Он попытался овладеть собой, но не смог. Слезы из глаз, будто соревнуясь, быстро катились по щекам к губам, на подбородок, грудь.

Он вынул из кармана всё ещё пахнувший потом платок и, приложив его к лицу, зарыдал. В последние годы он плакал так дважды: когда на тринадцатый год жизни беженцем в день рождения отца его мать Нурана последовала за мужем, и четыре года тому назад, когда он навсегда потерял скончавшуюся от рака груди любимую Лейлу. Каждый раз, беседуя с Ниджатом и вспоминая о Лейле, он чуть было не задыхался.

«Бедняжка, она так мало видела счастья в этом мире, отказавшись от хорошей жизни, посвятила свою жизнь мне. Она перенесла много мук и страданий. Спасибо её отцу, хотя и поздно, но всё же, забыв обиду, помирился с дочерью. Он тратил немислимые деньги, чтобы она смогла родить. Несмотря на жизнь беженцев, ее отец для нас построил дом, тем самым сполна вернул дочери долг родительского приданого. А предложение купить в Баку дом Лейла отклонила, заявив, что все родственники Хунара здесь, в лагере для беженцев, мы не сможем уехать далеко. Но и это Аллах посчитал для нас слишком большим счастьем. Спустя ровно тринадцать месяцев после смерти Лейлы, её отец тоже скончался. Теперь мы остались с Ниджатом одни. Бедный мой сын, днём и ночью он работает, чтобы мы не были ни от кого зависимы. Выполняет домашнюю работу, ходит в школу, а после уроков спешит на работу к автослесарю, у которого является учеником. А я...»

Хунар, задыхаясь от боли, нагнул голову вниз, к отрезанной ниже колена ноге, погладил ее рукой и, горько вздохнув, вновь поднял голову.

Каждый миг того страшного дня предстал перед его глазами.

...Шёл второй день, как несколько солдат добровольческого отряда дежурили на позиции на территории села Ходжахан, приграничного с районом Губадлы, находящимся под контролем армян. Стояла середина зимы, холод пробирал аж до костей. Все вокруг было покрыто снегом. Солдаты, укрывшись в грязные, полинялые от старости советские шинели, внимательно наблюдали за противоположной стороной. Они были точно осведомлены о том, что армянские разведчики устроились в засаде на стороне реки Хакяри, близкой к Губадлы. Отряд, в котором находился Хунар, недавно сменил стоящих на посту. Хунар хорошо знал эту территорию. Он неоднократно проезжал здесь, так как эти места считались объездной дорогой в Губадлы. Солдаты, прислонившись к стене постройки с полуразрушенной крышей, продолжали наблюдать за округой. Внезапно, увидев двух человек, идущих по мосту на реке с противоположной стороны, солдаты невольно взвели оружие. Хунар также схватил свой автомат Калашникова. Самый молодой из солдат сказал, что идущие люди – это женщина с мальчиком. Солдаты успокоились, зная, что на противоположной стороне села всё ещё оставались азербайджанцы. Наверное, кто-то приходил навестить своих родственников. По походке их было видно, что мост покрылся льдом. Хунар со стороны наблюдал за тем, как, несмотря на то, что женщина держала ребёнка за руку, тот иногда скользил, чуть было не падая. Всё произошло неожиданно. Ребёнок поскользнулся, мать выпустила его руку, и он с моста упал в ледяную воду. Не отрывая от них взгляда, Хунар побежал в сторону моста. Товарищи сначала не поняли, куда он бежит, а когда поняли, стали кричать: «Хунар, Хунар!», но было уже поздно. Женщина что-то кричала. Хунар в мгновение ока подбежал к мосту, на миг остановился, услышав крик женщины на армянском, но когда увидел барахтающегося в реке ребёнка, тут же бросился в реку и, схватив за руку уже тонущего ребёнка трех-четырёх лет, потянул его к себе, с трудом вытащив на противоположный берег стремительной реки. Хунар почувствовал, как всё его тело обледенело. Взяв ребёнка на руки, он сделал пару шагов. Свист пуль заглушил даже крик женщины. Хунар упал спиной на землю, а ребёнок, поднявшись, побежал к женщине. Его товарищи, выйдя из укрытия, начали двигаться вперёд, обстреливая противоположную сторону реки. Хунар по снегу стал ползти в сторону товарищей. Солдаты, взяв его за руки, потащили в укрытие. Пуля снайпера, попав в бедро правой ноги, разорвала мышцу вместе с костью. Следы алой крови на белом снегу напоминали тропинку. Один из солдат снял свою майку и жгутом накрепко перевязал ногу Хунара, чтобы остановить кровь. На попутке его отправили в больницу. Через два дня узнав о том, что его правая нога ампутирована ниже колена, Хунар пережил самые тяжёлые и мучительные мгновения в своей жизни. До последнего дыхания он не забудет момент рыдания матери и жены, когда он вернулся домой на костылях. Позже, когда его боевые товарищи неоднократно твердили ему о том, что он искалечил себя ради армянского щенка, Хунар всегда отвечал: «Дети невинны, какой бы нации они не принадлежали». А когда ему напоминали поговорку о том, что «Детёныш шакала вырастет шакалом», ему не оставалось ничего иного, как горько вздыхать, глядя на свою отрезанную ногу...

Хунар встал с места с левой ноги, правой рукой взял костыль, прислонённый к стене. В телевизоре всё ещё продолжались дебаты, связанные с освобождением Карабаха. Говорили, что наш народ является потомком Хатаи, Кёроглу, Бабека, что у него славная героическая история, что не отдадим врагу Карабах. Губы Хунара дрожали от злости. Однако, когда глаза его скользнули по фотографии на стене в красивой рамке, то больше уже не слышал, что говорят по телевизору. Взяв фотографию, он сел в кресло. Он был вне себя, глаза словно застилал туман, он дышал тяжело и прерывисто. Хунар прекрасно знал, кто изображен на фотографии, но сейчас не мог ничего разглядеть. Повернув, он ослабил металлические закрепки рамки и, вынув фотографию, стал ее рассматривать.

Эта была фотография, где они снялись вместе с Лейлой на бульваре в первый месяц после их женитьбы. Она напоминала ему о радостных днях, мгновениях счастливой жизни. На фото они оба смеялись, глаза сияли от радости. Он вспомнил, что за десять минут до того, как сфотографироваться впервые на улице под ясным небом, Лейла неожиданно поцеловала его. А причиной тому явилось изобретение Хунаром, а он был студентом физмата, математической формулы настоящей, чистой любви. Формула та была такой: $1+1=1$. А её решение означало соединение в одной душе двух любящих сердец, их бытность одним целым, одним дыханием и одной жизнью. Услышав это, Лейла от души засмеялась, обняла и расцеловала его.

От этих мыслей лицо Хунара озарилось улыбкой. Он утер тыльной стороной руки слёзы, причину коих он впервые в жизни не мог объяснить. С тех пор прошли годы, но только сейчас он понял, что его душа осталась расколотой, как и тело, а подобная жизнь для него тяжела, слишком тяжела.

Хунар грустно обвёл глазами фото, затем, приблизив к губам, закрыл глаза. Часы на стенах показывали 61-ю минуту.

...Спустя полтора дня родственникам и соседям с трудом удалось высвободить помятое фото из отёкших пальцев Хунара.

**Баку.
19-21 января 2018 года.**

Рай под ногами

Долгие годы я работаю учителем в школе, в которой учился. Говоря «учился», то есть в этой школе я обучался последние семь лет, а до этого в родном районе. В тот год, окончив среднюю школу, я поступил в университет. Пять лет я был студентом-рабочим. Когда я окончил университет, у меня было уже более четырёх лет стажа. Я вернулся в нашу школу филологом. Быть учителем наряду со своими учителями и вправду нелегко. Невольно смущаешься перед ними, ведёшь себя осторожно (внимательно) в разговорах и в поведении.

В связи со специальностью, на своих уроках я стараюсь уделять больше внимания слову, искусству, творческим разговорам. Я пришёл к заключению, что нет плохих учеников, плохих детей, у педагога ещё больше должностной ответственности. Для каждого имеет свой подход, если найдёшь его, значит, достигнешь желаемого. Из-за того, что я очень люблю своих учеников, я стараюсь изучить натуру каждого из них, узнать его характер, семейное положение, по мере возможности проявлять заботу о них.

...Прошёл день 8 Марта, отмечаемого во всём мире как праздник женщин. Я был на уроке в пятом классе. С этим классом у меня «заладился» разговор с первого же дня их обучения. Дети проявляли большой интерес к предмету, вели активные дискуссии. Среди них нашлись и те, кто желали в будущем стать учителями литературы, даже поэтами и писателями. Я спросил у ребят, как они провели праздник, как поздравили своих матерей. Их ответы меня очень обрадовали. Кто-то говорил о том, что поздравил маму подарком, с цветами, а кто-то рассказывал, что обрадовал просто стишком, рисунком и даже обычным поцелуем. Каждый говорил с таким воодушевлением, что невозможно было не поверить, что такая любовь к матерям не является божественной любовью.

От меня не ускользнуло и то, что всегда выделяющийся своей находчивостью и остроумием Мурад после оглашения темы сидел молча и немного угрюмо. Он не отреагировал даже тогда, когда я подошёл к нему, сидящему на одном из последних рядов. Видимо, дело было серьёзным. Я спросил его, как он поздравил свою мать. Мурад неохотно поднялся и ничего не ответил.

– Мурад, ты поздравил свою маму на праздник 8 Марта? – вновь спросил я его.

– Нет, муаллим, не поздравил.

Все взгляды устремились в сторону Мурада. Его лицо было мрачным, словно тучи закрыли солнце. Он пытался скрыть от всех свои грустные глаза. Когда я увидел, что пальцы его дрожат, то решил разрядить обстановку:

– Садись, Мурад. Наверное, ты хорошенько поел и выспался.

Весь класс рассмеялся и перевел взгляд с Мурада на меня. От моего взгляда не ускользнуло и то, что Мурад дрожащей рукой провёл по лбу, ослабил ворот рубашки. Прозвенел звонок. Дети, взяв сумки, с шумом и гамом выбежали из класса. Повернувшись лицом к Мураду, я попросил его сесть на переднюю парту напротив моего стола.

– Мурад, что происходит?

– Ничего.

– Почему скрываешь от меня? Я же вижу, что ты не в себе, – спокойным, заботливым голосом обратился к нему я.

Мурад вытер мокрые глаза тыльной стороной руки и, повернувшись ко мне лицом, с напускной улыбкой пробормотал дрожащим голосом:

– Муаллим, я правду говорю, ничего не скрываю.

– Значит, ты мне не доверяешь. Пусть будет, как ты говоришь, – сказал я и начал собирать портфель.

Неожиданно Мурад стал громко плакать. Я быстро встал, подошёл к мальчику, и, прижав к себе, погладил его по голове. Мурад никак не мог успокоиться.

– У меня нет матери, муаллим, нету. Она ушла с другим мужчиной, бросила нас. Она сбежала с другим, бросив меня и маленькую сестрёнку. Даже не попрощалась с нами. Кого мне поздравлять, муаллим?

Я не мог разобрать слова, которые он, захлёбываясь, говорил. С трудом сделав пару шагов, я бессильно опустился на стул. Плач Мурада затих, а я никак не мог успокоиться. Мне нечем стало дышать, дрожащими пальцами я ослабил узел галстука на шее, но понял, что не в силах расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. По мере того, как состояние Мурада напоминало мне те страшные моменты моей жизни, моё сердце разрывалось на части, стремясь вырваться наружу...

Шёл второй год нашей скитальческой жизни беженцев. Когда мы только стали приходить в себя, были потеряны семь-восемь месяцев учебного года. В отдалённой от райцентра деревне мы привели в «порядок» часть старого административного здания и начали там жить, если это можно было назвать жизнью. Хотя наша школа была старой, но эта была школа со своей историей. Наши учителя заботливо относились к каждому ученику, особенно к нам, беженцам. Я очень любил учиться.

Как сейчас помню. Я посещал школу уже шесть месяцев и учился в четвертом классе. Было 7 марта. Шел урок родного языка. Повсюду готовились к завтрашнему празднику – Международному женскому дню. Наш классный руководитель – Ругия муаллима по очереди поднимала учеников, требуя от них говорить душевные слова о матери. Кто-то стихами, а кто-то, связывая исходящие от души, полные любви слова в красивые предложения, старался показать, как они будут поздравлять своих мам. Когда очередь дошла до меня, я неохотно поднялся. А когда меня попросили сказать душевные слова о матери, я не издал ни звука.

Чтобы узнать мое мнение, учительница, улыбаясь, спросила:

– Хорошо, а как ты поздравил свою маму?

– Я поздравлю отца, учительница, – промолвил я еле слышным голосом и опустил голову. Хотя некоторые ребята засмеялись, но после гневного взгляда учительницы сразу же притихли. Учительница, подойдя ко мне поближе, полушутливо спросила:

– Кого ты больше любишь: отца или мать?

– Отца, – ответил я, чувствуя на себе изумлённые взгляды учительницы и некоторых ребят. Я был взволнован и поэтому с силой потянул за ворот своего пиджака.

– Спрашиваю еще раз. Ты больше любишь отца или мать? – в голосе учительницы зазвучали требовательные нотки.

– Отца, – живо ответил я.

– Любить отца хорошо. А маму ты не любишь? – спросила удивленно учительница.

Гнев душил меня, пару раз я кашлянул, потому что не мог дышать.

– Мою маму убили армяне, когда я был ребёнком, я совсем не помню, – ответил я.

Не выдержав, я зарыдал. Когда учительница со словами: «Джан, джан» прижала меня к груди, мне стало ещё хуже. Я сел на свое место, положил голову на парту и продолжил плакать. Горестные минуты следовали один за другим. Хорошо, что прозвенел звонок. Я чувствовал, как ребята, чьи громкие голоса при выходе в обычное время отдавались эхом по всему классу, на этот раз выходили тихо, затаив дыхание. Учительница неоднократно просила у меня прощения, и даже много позже, когда я уже начал работу в качестве ее коллеги, извинялась, говоря: «Я больше никогда не задавала своим ученикам такого рода вопросы»...

Вспоминая обо всём этом, я понимал, какую огромную, тяжкую ношу несёт Мурад на своих худеньких, детских плечиках. Я столкнулся с парадоксальной ситуацией: хотя отсутствие матери присутствовало в обоих случаях, разница была несоизмеримой.

Голова моя гудела, мысли перемешались. Меня одолевали сомнения: действительно ли рай находится у ног матерей.

Я старался успокоить Мурада, но понимал, что все было тщетно. Я ждал, пока он выплечется, ведь слёзы порой приносят человеку облегчение.

«Самое лучшее лекарство – это время», – сказал я, обняв Мурада за шею. Я верил, что перенесённые им боль и страдания, раны на сердце излечит время, которое зарубцует раны его души.

**Баку.
9 января 2020 года.**

«Гюльгязи»

Голос певца мёдом разливался в сердце Машабиля:

*В сад чужой вчера проник –
Ободрал колени вмиг.
Гроздь спелые раздвинул –
Там любимой нежный лик.*

Под ритм мелодичной музыки движения Машабиля, не соответствующие его возрасту, подёргивание плечами, а порою резкие повороты со скрещёнными ногами, как обычно сопровождался бурными аплодисментами со стороны участников торжества. А то, как Гюльгяз, в длинном платье с рукавами до запястья отплясывала, размахивая руками, игриво поводя глазами и тёпло улыбаясь, а порою ловким движением натянув на лоб платок, сползший на плечи, продолжала свой танец, было всем по душе. В это время трудно было определить, кто заслужил аплодисменты: Машабиля или Гюльгяз.

Как всегда, Машабиля, по-джентльменски взяв под руку Гюльгяз и проводив её до стула, вызвал смех и аплодисменты гостей.

Гюльгяз, изящным движением руки поблагодарив своего кавалера, уселась на своё место. А Машабиля, подойдя к столу, залпом осушил очередные сто граммов водки, налитые в стакан, и самодовольным видом стал наблюдать за гостями на торжестве...

То, что настоящее имя Машабиля было Гудрат, кроме его ровесников, в деревне мало кто знал. Ещё в школьные годы Гудрату было приятно, когда друзья в ласковой форме обращались к нему на «биля». В те времена, когда в палатках, сооруженных для свадьбы, присутствовали только взрослые мужчины, Гудрат и его сверстники устраивали своеобразную молодежную танцплощадку за пределами палатки. Среди них особенно выделялся Гудрат, который отличался от остальных тем, что с детства с особым воодушевлением плясал под ритм музыки «Гюльгязи». Ребята неоднократно пытались ему объяснить, что этот танец больше подходит для пожилых людей, но все было бесполезно. Гудрат не принимал никаких доводов, и более того, каждый раз добавлял к танцу что-то новое.

Он исполнил этот танец и на своей свадьбе на родственнице Хадидже, и тогда, когда выдавал замуж свою единственную дочь Сону. Его танец на свадьбе дочери отличался тем, что тогда он невольно прослезился, и слезы катились по его лицу. Однако его дочь осталась довольна, потому что он успел прошептать ей на ухо, что это слёзы радости.

Распад Советского Союза для Гудрата, как и для всех остальных, не прошел бесследно. После того, как земли совхоза были распределены между сельчанами, тогда уже сорокапятилетний Гудрат, агроном со средним специальным образованием, как и многие, остался без работы и вынужден был искать выход, чтобы как-то выжить. На своей машине «Жигули ВАЗ-2107» он стал подрабатывать извозом. В ту пору этот автомобиль назывался «советским мерседесом». Работа Гудрата состояла в том, что каждый день, проделывая пару рейсов, он возил людей из деревни в город. Ему понадобилось время, чтобы привыкнуть к новой нелегкой жизни. Привык и к тому, что к его прозвищу «Биля» была добавлена и приставка «Маша». Это слово пристало к нему после того, как он вернулся из иранского города Мешхед, куда он поехал в гости по настоянию друзей.

Мало бы нашлось музыкантов, которые не знали бы о том, что на свадебных торжествах Машабиля танцует под ритм «Гюльгязи».

В деревне все знали, какой он добрый и бескорыстный человека. Определённой таксы у него не было, каждый платил, сколько мог, и Машабиля всегда был доволен. Мужчины доверяли ему своих жён, детей, дочерей, невест. Все знали, что Машабиля водит машину аккуратно, в целости и сохранности доставит человека по нужному адресу. Но...

Но однажды Машабиля попал в автомобильную аварию. В той аварии погибли его жена Хадиджа и их соседка. Это было страшное горе, кроме того он отсидел пять лет за решёткой. Люди были опечалены и очень сожалели об этом.

Когда он вышел на свободу, до выхода на пенсию оставалось еще несколько лет. В нем уже не осталось того прежнего задора. Однако Машабиля так и не смог отказать себе в удовольствии танцевать. И на всех торжествах, на которые он ходил, его не оставляли в покое. Люди специально заказывали «Гюльгязи», ожидая его танца. И Машабиля вставал со своего места, начинал танцевать, а затем, выпив сто граммов водки, садился на свое место, выпивал еще двести грамм и отодвигал рюмку в сторону. И все, хорошо зная об этом, уже не предлагали ему выпить ещё «сто» грамм.

После тюрьмы по его неухоженному и неопрятному виду, по неглаженной одежде, грязному воротнику было видно, что Машабиля не справляется с хозяйством.

Его дочь и пара друзей с трудом смогли убедить его жениться во второй раз. Все, кто слышал об этом, радовались, но и удивлялись, когда узнавали имя невесты. Выбор Машабиля пал на старую деву по имени Гюльгяз, живущую в соседней деревне. Гюльгяз была его одноклассницей, а также сестрой друга его молодости Халила. После того, как Халил стал шехидом в Первой Карабахской войне, Гюльгяз долгие годы ухаживала за прикованной к постели матерью, и из-за этого не вышла замуж. Наверное, у неё не было времени даже подумать об этом.

Машабиля несколько раз в году навещал семью своего друга и каждый раз ходил к ним с подарками. Услышавшие имя Гюльгяз не попытались даже поискать иных причин женитьбы на ней, кроме как безграничной любви Машабиля к одному-имённому танцу. Но никто, даже он сам не могли и представить, что он так сильно полюбит Гюльгяз. Прошли годы. Она стала не только его новой женой, но и матерью его единственного сына, с большим трудом появившегося на свет. Кроме того, она стала исполнять с ним танец «Гюльгязи». Как только Машабиля на каком-нибудь торжестве начинал свой танец, как сразу же к нему выходила Гюльгяз, и их полные любви глаза, которыми они смотрели друг на друга, их красивый танец становились самыми запоминающимися моментами праздника, и люди еще долгое время говорили об этом.

...Всё для всех случилось неожиданно.

Не прошло и месяца после того, как Машабиля отправился к доктору на обследование, затем некоторое время находился в больнице и вернулся по собственной воле в родной очаг, как в один из дней он попрощался с бранным миром на руках той, кого любил всей душой и которая четырнадцать лет опекала его, как своего «ребёнка», и в присутствии своего сына Мамеда, которого он нарёк в честь своего отца.

...Все гости на свадьбе были взволнованы, – и стар и млад взирали на возвышенное место, где восседали музыканты. Играла музыка «Гюльгязи». Эта музыка, не звучавшая в последние полтора года, взволновала всех. Постепенно все начали подниматься, однако никто не осмеливался танцевать. Все понимали, что Машабиля больше нет, тем не менее, каждый из них словно ожидал какого-то чуда.

Голос молодого певца разносился по Дому торжеств:

*В сад чужой вчера проник –
Ободрал колени вмиг.
Гроздь спелые раздвинул –
Там любимой нежный лик.*

Участники торжества в изумлении наблюдали за происходящим вокруг.

Впервые, через полтора года, выйдя из траура по мужу и придя на свадьбу внука своей золовки, Гюльгяз неожиданно выступила вперёд и, раскинув руки, начала танцевать. Она так красиво станцевала, что все вокруг стали ей громко аплодировать. Как и прежде Гюльгяз горделиво и с особым изяществом, в платье с длинными рукавами до запястья, танцевала, грациозно поднимая руки, и неотрывно смотрела вперед, словно видела там Машабиля, а порою, ловким движением натянув на лоб сползший на плечи платок, плавно проделывала круг. Слёзы струились по ее щекам.

А повторные бурные аплодисменты участников торжества были адресованы танцующему точно так же, как и его отец, девятилетнему Мамеду.

**Лянкяран.
01 мая 2023 года**

Любовь в жизни

Она смотрела мне прямо в глаза. Я увидел сильную тревогу и разочарование в её глазах. Так мы глядели друг на друга, как давние знакомые. Я внезапно смутился и невольно уставился в пол. Моё сердце трепетало, как рыба на берегу.

«Может, она что-нибудь почувствовала? Нет, она не может ничего почувствовать, это невозможно. В своих отношениях с ней я не давал ни одного повода для сомнений. Нет, она не знает. Тогда что это за озабоченность и тревога в её глазах? Что-то сердце волнуется. Ведь женщины бывают очень бдительными и чуткими в этом вопросе».

Я задержал взгляд на потолке, затем на чае в стакане армуды, на варенье из черешни, и далее уставился на сидящую напротив стола Джамилю.

Это была та Джамиля, дорогая, родная для меня Джамиля, с которой мы прожили бок о бок тридцать пять лет нашей жизни. От того, что цвет хны потускнел на её волосах, была заметна седина по овалу лба. Воспоминания унесли меня в прошлое.

Я женился на Джамиле по любви. Нынешняя молодёжь не поймёт этого. Раньше ты должен был жениться на той, кто понравился твоим родителям. В отличие от других, моё желание встретиться с нареченной невестой пару раз, хотя и не вызвало восторга в доме девушки, тем не менее, в конце концов, было принято. Поэтому мы дважды встретились с Джамилей в разных местах города, и каждая наша встреча заканчивалась прогулкой по приморскому бульвару. Затем, взяв такси, я провожал Джамилю до дома. Мне тогда понравились все грани красоты, которыми одарил ее Аллах: голос, внешность и нравственность. И вот мы уже приближаемся к четвёртому десятку лет нашей жизни.

– Ай, Гариб, как дети-то?

Неожиданный голос Джамилы оторвал меня от воспоминаний. Взяв в руки полный стакан чая, я отпил пару глотков.

«Дети, дети... Её интересуют лишь дети. После появления детей обо мне забыли, будто я исчез из этого дома. Хоть и мы вырастили двух сыновей, двух дочерей, но твои заботы всегда были лишь о них, а в последние несколько лет о внуках. Ты забыла обо мне, Джамиля. Не знала, как я живу».

– Всё в порядке, – неохотно ответил я.

Послышался её радостный голос:

– Я поговорила со всеми детьми, даже с внуками. Все в порядке.

Я положил стакан на блюдечко. Не глядя на нее, начал поглаживать правой рукой запястье левой. От той боли, мучавшей меня в последний месяц, было известно и Джамиле. *«Целый день она думает только о детях и внуках. Я остался в стороне. Мне уже почти шестьдесят. Много ли мне осталось? На тех, кто прожил лет семьдесят, показывают пальцем. Разве Аллах заново вернёт меня на этот свет, чтобы снова прожить жизнь? Эхх... Скоро она начнёт говорить о желаниях детей и внуков: этому то нужно, другому это, и так далее».*

– Очень хорошо, – сказал я.

– Хорошо, да, не волнуйся, – продолжила она с улыбкой. – Наша дочь Айдан снова беременна, через пару дней будет семь месяцев. Ей захотелось солений. Ты снова станешь дедушкой, ай, Гариб. – Она встала, налила себе чай и продолжила: – Муж Гюляр ещё не вернулся из командировки. Нужно отвезти детям гостинцев.

«И вправду говорят, что написанное до женитьбы является поэзией, а после – прозой. Наверное, считали, что писать прозу более тяжёлый и мучительный труд. Смотри-ка, с каким жаром она говорит. Ни слова о нашей жизни и желаниях. Словно нас и не существует вовсе».

– Аслан сказал, что в выходные придёт к нам с детьми. Тебе нужно будет сделать покупки.

«Не верю, что это идея Аслана, наверное, сама позвала. Этот человек в этом находит успокоение. Почему, почему наши женщины бывают такими? Их любовь длится лишь до появления на свет детей, в лучшем случае, внуков. А после этого мужчина отодвигается на задний план. Она сама хочет так жить, а, может, я так не могу. Ведь я же человек, мужчина, и у меня тоже есть свои чувства, мысли, желания. А почему бы им не быть? Ведь я же тоже хочу прожить свою жизнь. Почему ты этого не понимаешь, Джамилия?»

Мысли раздирали меня изнутри. И снова назойливо прозвенел голос Джамили.

– Когда я разговаривала с Хунаром, его дочка Джамилия силой вырвала телефон из рук отца. Её голосок трепетал от радости. Знаешь, что она сказала? Сказала, что через два дня ей исполнится десять. И я, и ты должны принести ей подарки. А я ответила, что мы сделаем для неё всё, что угодно.

«Вот тут ты верно заметила. Мы, родители, и так жертвуем собой ради детей, и один из них я. Программа на этот месяц уже готова, и это длится годами. Мы должны навещать каждого из них, чтобы и дети, и внуки остались довольны. Но разве я годен только для этого? Эхх, ай, Джамилия, ни сама не живёшь своей жизнью, ни мне даёшь жить».

От раскатистого смеха Джамили затряслись стёкла трюмо в комнате.

– Для этой шалуньи нужно купить хороший подарок. В начале следующего месяца день рождения нашего старшего внука Мурада, а его отца тут нет. И для него тоже надо купить приличный подарок, – сказала она, уставившись на меня.

Опустив голову, я пробормотал:

– Иншаллах.

Я посмотрел на часы, было без пяти шесть. Наступил третий месяц осени, и поэтому дни стали совсем короткими. С одной стороны, мне это было на руку. А причина была очень дорога мне.

Это было связано с Улькер, с которой я познакомился два года тому назад, а сблизился в последние два месяца, и которая украсила мою жизнь, пробудив во мне радость к жизни. Неделю назад я впервые поцеловал её. Господи, как же я был счастлив. Мне столько лет, но во время поцелуя всё моё тело задрожало. Я дрожал, как осиновый лист. Хорошо, что я не покраснел. Хотя между нами есть разница в возрасте, она старалась не подавать виду, и даже сказала о том, что это вполне естественно, тем самым безмерно очастливив меня.

Невольно я сунул руку в нагрудной карман пиджака, вынул оттуда мобильный телефон и просмотрел переписку на вотсапе. Поискал там Улькер. «Дорогая, в 7 часов я прибуду на прежнее место».

Я сильно вздрогнул от голоса Джамили:

– Ай, Гариб.

Неожиданно наши взгляды встретились. Я почувствовал, что не могу скрыть тревогу в своих глазах, старался, но не мог. Женская чутье сразу дало о себе знать.

– Что с тобой, почему ты не в духе?

– Ничего.

Она внимательно посмотрела на меня. Я вновь опустил голову.

«Что я могу тебе сказать, ай, Джамилия. Сказать, что в этом моём состоянии виновна ты. Сказать, что я уже не могу так жить. Я тоже хочу женского внимания, женской ласки. Я тоже хочу прижаться к груди женщину, любить, ласкать и баловать её. Ведь любовь связана не с возрастом, а с душой».

– Дорогой, не печалься. Детям необходимо немного поддержки, а затем всё будет хорошо. Сейчас приготовлю тебе ужин. Знаю, что ты голоден, – она быстро поднялась и зашагала в сторону кухни.

«Поддержка эта никогда не закончится, Джамия. Скоро она будет нужна внукам, а когда постареем, и правнукам. И только на последнем издыхании, когда будем прощаться с этим бранным миром, мы начнём сожалеть о потерянном времени. Тогда уже будет поздно. Не знаю, может, такова наша судьба. Но я знаю, что кто-то меня ждёт, очень скучает по мне, тоскует без меня. И у неё судьба не сложилась, осталась в одиночестве с дочерью. Может, из-за того, что я поддерживаю ее, Аллах простит мои грехи. Эта женщина словно заполнила собой пустоту в моей жизни. Ежедневно, ежечасно она ждёт меня, даже если является «женщиной в чёрном». Прости меня, Джамия, но я должен идти. Я должен идти, чтобы прожить с моей Улькер в нашем мирке хотя бы пару часов».

– Смотри, какое превосходное блюдо я для тебя приготовила. Поешь, выпей чаю, отдохни немного.

– У меня нет аппетита.

Ее слова словно обожгли меня изнутри, и я даже растрогался. Я постарался поскорее отвернуть лицо. На самом деле, последние два месяца Джамия пару раз замечала, что со мной что-то не так. Правда, она ни о чем не расспрашивала, но если принять во внимание интуицию, так хорошо развитую у женщин, то она должна была понять, что со мной что-то происходит. Она не подавала виду. Я решил, что расскажу ей обо всём, если она спросит. Я бы сказал ей, что причиной ухода из дома как мужчины, так и женщин, является наличие противоположного пола. Этого никто не может отрицать. Но этого не произошло, и я ничего не сказал. Не знаю, что бы случилось, если бы я признался ей. Может, и хорошо, что все остается так, как есть. Не знаю. Я совсем растерялся.

Джамия подвинула ко мне стул. Она начала поглаживать то место на моей левой руке, которое болело. В этот момент боль в моем сердце стала еще сильнее. Нежный голос Джамии проникал все глубже в мою голову и тело.

– Гариб, дорогой, зачем ты так волнуешься? Слава Аллаху, наши дела в порядке. Верно, мы беспокоимся из-за детей и внуков, но и это пройдет. А что делать мне, бедняжке?

Я расстроился от ее слов, и мне казалось, что сердце мое словно готово вырваться наружу. Она ясно видела, как прослезились мои глаза и сама также растрогалась.

– Дорогой, я знаю, что у тебя небольшие проблемы со здоровьем, но не тревожься, и это пройдет. Скажи, что мучает тебя, вместе мы что-нибудь придумаем.

«Что тебе сказать, Джамия, как сказать? Не могу же я раскрыть свое сердце перед тобой? Не могу принять обычаи и традиции, доставшиеся нам по наследству. Почему я должен прятать свои чувства, которыми меня одарил Аллах, почему? Поверь, после знакомства с Улькер я полюбил эту жизнь ещё больше. Но я не могу рассказать тебе об этом! Разве ты не видишь моего состояния? Не видишь, как я сгораю и превращаюсь в пепел изнутри?»

От этих мыслей, что стрелой пронеслись в моей голове, я резко встал и пошёл к окну. Голос Джамии словно пронзил мое сердце.

– Дорогой, может, выйдешь во двор подышать свежим воздухом? Пройдись чуток, погуляй, повидайся с друзьями, приходи в себя и возвращайся домой.

Я повернулся к Джамии и увидел тоску и печаль в ее глазах, от которых мне стало не по себе. Однако я должен был уйти.

– Хорошо, я пойду прогуляюсь и скоро вернусь, – сказал ей я.

Оставались минуты до встречи с моей Улькер.

**Лянкяран.
2 ноября 2023 года**

Одинокая женщина

Она остановилась перед огромным зеркалом в коридоре. Села на стул спиной к зеркалу. В последнее время это словно вошло в привычку. Всякий раз после возвращения с работы она там 2-3 минуты переводила дух, с интересом оглядывалась вокруг, как будто пришла в чужой дом.

Этот день отличался от прочих. От невиданных доселе более в теле у неё сжималось сердце, она немного устала и вспотела. Нешуточное дело: по «милости» «умирающего» днями лифта, с целлофановыми кульками в руках, полными продуктов, она поднялась пешком на седьмой этаж. Она несколько раз глубоко вздохнула. Попыталась сама себя успокоить. В её голове снова пронеслась мысль о том, что в последнее время она быстро устаёт.

«Мне нет и тридцати, а я так быстро устаю. И теперь не осталось и следа от той памяти, которая некогда восхищала всех окружающих».

Она огляделась. Могильная тишина объяла дом. Даже жужжание мухи наполнило свист пули. На самом деле это была привычная картина, которую она видела по возвращении с работы домой в последние месяцы. Несмотря на ожидание, что её кто-нибудь встретит у порога, этого не случилось, да и надежды на это было мало. Она и сама сознавала это, но страстно желала... Даже понимая эту невозможность, она всё равно сознательно обманывала себя, получая наслаждение от этого самообмана.

«О Аллах, помоги мне!» Она попыталась успокоиться. Встала, но не подошла к огромному зеркалу за спиной, испугалась увидеть горестное выражение на своем лице в тот момент. Взяв целлофановые кульки, последовала на кухню. В доме было холодно. Кажется, что холод, царящий как в доме, так и на улице, был следствием «борьбы за власть» последних осенних дней с надвигающейся зимой.

Она медленными шагами прошла в спальню. Взяла из шкафа домашнюю одежду. Переодевшись, пошла в сторону кухни. Вынув продукты из кульков, она разместила их в холодильнике. Проверила наощупь отопительную батарею. Включила электрическую плитку. Сегодня она задержалась на работе, а надо было еще отовариться в «Браво». Поэтому она поздно пришла домой. Каждый раз после возвращения с работы она выпивала стакан чая и, немного отдохнув, начинала готовить ужин. А сегодня было без того поздно, и она сразу начала готовить ужин.

Мысли, которые она настойчиво отгоняла от себя, вновь захватили Нармин.

«Правду говорят, что у счастья нет времени, размера, даже места. Человек может прожить один миг счастья в течение всей своей жизни. Восемь лет, которые я прожила, пролетели в мгновение ока. Как же мы были счастливы, о Господи! Словно это был сон, что мне приснился. Кстати, о сне... Чтобы Нихат снился мне каждую ночь, я вспоминаю приятные мгновения, пережитые вместе с ним, но этот вероломец так и не является в мои сны. Эх ты, неверный, неужели за всё это время ты никак не вспомнил обо мне, не заскучал по мне? А говорил, что не сможешь без меня прожить ни дня».

Нармин и Нихат познакомились случайно в университетском буфете в последний год учёбы.

Их первое общение продлилось где-то минут десять.

Нихат принёс воды для Гюльнар, подруги Нармин, которой вдруг стало плохо. А затем он вызвал скорую помощь. И в больницу они поехали вместе на машине. После оказания врачами Нармин помощи, они все вместе вышли из больницы, Нармин больше подруги благодарил Нихата, неотлучно находящегося рядом с ними.

А на следующий день Нармин и Нихат встретились уже как старые знакомые.

Через два года на свадьбе Нармин и Нихата больше всех танцевала Гюльнар. Она расцеловала обоих в лицо и пожелала им счастья на всю жизнь.

После того как Нармин помешала мясо в кастрюле, добавила картофель и закрыла крышку, она опустилась на табуретку. Ей вдруг вспомнилось пожелание счастья на всю жизнь, которое Гюльнар сделала ей с Нихатом на свадьбе.

«Не бывает счастья на всю жизнь, моя сестричка-красавица. Из-за короткой жизни счастье ещё больше манит людей. А ты сама как, смогла ли стать счастливой? От того счастья, которое не сходило с твоего лица в первые месяцы замужества, не осталось и следа. Я не могу даже позвонить и справиться о твоём самочувствии, так как мучаюсь целыми днями от того, что слышу. До тебя не доходят ни мой голос, ни мой зов».

Нармин, как обычно, разложила еду на две тарелки, одну из которых подвинула к себе, и начала есть. На самом деле она просто ковырялась вилкой в тарелке. Нармин, всегда старавшаяся во время еды не осматриваться, на этот раз уставилась на стулья вокруг, и ком так сжал ей горло, что она чуть было не задохнулась. Положив вилку на тарелку, она схватилась рукой за горло. Кашлянув пару раз, она, выставив руки вперёд, раздвинула пальцы. «Нармин, успокойся. Нармин, приди в себя», – сказала она, глубоко вздохнув. Она закрыла лицо руками и внезапно начала громко плакать. В таком состоянии она пробыла две-три минуты, затем, встав на ноги, собрала еду в одну тарелку. Улыбнулась своей мысли. «Для моей Мастан настоящий рай. Съест и мою, и долю Нихата, и будет счастлива».

Взяв полную тарелку еды, она зашагала в сторону входной двери квартиры. На её зов явилась полосатая бело-черная кошка. Нармин выложила еду в пластмассовую миску, стоящую у стены. Кошка вначале потерлась об ноги Нармин, затем стала с жадностью есть. Нармин в хорошем настроении вернулась в квартиру и заперла дверь.

Пройдя на кухню, она налила в стакан чаю, затем прошла в гостиную. Каждый уголок квартиры был навеян воспоминаниями о Нихате. Особенно она не переставала разглядывать фотографии на серванте, стенах и книжном шкафу гостиной, на которых были запечатлены счастливые мгновения их совместной жизни.

В одной из бесед Гюльнар посоветовала ей создать семью в будущем, убрать фотографии Нихата из дома, чтобы старые воспоминания не теребили ей душу. Нармин не сделала этого и заявила, что не сможет поступить так. И добавила, что три года, проведённые с Нихатом, достаточны для её женского счастья.

Последнее пожелание Нармин от Нихата было связано с ребёнком. Тот разговор произошёл здесь, в гостиной, на диване во время просмотра телевизора:

– Нихат, дорогой, уже приближается третья годовщина нашей свадьбы. Но у нас всё ещё нет детей. Мама тоже всякий раз меня ругает, спрашивает о наличии проблемы, но я не могу ей ответить.

Нихат, обняв Нармин, полными любви взглядом, поцеловал её в волосы и лицо:

– Нармин, жизнь моя, у нас нет никаких проблем с здоровьем, связанных с зачатием ребёнка. Верно, это я не хотел ребенка. Решил, что мы ещё слишком молоды, немного погуляем, увидим мир, насладимся прелестью отдыха. После рождения ребёнка всего этого ведь не будет. Слава Богу, мы побывали во многих живописных местах нашей родины, а также в нескольких зарубежных странах. Но ты права, уже время. Наши тоже прожужжали мне все уши. В этом году мы решим этот вопрос, Иншаллах.

От радости Нармин заплакала. Она всегда покорялась желанию своего возлюбленного, но сейчас горела желанием вкусить радость материнства. Но...

Между тем разговором и гибелью Нихата в автокатастрофе прошёл всего месяц.

Включив телевизор, Нармин уселась в кресле. Горько вздохнув, она взяла чашку чая и отпила несколько глотков.

«Как быстро пролетели дни. Сегодня три месяца и десять дней, как тебя рядом со мной нет, Нихат. Знаешь ли ты, чему меня научили эти сто дней, что я пережила за это время? Не говорю, не хочу портить тебе настроение. Жить без тебя мне очень тяжело, Нихат. Поверь мне, если бы я не работала, то не смогла бы выдержать это горе. А больше всего меня огорчает то, что от нашей семейной жизни не осталось ничего».

Нармин обеими руками обняла себя за плечи. Необычная дрожь пробежала по всему телу. Живо взяв одеяло с дивана, она накинула его на плечи. Выпила ещё несколько глотков чая.

«Нихат, моё здоровье сильно ухудшилось. В моем теле нет места, которое бы не болело. Вчера пошла к врачу, обследовалась. Сказали, что проблема в нервах, в стрессе. А ответы на некоторые анализы еще не дали, и я не знаю, какой меня сюрприз ожидает. Они прописали и лекарства. Принимаю их со вчерашнего дня, но никак не могу прийти в себя».

Она медленными шагами прошла в спальню. Положила мобильный телефон на тумбочку у ночника возле кровати. Подняв одеяло, Нармин залезла под него и сжалась от холода. Когда она повернулась на правый бок, её взгляд задержался на фотографии Нихата, стоящей на трюмо напротив. Свет с коридора создавал такой эффект, словно Нихат, прищурившись, насмешливым взглядом наблюдает за ней.

«Да, Нихат, ты смеёшься над моим состоянием. Я и вправду в смешном виде. Может даже твоё место удобное, а настроение превосходное. Ты ушёл и тем самым спас себя от мучительного одиночества этого мира. А я же каждый день, каждый час умираю и заново рождаюсь. Ты оставил меня одну. Не подумал, сможет ли эта несчастная тащить на своих плечах такой тяжкий груз? Знаешь, какое это горе остаться в одиночестве. Хотя я работаю и у меня хорошая зарплата, однако...»

Нармин повернулась на другую сторону, словно смутилась и не хотела высказывать фотографии Нихата все, что было у нее на душе.

«Очень тяжело жить в одиночестве. Я без тебя очень скучаю, дорогой. Если бы ты знал, как я нуждаюсь в твоей ласке, заботе, добрых словах, Нихат. Если бы узнал, может быть и прибежал бы ко мне, не позволил бы мне горевать и грустить. Я уверена, что если ты не можешь прикоснуться ко мне рукой, то твоя душа витает надо мной. Мне очень трудно все это вытерпеть, мой Нихат. Люди вокруг не воспринимают тебя такой, какая ты есть. Особенно мужчины смотрят на одиноких женщин, как на партнёрш в постели. Навязывают себя всем женщинам без разбору. Бедняжки женщины лишены чьего-либо доброго слова. Знаешь ли ты, сколько одиноких женщин, не выдержав превратностей судьбы, либо кончают жизнь самоубийством, либо бывают вынуждены смириться с незавидной участью. Почему мужчины не слышат женщин, почему не способны оценить их, не могут по-человечески поддержать? Интересно, когда же мужчины поймут, что ранить душу столь хрупкого создания, растоптать её чувства, является огромным грехом? Почему же наше общество докатилось до такого уровня, почему?»

Нармин с трудом повернулась на спину.

Сгущались сумерки. Мёртвая тишина в комнате давила на сердце. Словно вся жизнь остановилась, и на земле вымерли все живые существа.

От стреляющей боли Нармин дернулась и снова повернулась лицом к стене.

«Нихат, оказывается, одиноких женщин можно определить по взгляду, походке, осанке. Несмотря на все различия, единственная причина, что их объединяет, – это горечь. И как бы они ни старались держаться прямо, всё равно не получается. Я узнала об этом после того, как вступила в их ряды, дорогой. Но великий Господь и их жизненный путь озарил светом. Одинокие женщины заканчивают свои дни надеждой на счастливый конец. Надеждой на то, что кто-то когда-то постучится в их дверь, что им встретится порядочный человек, который разделит с ними их радость и горе. Эти ложные надежды питают их в жизни».

Она закрыла глаза, слёзы тихо текли по лицу.

«Нет, Нихат, я не могу так жить. После тебя я не смогу быть чьей-либо, не смогу этого сделать. Не осталось ничего, что поддерживало бы во мне радость жизни. Каждый день я умираю в мучениях, сгораю от тоски. Не лучше было бы разом умереть? Но что делать, сидеть и ждать предложения от какого-то мужчины. Может, этого не случится, может, судьбой мне предначертано одиночество. Если так, тогда какой смысл жить? Ты бросил меня, стал неверным, а я не оставлю тебя одного, нет, не оставлю. Я иду к тебе, Нихат, встречай меня».

Нармин так резко поднялась с постели, будто кто-то взял её за руку и потянул наверх.

Быстрыми шагами подойдя к креслу, она подвинула его к окну. Поднявшись на кресло, открыла окно. Ворвавшийся в комнату холодный ветер больно ранил её в лицо, словно ножом, внутри все похолодело. Слёзы текли по всему лицу.

Нармин выглянула из окна и посмотрела вниз.

Двор и всё вокруг находились целиком во власти тьмы. Расстояние до земли было настолько большим, что на миг в глазах потемнела.

А когда она открыла глаза, то увидела Нихата, машущего ей руками и указывающего на что-то. Зрачки ее расширились, и она со словами «Иду, мой Нихат, я иду к тебе», положила правую ногу на подоконник.

В воздухе запахло смертью.

А Нихат продолжал на что-то показывать рукой.

Она ничего не поняла, но сказала: «Иду, мой дорогой, иду».

Когда она подняла левую ногу, то на её мобильный телефон пришло несколько сообщений.

В это время она ясно увидела, что Нихат показывает на мобильный телефон на своей руке.

На миг она оцепенела.

Осторожно спустилась с кресла вниз.

Взяв телефон, она зашла в сообщения и начала читать написанное на экране: «Уважаемая Нармин ханым. По результатам обследования подтвердилось наличие у вас трёхмесячной беременности мальчиком. Поздравляем вас».

Нармин подбежала к окну.

Когда она посмотрела вниз, то при ярком свете уличных фонарей заметила, что всё вокруг светло, как днём. Во дворе никого не было.

Нармин, усевшись на краю постели, прижала к груди телефон.

Со стороны никто не смог бы определить: смеётся ли она или плачет.

**Лянкяран.
8– 9 ноября 2023 года**

НАМАЗАЛИ МУСТАФАЕВ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ –

СИМВОЛ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В мае 2023 года в рамках проходившего в Азербайджане Года великого лидера азербайджанского народа, вошедшего в анналы новейшей истории человечества, выдающегося государственно-политического деятеля Гейдара Алиева, состоялись научные чтения на тему: «Гражданский и научный подвиг Титанов». Инициатива проведения упомянутого мероприятия, в реализации которой приняли активное организационное участие руководство Полтавского университета экономики и торговли и Хмельницкого Национального университета, принадлежит Общественному объединению «İnkışaf və Dünya» («Development and the World»).

Мотивацией к проведению чтений в Украине, вопреки экстремальным условиям военного времени, послужила одноименная статья автора публикации, посвященная историческим юбилеям: 880-летию со дня рождения великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви и 150-летию со дня рождения выдающегося русско-украинского ученого-академика Агатангела Крымского. Статья была обусловлена необходимостью актуализации среди современного поколения и практически нового прочтения непревзойденной монографии А. Крымского «Низами и его современники», изданной в прошлом столетии. Ибо потребность в сохранении имен Титанов, их благородных деяний в вечной памяти широкой читательской аудитории, а также воссоздание сквозь пространство и время духовно-интеллектуального диалога, является непреходящей задачей в сфере увековечивания духовно-философского, поэтического наследия гениальных мыслителей обоих народов.

В Азербайджанском культурно-просветительском центре Полтавского университета в этот день собрались известные ученые, профессорско-преподавательский состав и студенты, гости, представители общественности, азербайджанской диаспоры, дабы пропитать его стены светлой энергией общения и взаимопонимания, репродуцировать мысли, порождающие общие для наших народов такие духовные ценности, как патриотизм, свободолюбие, достоинство, ответственность за сохранение исторической памяти и приумножение культурного наследия, напомнить о жизненных императивах, придающих воле обоих народов несокрушимый характер и глубокий философский смысл.

Открывая мероприятие, ректор Полтавского университета, заслуженный работник образования Украины, доктор исторических наук, профессор Алексей Алексеевич Нестуля отметил, что основа современных отношений между Азербайджаном и Украиной была заложена при президентстве Гейдара Алиева.

Следует отметить, что в воспоминаниях украинцев, в истории азербайджано-украинских отношений Гейдар Алиев навсегда остался знаковой личностью.

«Гейдар Алиев оставил после себя достойного сына и преемника, Президента Ильхама Алиева. Ярким подтверждением тому служит восстановление территориальной целостности и суверенитета Азербайджанской Республики. Мощь Вооруженных сил Азербайджана и воля Президента стали залогом Победы и дальнейшей безопасности суверенного и независимого Азербайджана. В 1997 году за исключительные заслуги в укреплении дружбы и сотрудничества между Азербайджаном, и Украиной Гейдар Алиев был удостоен высшей награды Украины – ордена Ярослава Мудрого. Между двумя народами издавна существовала глубокая традиционная

дружба. Общенациональный лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев всегда с особой теплотой и вниманием относился к украинскому народу. Он немало сделал для Украины, помогал в строительстве ряда крупных промышленных предприятий, заводов, культурных и спортивных комплексов», – отметил ректор.

Профессор А. Нестуля акцентировал внимание участников мероприятия на длительных и плодотворных образовательных, научных, культурных и личных связях вуза с азербайджанской общиной в Полтаве, отмечая их активное участие в создании данного центра. Он с душевной теплотой рассказывал о рабочих поездках на родину Низами, неоднократно участью в образовательных выставках в Баку, которые запомнились не только высоким профессионализмом и организаторским талантом коллег, но и щедрым гостеприимством и доброжелательностью.

Разговор о гениальном Низами Гянджеви и выдающемся украинском востоковеде академике А. Крымском не был бы столь глубоким и искренним без встречи с дружеским сообществом Полтавы.

Мероприятие посетили председатель общественной организации «Совет азербайджанцев Украины в Полтавской области» Физули Ганбаров, активный участник азербайджанской диаспоры Хангусейн Ханкишиев и предприниматель Сирадж Мусаев. Особо следует отметить обеспечение высокого уровня подготовительной организационной работы по проведению чтений со стороны ученого секретаря университета, доктора философии по филологии, доцента Виты Сарапиной. При этом, она настойчиво призвала студентов к размышлениям о феномене Низами в интерпретации Агатангела Крымского.

По мере того, как участники чтений, находившие в своих выступлениях выразительные параллели жизни творчества Низами Гянджеви с украинской культурой, великий поэтический гений азербайджанского народа становился в глазах присутствующих на мероприятии все более близким и родным для их народа человеком. Так, обращения поэта к сыну оказались еще более понятными и ценными, когда участники чтений напоминали о ярких аналогах в лице адресованного потомкам князем Владимиром Мономахом исторического документа под названием «Послание детям», произведений Тараса Шевченко «Завещание», «И мертвым и живым...». Говорилось и том, как подобно «Пятернице» (Хамсе), в украинской народной пословице повествуется о маме и детях, которых до боли жаль, как каждый палец на руке, о трактовке великого философа Сковороды понятия свободы, как высшей святости, о том, что также, как и Низами, «...где родился, там и пригрозился» зачинатель нового украинского языка и литературы полтавчанин Иван Котляревский... Красной нитью сквозь все выступления студентов, проходила мысль о глубоком почитании творчества Низами в Украине.

Наряду с этим, речь шла об украинских переводах поэм Низами, осуществленных такими мастерами поэтического перевода, как Николай Гулака, Леонид Первомайский, Василий Мысика, Семен Абрамович. На фоне этого эмоционального творческого накала, подчёркивалось, что среди лучших изданий зарубежной литературы в 2021 году украинский ПЭН назвал поэму «Лейли и Меджнун» киевского издательства «Ярославов вал».

Особо отмечалось, что 15 сентября 2021 года в сквере на площади Фейербаха в Харькове был открыт первый в Украине памятник Низами Гянджеви в композиции «Хамсе» работы народного художника Украины Катиба Мамедова, существенно украсивший ботанический сад имени академика А. Фомина в Киеве.

С интересными докладами выступили студентки: первого курса Анна Полонская на тему – «Политико-правовые взгляды Низами Гянджеви» и Дарья Савченко – «Тайна любви в поэмах Низами Гянджеви».

Знаменательно, что в научных чтениях активное участие приняли известные ученые Полтавы.

О вкладе академика Агатангела Крымского в развитие мировой ориенталистики и его определяющей роли в возвращении Низами Гянджеви азербайджанскому народу рассказала присутствующим литературовед, доктор филологических наук, профессор кафедры украинской литературы Полтавского национального педагогического университета им. В.Г. Короленко – Светлана Ленская.

Она раскрыла историю создания монографии «Низами и его современники», охарактеризовав методологию исследования, квалифицировала деятельность выдающегося украинца, основателя Национальной академии Украины, языковед, переводчика, писателя, ученого-ориенталиста, академика А. Крымского, как творческий подвиг достойного человека, который являясь жертвой советского тоталитарного режима, стал олицетворением несокрушимости духа и преданности делу.

Поэзия великого Низами символизирует гармонию мысли и слова.

Его стихи на азербайджанском языке прочитал выпускник Полтавского университета Хангусейн Ханкишиев.

Искренно и увлеченно, отрывки из поэмы «Лейли и Меджнун» декламировал первокурсник Юрий Мунтяну, представивший мужественные и мудрые размышления автора о причинах создания поэтом этого выдающегося лиро-эпического произведения о свободе творческой мысли поэта.

Очень проникновенно выступила студентка Елизавета Левченко, кто нежными и трепетными слова Лейлы передала тоску всех украинских девушек и женщин из-за разлуки с дорогими сердцу любимыми мужчинами-воинами, вселила веру в их счастливое возвращение в родные дома с победным Миром.

Научные чтения в Полтавском университете экономики и торговли завершились одой о высокой поэзии и убеждением в том, что великая литература насыщает и соединяет сердца через пространство и время, что духовное наследие Титанов – Низами Гянджеви, Агатангела Крымского – их подвиг во имя торжества истины является примером для будущих поколений любой нации, что настоящая любовь и настоящее творчество бессмертны.

Профессор А. Нестуля отметил, что научные чтения завершились, но сотрудничество братских народов продолжается, и они станут вечной данью памяти Общенационального лидера, оставившего неизгладимый след в современной истории Азербайджана и создавшего прочные дружественные отношения между Азербайджаном и Украиной. Было приятно услышать высказывание ректора университета: «Действительно, полтавские азербайджанцы всегда были нашими друзьями и надежными партнерами».

В завершении мероприятия руководство университета подписало меморандум о сотрудничестве с Общественной организацией «Совет азербайджанцев Украины в Полтавской области», который базируется на принципах равноправия, открытости, благотворительности и толерантности, способствует налаживанию конструктивного и взаимовыгодного межкультурного сотрудничества на территории Полтавщины, обмена опытом в таких областях, как культура, искусство, экономика, туризм.

Хочу выразить особую благодарность ректору А.А. Нестуле за вклад в подготовку и проведение на высочайшем уровне этого неповторимого мероприятия.

В научной библиотеке Хмельницкого Национального университета также состоялись научные чтения на тему: «Азербайджан. Салам, Побратимы!» (ректор: доктор исторических наук, профессор С.А. Матюк).

Хмельницкая область очень близка Азербайджану, так как в 60 км от областного центра, в поселке Летичево родился выдающийся украинский ученый-фольклорист, литературовед, библиограф, доктор филологических наук, профессор Александр Васильевич Багрий, проживший в Азербайджане длительный период (1922-1949 гг.), внесшего огромный вклад в подготовку научных и педагогических кадров в нашей стране.

В мероприятии, организованном руководством университета, приняли участие профессорско-преподавательский состав вуза, студенты, гости, представители общественности области и города.

Присутствующие минутой молчания почтили память Общенационального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева. Прозвучали гимны Украины и Азербайджана.

Проректор по научно-педагогической работе, доктор экономических наук, профессор Николай Антонович Йохна открыл мероприятие.

Он сообщил присутствующим, что их вниманию также представлена публицистическая статья «Гражданский и научный подвиг Титанов».

В своем выступлении профессор Н.Йохна отметил, что Страна Огней хорошо знает известных ученых Украины: библиографа, фольклориста, профессора Александра Багрия; академика Агатангела Крымского; литературоведа, переводчика, азербайджанского украинца Данило Бакуменко; академика, главу Фонда культуры Украины Александра Бакуменко, внесших значительный вклад в развитие культурного сотрудничества между Азербайджаном и братской Украиной.

Далее он отметил, что в статье «Гражданский и научный подвиг Титанов» представлено вниманию читателей и молодому поколению творчество великого азербайджанского поэта и философа Низами Гянджеви, крупнейшая монография академика А. Крымского – «Низами и его современники», которая впоследствии была потеряна, раскрыта роль общенационального лидера Гейдара Алиева в возрождении этого исследования, вклад крупнейших востоковедов мирового масштаба Зии Буньятова и Газанфара Алиева в восстановлении данной монографии.

Перед участниками мероприятия с докладом на тему «Научный вклад А. Крымского» выступила доцент кафедры украинской филологии, кандидат филологических наук И. Приймак.

С большим вниманием были заслушаны доклад старшего научного сотрудника кафедры украинской филологии, кандидата филологических наук А. Олейника на тему «Александр Багрий – подольский азербайджанец», а также выступление доцента И. Горячока.

Присутствующий в качестве гостя на мероприятии Мурад Зейналов поделился воспоминаниями своего дедушки о том, как они вынуждены были покинуть захваченные агрессором оккупированные азербайджанские земли, в результате чего превратились в беженцев. «И только благодаря героическим азербайджанским солдатам и офицерам, которые во время Карабахской войны сражались не на жизнь, а на смерть, поддержке всего азербайджанского народа, под руководством политического преемника великого Гейдара Алиева – Президента Ильхама Алиева, превратившего Азербайджан в сильное государство – победителя, восстановившего свою территориальную целостность и суверенитет, положившего конец 30-летней оккупации нашей страны», – отметил Мурад.

Заведующая методической работой Светлана Молчанова познакомила участников мероприятия с книжной выставкой о стране, в которой представила их вниманию видеоролик о братском Азербайджане.

В заключении студенты представили гостям номера художественной самодеятельности. Так, Марина Подольская прочитала стихотворение Расула Рза «Капли» в переводе известного переводчика Данила Бакуменко, а Дарина Гладка исполнила украинскую «Песню про защитника».

По окончании была сделана фотография на память.

9 МАЯ ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ

МАГДАЛИНА ГРОСС

ЭССЕ И РАССКАЗЫ

В День Победы мы привыкли думать о людях в военной форме и погонах. Этот день ассоциируется у нас прежде всего с ветеранами, на кителях которых можно увидеть ордена и медали. А ещё фильмы на военную тему, кадры которых помогают людям, никогда не видавшим войну, представить её. Понять, насколько страшны военные будни.

Те люди, о которых мне хотелось бы написать, не ходили в атаки, не брали штурмом здания. Бойцам невидимого фронта – им не приходилось входить победным маршем в освобожденные города. И, тем не менее, они ковали победу наравне с теми, кто с оружием в руках защищал родную землю. Сумел бы наш народ победить без них? Наверное, да. Но недооценить вклад этих людей в борьбу с врагом было бы большой ошибкой. Люди, о которых пойдёт речь в этой работе, – военные переводчики.

Илья Семёнович Кремер

Этому человеку судьба отмерила долгую жизнь длиной в 98 лет. Если бы Илья Семёнович дожил до нашего времени, то в этом году он отметил бы столетний юбилей. Когда началась война, он, конечно же, рвался на фронт. Одним из лучших студентов МГУ, который хотел попасть в лыжный батальон (были в военное время и такие), забраковали из-за слабого здоровья. Возможно, именно это и спасло ему жизнь. Попади он сразу же на передовую, шансов остаться в живых у него было бы намного меньше. Позднее Кремер вспоминал, что когда в 1941 году он первый раз увидел колонну марширующих через его родное село немцев, у него не было ощущения, что он видит противников. «Это были самые обычные люди, только в военной форме. Своей подтянутостью они невольно вызывали уважение», – вспоминал он в одном из своих рассказов о Великой Отечественной.

Через четыре года Илья Кремер окажется в осажденном русской армией Берлине. Ночи в начале мая 1945 года будут достаточно холодными, но он предпочтет спастись от холода приседаниями и маршировкой. Накинуть на себя шерстяное одеяло, которые выдавали солдатам Вермахта, он так и не сможет – такое отвращение вызывали у русского солдата вещи, предназначенные для врагов.

А тогда студент второго курса Илья Кремер, чтобы хоть как-то помочь армии, решил устроиться на завод, где помогал собирать легендарные «Катюши». Чуть позже он записался в отряд добровольцев и рыл окопы и противотанковые траншеи, на случай подхода немецких войск к Москве. После окончания IV курса ему всё-таки удалось попасть на фронт, а с конца апреля он работал военным переводчиком. Начало переводческой карьеры было ознаменовано тем, что Кремеру пришлось переводить большое количество документации к трофейному оружию, которую чудом удалось раздобыть. Молодой переводчик находил это занятие несколько скучным и очень сокрушался, что ему не удавалось поговорить с немцами, которых наши солдаты приводили в воинскую часть в качестве «языков».

Несмотря на то, что студенту ещё предстояло доучиваться и заканчивать институт, его переводы технических описаний были выполнены настолько хорошо, что ими заинтересовался С.П. Королёв. Особенных успехов переводчик Кремер достиг при переводе технического описания ракет V-2. Это была первая в мире баллистическая ракета дальнего действия, которую разработал немецкий конструктор Вернер фон Браун. Ракета имела ряд недоработок, и, тем не менее, в конце Второй мировой войны было решено принять её на вооружение.

Владимир Самойлович Галл

Иногда переводчикам приходилось выступать немного в необычной для них роли. Так, например, Владимир Галл, который оказался на войне в 26 лет, сразу после окончания факультета германистики Московского философского института, иногда называл себя «разложенцем». Безукоризненно владея немецким языком, Галл написал тысячи листовок, которые призывали немецких солдат как можно быстрее закончить кровопролитную войну. Разложить немецкие войска морально – этого добивался Владимир Галл, который, хоть и понимал, что на войне невозможно обойтись без потерь, не мог выстрелить в живого человека.

В 1944 году майор Галл выступил в качестве парламентаря, вынудив командование крепости Шпандау, которая находилась на территории Германии, сдаться. Быть парламентарем иногда небезопасно. Известно немало случаев, когда во время войны гитлеровцы расстреливали тех, кто, желая мира, пытался вести переговоры о прекращении боевых действий.

В Шпандау переводчик Галл попал... по верёвочной лестнице! На самом деле Шпандау была не совсем крепостью, она представляла собой целый город. С улочками, четырьмя площадями, множеством построек и всеми необходимыми коммуникациями.

Начальство крепости, которое засело в ней, взяло в заложники мирных жителей и никак не шло на уступки. Стрелять же по крепости, за стенами которой было мирное население, советские войска не могли. Был ещё один выход – взять крепость штурмом. Но тогда наши войска понесли бы очень большие потери, поскольку вооружения в крепости было более, чем достаточно.

Галл вызвался идти на переговоры сам. Командир, посмотрев на невысокого худощавого капитана, только усмехнулся: «Иди, коли жизнь тебе не дорога». И Галл пошёл. Когда он обратился к врагу, прокричав на немецком языке, что является парламентарем, ворота перед ним никто не открыл. Вместо этого со стены на переводчика упала верёвочная лестница, по которой он и его боевой друг капитан Гришин поднялись в крепость. Спустившись, они увидели группу немецких автоматчиков, которые нацелились на них.

Предложив условия сдачи крепости, два смельчака ожидали, что по ним вот-вот откроют огонь. Однако, этого не произошло. Три часа, которые были даны на обдумывание, закончились. Внезапно ворота цитадели открылись, и оттуда вышел сначала комендант крепости, а затем солдаты с поднятыми руками. Самое главное, как позднее рассказывал Владимир Самойлович, было то, что крепость наконец-то было разрешено покинуть удерживаемым в ней людям. Для Галла, который всегда ценил слово больше, чем стрельбу, это было очень радостным событием.

«Человек, сумевший взять цитадель без единого выстрела, одним только словом», – под такими заголовками в те дни выходили газеты. Вот уж правда: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». В тот день Владимиру Галлу удалось спасти несколько сот жизней людей, среди которых были в основном старики, женщины и дети.

Федор Савельевич Хитрук

Мультипликационные фильмы «Каникулы Бонифация», «Фильм, фильм, фильм» и «Винни-Пух» знают все без исключения. Героев этих мультфильмов создал выпускник художественного техникума Фёдор Хитрук.

Правда, всё это было намного позже. А в 1941 году, когда началась война, будущий мультипликатор был отправлен на шестимесячные курсы иностранных языков. У него была самая «обычная» переводческая работа: разъяснять на русском языке то, о чём говорили взятые в плен немцы. Эти сведения были очень ценными, потому что, зная информацию о нахождении немецких сил, советские войска избегали участи столкнуться с врагом «лоб в лоб» или подорваться на mine.

Когда был налажен радиоперехват, Фёдор Хитрук добывал ценные сведения, как он шутя говорил, «прямо из воздуха». Особую важность несла информация о местоположении и количестве врага, и один раз переводчик ошибся, перепутав слова «hundert» («сто») и «tausend» («тысяча»), сказав, что в городке, который собирались взять советские войска, находится около трёх тысяч немцев. Каково же было удивление, когда город сдался почти без боя! Русские воины превзошли силы противника, ожидая столкнуться с теми самыми тремя тысячами солдат, которых на самом деле оказалось триста.

За тот случай переводчику ничего не было. Правда, этот случай с волшебным превращением сотен в тысячи ему вспоминали ещё долго. Вот если бы он ошибся в обратную сторону, последствия были бы куда хуже.

Дойдя до Берлина, Фёдор Хитрук продолжил служить в армии, переводя документы, которые подлежали оглашению, а также сдаче в архив.

Немецкий язык пригодился мультипликатору в основной работе. Литературы по анимации в Советском Союзе было немного, поэтому приходилось пользоваться тем, что удавалось привозить из-за границы. Поскольку Фёдор Савельевич владел немецким на очень высоком уровне, он всегда просил коллег по цеху, которые ездили в ГДР, привозить ему книги и журналы по анимации. Если же удавалось достать изданное в ФРГ – он бывал на седьмом небе от счастья. Всё, что мультипликатору удавалось почерпнуть в заграничных изданиях, он немедленно претворял в жизнь.

Конечно, военных переводчиков было и остаётся очень много. Написать в одной работе обо всех невозможно. Вклад переводчика в победу, быть может, не так заметен по сравнению с боевыми действиями. Но от этого он не может считаться мало важным. Ведь навести «мосты» между враждующими сторонами порой очень и очень нелегко.

Артисты кино и война

Можно много говорить о таланте, которым наградил Бог артистов кино. Перечислить всех, наверное, невозможно, тем более, на страницах одного номера журнала. Сказать можно только то, что кинокартины о войне с участием этих актеров настолько пронзительны, настолько правдоподобны, что при просмотре фильмов, зрители иногда просто забывают о том, что смотрят кино, а не хронику. Так происходит, наверное, потому, что самую главную роль в их жизни – участие в Великой Отечественной войне – они исполнили с большой честью, доблестью и отвагой. И позже, когда война была уже позади, эти артисты, находясь перед камерами операторов, ни на миг не забывали о том, что в свое время им пришлось выполнять очень нелёгкую задачу – защищать Родину.

Алексей Смирнов

Из зрителей мало кто знал, что добродушный толстяк, который только одним своим видом вызывал улыбку – Алексей Смирнов, – был настоящим героем. Медаль «За Отвагу», орден Красной Звезды, ордена Славы II и III степеней, медаль «За боевые заслуги» – всем этим был во время войны награжден Федя из комедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», который в 1965 году рассмешил с экрана телевизора всю страну.

Ему действительно довелось играть в основном комедийные роли. Достаточно вспомнить фильмы «Полосатый рейс», «Деловые люди», «Вечера на хуторе близ Диканьки». И только тогда, когда Алексей Смирнов сыграл роль механика в фильме Леонида Быкова «В бой идут одни «старики», стало понятно, что как драматический артист он тоже очень талантлив.

Когда началась война, Алексею Смирнову был двадцать один год. Воевать ему довелось и на Брянском, и на Первом Украинском, и на Втором Белорусском фронтах. Он бесстрашно ходил в разведку, несколько раз был во вражеском тылу. Но даже во время войны он не забывал о том, что его призвание – это игра на сцене. Ведь едва окончив школу, он поступил учиться в актёрскую студию, которая была организована при Ленинградском театре музыкальной комедии. Правда, до войны на сцене ему пришлось выступить всего один раз. В оперетте «Роз-Мари» Смирнову досталась роль Чёрного Орла. А затем прямо со сцены он шагнул в военные будни. Но даже на войне он старался развлечь своих боевых друзей: пел, плясал, участвовал в самодеятельных постановках.

Миномётный полк, в котором служил старший сержант Смирнов, дошёл до Одера, но победу он встречал уже дома, в звании гвардии старшины запаса. Незадолго до окончания войны Алексея Смирнова контузило, и после лечения в госпитале его комиссовали.

Михаил Пуговкин

Биография Михаила Пуговкина – это сплошные «белые пятна».

То, что он был фронтовиком, при жизни артиста знали очень немногие. При всем своём неугомонном и весёлом характере Пуговкин был более чем скромным человеком. О военных годах рассказывал неохотно. Впрочем, это было чертой многих фронтовиков: вернувшись с войны, они предпочитали не затрагивать эту тему в мирное время.

Из школы же Михаила Пугонькина (именно такой была его настоящая фамилия) выгнали за неуспеваемость. После того, как он понял, что учиться в школе – это занятие «не для него», да и когда ему было учиться, если в семье не было лишних мужских рук, он устроился учеником электромонтера на один из московских заводов, прибавив себе два года. При заводе действовал клуб, где был драм. кружок, в который Михаил записался только потому, что вечерами ему просто нечего было делать.

До войны существовала такая практика – искать народные таланты в непрофессиональных коллективах. Как-то раз главный режиссёр Московского драматического театра пришёл на репетицию в заводской Дом культуры и почти сразу же заметил Михаила. Так он и оказался в составе вспомогательной труппы театра на Сретенке. Там его увидел Григорий Рошаль, предложивший сыграть молодому актёру небольшую роль Степашу Барского в фильме «Дело Артамоновых». Съёмки эпизода были закончены как раз 22 июня 1941 года, а через два дня Михаил Пугонькин ушёл добровольцем на фронт.

Служил он разведчиком в стрелковом полку. Казалось, что сначала его оберегал ангел-хранитель. Без единой царапины он прошёл все бои, обороняя Смоленск.

Но в 1942 году под Ворошиловградом артист получил серьёзное ранение в ногу, после которого у него началась гангрена. Когда врачи объявили об ампутации, Михаил пришёл в отчаяние. «Я не смогу работать, – объяснял он врачам, – как же мне ходить по сцене без ноги? Ведь я же артист...»

Ногу всё-таки удалось спасти, но в строй Михаил уже не вернулся, потому что столь серьёзное ранение повлекло за собой присутствие на врачебном консилиуме, где бойца комиссовали.

В госпитале при оформлении документов была допущена ошибка, и домой Михаил вернулся уже с той фамилией, к которой мы все уже привыкли – Пуговкин.

Владимир Этуш

Владимир Этуш вообще мог не воевать. Ведь у него была бронь, но он, тем не менее, ушёл на фронт добровольцем. А пришла ему в голову эта мысль тогда, когда он был ещё студентом-первокурсником театрального училища. Вместе с остальными Этуш участвовал в массовых сценах спектакля «Фельдмаршал Кутузов». Когда он услышал слова Багратиона, с которыми тот обратился к русским воинам: «Отдайте жизнь, но Родины и чести никогда и никому не отдавайте», в его душе словно произошёл переворот. Вот так, окончив курсы военных переводчиков, девятнадцатилетний Владимир Этуш оказался на фронте.

Общаясь с корреспондентами уже после войны, Владимир Этуш просил не преувеличивать его заслуг в военное время. «Я ведь был самым обыкновенным лейтенантом, – писал он в своих воспоминаниях. – Служить мне довелось в пехоте. И я не просто прошёл, а именно прошагал-протопал от Аксая до Тбилиси, пройдя перевал по Кавказскому хребту». Уже оттуда лейтенант Этуш дошёл до Азова, а потом и до города Токмак, что находится под Запорожьем.

В начале войны Владимир Этуш оборонял Ростов. А когда фашистам удалось прорвать фронт под Воронежем, ему поступил приказ: руководить переправой на реке Аксай. Когда им удалось отбить Азов, они пошли с боями дальше. До Ростова, который был занят советскими войсками, они немного не дошли, застряли где-то посередине между Ростовом и Таганрогом. В Таганроге же хозяйничали немцы. В одну из ночей Владимиру Этушу, как знающему немецкий язык, поступил приказ – проверить расположение наших частей. Приказ он выполнил, но когда вернулся назад, своей части на прежнем месте не обнаружил. Когда же Этуш с горем пополам наконец нашёл своих, его обвинили в... дезертирстве. Командир бригады даже не захотел выслушать объяснений, приказав разоружить лейтенанта. Спасло его только то, что у нач.штаба на столе лежала карта боевых действий. По ней обвиняемый в дезертирстве Этуш и смог доказать, что пребывал он почти на линии фронта. А после того, как он показал, где находятся наши части (этот разговор он подслушал, находясь практически в тылу врага), его отпустили и сняли все обвинения.

«А ведь могли, – вспоминал позднее Владимир Абрамович, – и в штрафбат упечь, и расстрелять на месте. Так что мне ещё повезло».

Анатолий Папанов

Анатолия Папанова призвали на войну в первый же день – 22 июня 1941 года. В 1942-м его перевели на Юго-Западный фронт. Там готовились к наступлению советских войск по всему фронту. Однако под Харьковом несколько дивизий попали в так называемый «котёл», когда немцы перешли в контрнаступление, и части, где служил Папанов, пришлось отступать вплоть до самого Сталинграда. К тому времени Анатолий Папанов уже был командиром зенитной батареи, несмотря на то, что ему было всего двадцать три года.

Именно под Харьковом Папанову пришлось пройти через залповый огонь артиллерии врага, и именно там он узнал на собственном опыте, что такое служить в батальоне, который просит огня, но не получает ответа.

Горький вкус отступления, скрип земли на зубах и привкус крови во рту – всё это Анатолий Папанов помнил всю свою жизнь. «Как же можно забыть то, когда после двух часов боя из сорока подчиненных остаётся только тринадцать?» – впоследствии вспоминал он.

Казалось, Папанову сама судьба велела сниматься в тех фильмах, где говорилось о войне. Но он не очень любил такие роли.

Единственным фильмом о войне, в котором он снялся, не отказываясь, была экранизация романа Симонова «Живые и мертвые», где Анатолий Папанов сыграл роль генерала Серпилина.

Юрий Никулин

Обладавший редким талантом комика, Юрий Никулин известен и как артист кино, и как артист цирка. Кстати, именно после того, как он впервые побывал в цирке, мальчик сразу же заявил о том, что хочет стать клоуном. По его собственным словам, из всего представления он запомнил всего два номера: это выступление дрессированных слонов и репризы клоунов. С того вечера цирк в душе будущего артиста поселился навсегда.

Но так получилось, что в институт сразу после школы Юрий Никулин не поступил. Его призвали на службу в армию, а там жизнь распорядилась так, что военную форму он не снимал семь лет. Участвовал сначала в Финской, затем в Великой Отечественной войне. Именно во время службы ему стало понятно, что умение посмеяться над самим собой почти всегда выручает человека, когда он оказывается в неловкой ситуации. Неказистый и долговязый Никулин неизменно становился объектом насмешек во время занятий на плацу. Поначалу его это задевало, но потом он понял, что если он научится оборачивать обидные слова в шутку, ситуация легко переменится в его пользу.

Ему пришлось защищать Ленинград. Что такое блокада, он знал не понаслышке. Чуть ли не через день с самолётов разбрасывались листовки, в которых немцы призывали советских людей сдаваться. Никулин не верил ни одному слову захватчиков и продолжал воевать.

А потом наступил голод...

Во время войны Юрий Никулин получил контузию, и, тем не менее, после выписки из госпиталя он категорически отказался ехать домой, вернувшись в действующую армию, чтобы вновь гнать противника с родной земли.

Но, даже находясь на передовой, думать только о войне невозможно. И одно дело – быть артистом по профессии, другое – по призванию. Именно тот, кто имеет в себе это призвание, не падает духом даже в самой сложной ситуации и продолжает поднимать настроение другим. Такой сложной ситуацией для Никулина (впрочем, как и для других) стала война. Именно на фронте будущий артист цирка и кино взял в руки гитару. Научился он всего нескольким аккордам, но каждое его выступление имело громадный успех. Песни, которые старший сержант Никулин слышал до войны, он пел под гитару, выступая перед солдатами и офицерами, что неизменно вызывало восхищение среди однополчан.

Кстати, помните, фразу, которую говорит Семён Семёнович в фильме «Бриллиантовая рука»?

– С войны не держал в руках боевое оружие.

Эту фразу Леонид Гайдай вставил в киноленту по просьбе Юрия Никулина.

РАССКАЗЫ

Не дай Бог...

Когда наступала зима, Миньку отвозили к бабушке. Он, как только совсем холодно становилось, всегда начинал болеть. Особенно мучили его уши. После радостной встречи, объятий и поцелуев бабушка так и спрашивала его: «Что, милой, опять ушами маешься?» Минька, как выражалась бабушка, действительно «маялся», и не на шутку. В городе батареи зимой топили плохо, и дома термометр выше шестнадцати градусов не показывал. Поэтому Миньку, пока он не ходил в школу, на все три месяца отправляли в деревню.

Деревенский дом был большой, и русская печка в нём тоже была большая. Миньке доставляло особое удовольствие спать на ней или просто сидеть рядом. Гулять его выпускали редко, да он на улицу не очень-то и просился.

Наполовину деревянный, наполовину кирпичный, с дороги дом выглядел весьма экзотично. Двоюродная бабушкина сестра – тётя Тая – рассказывала, что полностью дом обложить кирпичом не успели, потому что война началась. Конечно, тогда, когда Минька это слышал, война уже давно была позади. Но дом так и остался стоять – спереди кирпичным, а со стороны двора, где были закуты для домашней скотины, – деревянным. Своим видом он словно напоминал о тех лихих днях, которые пришлось пережить людям. Миньку, правда, это несколько не смущало. Места, где поиграть и порезвиться, ему хватало. А как только приближалось время ложиться спать, бабушка всегда читала вслух какую-нибудь сказку. Или про семью свою рассказывала, какая она была раньше – большая, дружная и работающая.

Только про войну бабушка говорить не любила. По словам тёти Таи, это было оттого, что война у Минькиной бабушки почти всех родных забрала: родителей, дядю Акима – родного отца брата, старшую сестру, двух братьев-близнецов и других родственников. Минька плохо понимал, о ком шла речь, потому что тех людей, про которых говорила тётюшка, он знал только по старым, наполовину пожелтевшим, фотографиям.

– Ой, хорошо, касатик, отцу-то твоему к началу войны всего-то семь годов было, – неизменно повторяла тётя Тая, – а кабы он постарше был, то и его забрали бы воевать. А там уж неизвестно было, остался бы он живым или нет.

Бывало, что бабушка и тётя Тая уходили, и тогда они оставляли Миньку одного. Вернее, не совсем одного, а с дедом. У него была своя комната, но Минька в такие моменты предпочитал играть, забираясь на печку. В комнату к деду он опасался заглядывать даже тогда, когда дома, помимо него, был ещё кто-то. По его меркам, дед был человеком не то, что странным, а каким-то даже страшным. Он почему-то всегда сидел на кровати в одном положении. Худой и прямой, он напоминал мальчику длинную палку. Когда бабушка входила в его комнату с миской супа или чаем, Минька, разбираемый любопытством, пересиливая страх, иногда заходил вместе с ней. При этом он старался как можно крепче держать бабушку за юбку.

– Отец! – кричала бабушка, наклоняясь к дедову уху. – Поешь вот!

И она ставила на небольшой столик деревянную плошку с борщом или рыбным супом и при этом указывала на неё пальцем.

Дед поднимал на бабушку выцветшие глаза, будто что-то пытался сообразить, и, окинув взглядом столик, произносил нечленораздельные звуки и махал рукой в сторону двери. Это означало, что бабушке надо было уходить. И она каждый раз уходила, оставляя суп и то, что было в стакане – чай, кисель или компот из сушёных ягод. И Минька всё так же, не отцепляясь от бабушкиного подола, уходил тоже. Потому что боялся этого непонятного человека, который доводился ему дедом.

А потом проходило время, и из комнаты слышался стук палки о пол: это значило, что старик закончил свою трапезу, и можно было прийти и забрать ставшей пустой посуду.

– Может, тебе картошки ещё принести? Или вчерашней каши? – всё так же, наклоняясь к дедову уху, из которого росли не очень приятные на вид жёсткие белые волоски, снова кричала бабушка. Но тот всегда отказывался. Минька даже не помнил, чтобы дед ел ещё что-то, кроме супа.

– А что он ест так мало? – поинтересовался он как-то раз у тёти Таи.

– Хворает он сильно. Как на войне контузию получил, так словно другим человеком сделался, – ответила тётка. – Помоложе был – так всё головой по весне мучился. Болела она у него сильно, так же, как сейчас у тебя болят уши. Но тогда он хоть что-то дома делать мог: где подкрасит, где подремонтирует что-нибудь. А сейчас уж совсем старым стал. Ладно, хоть так живёт, не помирает, – и она, скосив глаза, посмотрела на дверь комнаты, где жил дед.

Минька, который не понял слова «контузия», не решился продолжать разговор, потому что в переднюю вошла бабушка, в руках которой были сорванные с грядки стрелы зелёного лука. Тётя Тая моментально переключилась на какое-то дело, а мальчуган незаметно залез на печку, где, прижавшись к тёплой, сохранившей с ночи тепло, стене, незаметно для себя заснул.

Прошли годы. Минька вырос, и теперь он приезжал к бабушке летом, как только наступали каникулы.

Деда уже не было, но его уход не запечатлелся в памяти мальчика. Как-то раз он, как всегда, перешагнул через порог знакомого с детства дома и с удивлением обнаружил некоторые перемены, которые произошли за время его отсутствия. Например, ему бросилось в глаза то, что на зимней террасе стены были оклеены не привычными для глаз светло-зелёными обоями. А та комнатка, в которую он так боялся заходить, потому что там жил страшный, как ему казалось, дед, теперь принадлежала тёте Тае. Сама комнатка тоже преобразилась. От тёти Таиною присутствия она будто сделалась светлее. Кровати, на которой, как помнил Минька, всегда сидел дед, не было. Вместо неё появился диванчик с двумя мягкими округлыми ручками по бокам. Стол, куда бабушка, бывало, ставила обед, остался стоять на прежнем месте, но теперь его покрывала кипенно-белая скатерка с пришитыми по краям белоснежными кружевами.

– И как ты, тётя Тая, на этом небольшом диванчике помещаешься? – однажды поинтересовался Минька, который перешёл уже в восьмой класс.

– Да очень просто, Мишенька, – улынулась тётя Тая, – свернусь калачиком и сплю всю ночь.

– Представляю себе, насколько это неудобно! – искренность сказанного вызвала у женщины слёзы, но она только махнула сморщенной рукой:

– Ох, Мишенька! всю жизнь одни неудобства приходилось терпеть. Нашёл, на что внимание обращать! Да разве же я царица какая, чтобы на больших кроватях спать?

Она принесла из соседней комнаты знакомый альбом, подала его Миньке и кивком пригласила присесть рядом с ней.

– Ой, а я вот эту фотографию, кажется, помню, – указал паренёк пальцем на одну, начавшую блекнуть от времени карточку, – только не знаю, кто это.

– Так это же бабушка твоя! – своим тихим голосом засмеялась тётя Тая. – Она здесь ещё не замужем.

– Красивая, – покачал головой Минька, – и не скажешь, что была такой молодой.

– Так ведь время, Мишенька, – всё так же вполголоса проговорила тётя Тая, – никого моложе не делает.

– А это кто ещё такой? – удивился Минька, указав на один из фотоснимков, – немец какой-то...

– Всё-таки сунула она в альбом это фото, – недовольно произнесла тётя Тая. – Говорила ей, чтобы выбросила, а она всё своё: на память, мол, оставлю.

В этот момент Минька про себя очень удивился: он с детства не помнил, чтобы старушка хотя бы раз на кого-то осерчала.

– Кто это? – спросил он ещё раз, повернув старый снимок, сзади которого было неразборчиво написано только имя Hans и стояла дата, которая от времени тоже начала стираться. То ли май 1946 года, то ли октябрь – никак Минька не мог разобрать, крестик там стоял или галочка, обозначающая месяц римской цифрой.

Тётя Тая же, убедившись, что бабушки в доме не было, начала говорить. И узнал Минька, что после войны пригнали в те места немцев, человек триста, чтобы дорогу построить.

Часть из них, кто поздоровее был, спустя какое-то время на завод отправили. Остальных на строительство дороги определили да расселили у местных жителей. Вот к бабушке, тогда ещё совсем молодой женщине, немец по имени Ганс и попал.

– Жил он в сарае, – рассказывала тётя Тая, – и то, почитай, за счастье, ему это было. Летом там тепло, а крыша была почти новая, так что никакой дождь ему страшен не был.

– Аккуратный он такой был, улыбочивый, – продолжала она, – попервости-то всё на своём языке лопотал. Не понимала его слов Нина, так он всё жестами пытался объяснить. Да разве ей до него было! Он утром уходил дорогу мостить, она тоже работала. Один раз увидела только, что он Егору – папе твоему, то есть, – в губную гармошку дал подудеть. Ох, и заругалась она тогда!

– Балбес ты этакий! – кричала сыну. – Не смей к немцам подходить! Они наших солдат убивали!

Да подзатыльника отвесила с размаху. Егорка после этого случая начал Ганса сторониться. Дед-то твой с войны на тот момент ещё не вернулся, да никто не знал, жив он или нет. В пропавших без вести он числился.

– А тут как-то раз, – рассказывала дальше тётя Тая, – услышала Нина на заднем дворе странный шум. Думала, воры забрались. Перепугалась страшно, но мысль о том, что в доме находится её ребёнок, пересилила страх. Взяла она тогда нож и вышла из дома. Сначала не могла понять, откуда звуки доносятся. Потом поняла: из кадки с капустой! Там, надо тебе сказать, капусты уже не было. Остался только рассол да жмых кое-какой, в пищу непригодный. Ну, Нина покрепче рукоять ножа в кулаке сжала – и к кадке. Заглянула внутрь – а там, в кадке этой, в одних только брюках, без рубашки и носков, Ганс сидит и то, что на дне осталось, черпает ладонями и быстро-быстро прямо с них хлебает. Увидел он хозяйку, выпрямился, голову опустил, а сам что-то говорит на непонятном языке. Вроде как извиняется, что без спроса в чужую кадку-то забрался да хозяйку напугал. Нина взглянула на него – и оторопела. С ладоней у него продолжал стекать кислый рассол, к губам кусочки уже потемневшей капусты прилипли. Но такой он худющий был – страх Божий! Одни рёбра торчали. В сарае темно было, но даже в темноте Нине в глаза его худоба бросилась. И совсем мальчишкой он ей на тот момент показался. А он мальчишкой и был. Его, как потом выяснилось, перед самой войной служить призвали, едва восемнадцатый стукнуло.

– Да вот только, – произнесла со вздохом тётя Тая, – никакой службы у ихнего брата не вышло, – он и стрелять-то как следует не научился, а сразу в плен попал. Сначала пленных немцев в Сибирь хотели отправить, а потом передумали, что ли, – и он в наших краях оказался.

После того случая, когда Нина Ганса в кадке обнаружила, она уже к нему плохо не относилась. Наоборот – каждый день старалась молока дать. Он не отказывался, пил. Да всё руку к груди прижимал и кланялся: спасибо, мол. Несколько слов знал по-русски, но в основном на своём языке что-то говорил, да что толку? Не понимали его ни Нина, ни Егор.

– А один раз такой случай произошёл, – продолжала тётя Тая, – занемогла Нина. Температура поднялась высокая, а сбить её нечем было. И доктора позвать было неоткуда. Так она лежала в горячке и мучилась. Егорка-то всё рядом топтался, то воды давал ей, то за руку держал. Всё боялся, как бы мама не умерла у него на глазах. А тут ещё корова недоенная в стойле прямо-таки криком кричать начала. Коровы, я тебе скажу, далеко не у всех были, ввиду голодного времени. А Нина хоть какую-никакую коровенку, а держала. Почитай, Егор-то в войну благодаря молоку с этой коровы и выжил. А тут Нина в жару мечется, корову доить некому, а Егорка от матери отойти боится – беда в общем.

Так Ганс как услышал, что корова так громко мычит, прямо в комнату зашёл и показывает руками, мол, давай ведро, я корову сам подоить смогу.

Ну, Егор ему ведро какое-то нашёл, Ганс побежал на двор, подсел к корове и за голову схватился.

– Егор! Егор! – кричит, – это имя он хорошо выговаривать научился. Егорка примчался на его зов и видит, что Ганс на коровье вымя пальцем указывает, а оно всё покрасневшее да распухшее.

Ганс руками объяснять стал: нельзя, мол, к такому вымени прикасаться, очень больно корове можно сделать. И не прикасаться нельзя, потому что там уже воспаление началось, оттого что корову два дня не доили. Что делать?

– И что они решили? – спросил Минька, продолжая держать в руке старую фотографию и внимательно изучая изображенного на ней человека.

– Ганс знаками показал, что ему в поле сходить надо. И ушёл. Долго его не было, уже темнеть начало. Егор уже беспокоиться начал, когда Ганс вернулся с несколькими пучками какой-то травы. Чуть ли не силой корове в рот их запихнул, да всё время следил, чтобы она их полностью сжевала, а потом опять подсел, вымя погладил и совсем немного молока сцедил. Потом подождал и опять сцедил самую малость. Вот у них и получился лазарет: в доме Нина больная, которая Егора никуда от себя не отпускала. А во дворе корова, тоже не особо здоровая, да Ганс с ней возится. Он потом ещё несколько раз ходил в поле за той самой травой. И каждый раз приносил по два пучка. И вылечил ведь корову, подумать только!

Нина потом, когда в себя пришла через несколько дней, Егор ей всё рассказал, она Гансу стала и суп жидкий давать, и хлебом от своей пайки делиться. Не Бог весть, какая мудреная еда была, но всё же лучше, чем ничего. А тут ещё, как назло, мор какой-то пошёл. Сорок шестой год, почитай, совсем голодным был. Немцы умирать начали. Да что немцы! Самим есть нечего было. Только огородами и спасались. Гансу в этом отношении повезло, что его Нина кормила. Не у всех хозяева такими щедрыми оказывались.

– А потом дед твой внезапно с войны пришёл, – перешла на шёпот тётя Тая, как будто её кто-то мог услышать. – Приехал днём, а Нина с Егором да Гансом на крыльчке сидят. Да так весело о чём-то говорят! Нина с Егоркой на русском, а Ганс по-свойски. Не особо друг друга понимали, а всё же какая-то беседа у них выходила. Воскресенье что ли в тот день было... Мне Нина рассказывала, но я не помню уже. Наверное, выходной какой-то был, раз они не работали.

Вот дед твой такими весёлыми и увидел их. Зашёл в калитку, даже не поздоровался. Остановился и молчит. Глазами только впился в Ганса.

– Это что ещё? – спрашивает, а сам на Нину угрюмо смотрит. – Почему чужие в моём доме?

Нина к нему бросилась, хотела обнять да всё объяснить, что, мол, это немцы пленные, дорогу строят, а Ганс возьми да заговори первым. Ну, дед твой как немецкую речь услышал, рассвирепел в момент. Как бросится на Ганса с кулаками! Да как начал его метелить! Нина в ноги ему упала, Егор тоже бегаёт да всё кричит: «Папа, не бей! Не бей Ганса!» А дед словно с ума сошёл. И руками, и ногами колотил немца. А тот даже защититься не мог. Откуда у него силы против русского мужика? Он только руками лицо закрывал.

А дед всё кричал и кричал Нине, что, мол, за них воевать ходил, а они фашиста в дом пустили! Мало того, что он в тот день Ганса по первое число отделал, так ещё и Нине синяков по всему телу наставил. Да и Егорке не поздоровилось. Вот такая, значит, встреча у них получилась.

Сильно тогда досталось Гансу. Пока суд да дело, пока разобрались, что к чему, немец-то чуть на тот свет не отправился. «Да кто будет каким-то там пленным интересоваться? – махнула рукой тётя Тая. – Они вон и так умирали от голода, никому не нужные».

– И что, деду совсем ничего не было? – удивился Минька. – А если бы этот самый Ганси вправду умер?

– По счастью, он не умер, – сказала тётя Тая, – но после того случая хромать сильно начал. Так, наверное, и остался хромым на всю жизнь. Ведь кулачищи-то у твоего деда в молодости, знаешь, какими были? Контуженый – не контуженый, а силицы в нём осталось ой как много! Ганса после этого случая к другим хозяевам на постой перевели. А потом дорогу достроили, и немцев увезли. Не знаю, куда. Может, какую другую дорогу восстанавливать, а, может, и впрямь в Сибирь отправили. Слухов ходило, помню, много, но точно никто ничего не говорил. Не для наших ушей, значит, было, раз не говорили. Ганс только один раз углядел Егорку на улице, подошёл и незаметно фотографию вот эту сунул. И произнёс по-русски: «Хорошая у тебя мама». А больше ни он, ни Нина его так и не увидели.

Минька вздохнул и аккуратно вставил фотографию в альбом.

– Вот почему бабушка так не любила про войну рассказывать! – произнес он.

– Война – тяжёлая штука, Мишенька, – вздохнула тётя Тая, – не дай Бог снова кому её начать. Пострадавших будет много и с той, и с другой стороны.

Она поднялась и убрала в старый сервант выдавший виды альбом.

– Ох, не дай Бог... – одними губами повторила она.

Будьте моим дедом!

Утренние часы каждого вторника и каждой пятницы у пятилетнего Ванечки были одинаковыми. Причём настолько одинаковыми, что, если бы временные промежутки были людьми и обладали человеческими качествами, их смело можно было сравнивать с братьями-близнецами. С теми самыми, что жили в соседнем подъезде. А начиналось всё с того, что дважды в неделю Ванечка с самого раннего утра становился около балконного ограждения и стоял неподвижно, словно ожидал чего-то очень важного. Как только мальчик замечал тень, появившуюся за углом дома, он моментально срывался с места и, торопливо сменив домашние тапочки на сандалии, стремглав выскакивал из квартиры.

Очутившись на улице, он каждый раз наблюдал одну и ту же картину: рядом с детской песочницей останавливалась рыжая лошадь. Старый извозчик, на телеге у которого было несколько бидонов с молоком, неспешно слезал, отбросив в сторону поводья. Затем он расправлял на деревянной поверхности небольшую клеёнку и после этого кричал на весь двор: «Кому молока-а-а-а? Кому молока-а-а-а?»

Лошадь при этих звуках прядала ушами и фыркала. Ванечка, дрожа от нетерпения, всякий раз подбегал сначала к старику-извозчику и, просительным взглядом

ему в глаза, неизменно задавал один и тот же вопрос:

– А можно погладить?

Взгляд старика теплел, глаза влажнели, и он отвечал:

– Отчего же нельзя? Погладь, коли так хочется.

Получив разрешение, Ванечка, привстав на цыпочки, с трудом дотягивался до мягкого широкого носа, проводил по нему ладонью и изо всех сил прижимался к лошадиной морде. При этом он закрывал глаза и шептал: «Моя хорошая. Какая же ты красавица...»

Лошадь, словно понимая слова маленького человека, опускала голову, и Ванечка, не выпуская из кулачка ремешок уздечки, продолжал стоять ещё какое-то время.

Тем временем к старику начинали подходить женщины с двух- и трёхлитровыми банками.

Не обращая внимания ни на лошадь, ни на находящегося возле неё мальчика, они громко смеялись и шутили:

– А что, Михалыч, не надоело тебе ещё каждый день к нам ездить?

И тут же добавляли:

– Езди-езди. А то в магазине молоко с утра не всегда есть. Иногда после обеда только привозят. Да и то, что привозят – это не молоко, а не пойми, что.

– Разбавляют, поди... Шельмуют... – смеялся в ответ извозчик.

– Ой, не говори, – соглашались хозяйки, – если бы не ты, не на чем было бы и кашу детям сварить.

– Ванятка! – словно только что замечали они мальчика. – Ты опять тут! – Отойди, не мешайся Михалычу!

– Да ладно вам, барышни! – улыбался старик. И добавлял: «Ничем он мне не мешает!»

«Барышни», самой молодой из которых было уже за тридцать, постепенно расходились. А Ванечка вытаскивал из кармана коротких брюк небольшое яблоко или морковку, протягивал её Боните – так звали его рыжую любимицу – и с радостной, счастливой улыбкой смотрел, как лошадь аппетитно хрустит угощением.

На прощание, осторожно погладив её по переносице ещё раз, он вопросительно смотрел на Михалыча и задавал один и тот же вопрос:

– А вы через сколько дней приедете?

Старик делал серьёзное лицо, будто каждый раз забывал, какой на календаре день, и задумчиво смотрел на ребёнка.

– Сегодня, стало быть, вторник? – пряча хитринку в глазах, то ли утверждал, то ли спрашивал он. И, после того, как мальчик согласно кивал, начинал производить нехитрый подсчёт: «Вторник – раз. Среда – два. Четверг – три. Пятница – четыре».

А Ванечка, незаметно повторяя слова, сосредоточенно смотрел на то, как Михалыч загибал сначала мизинец, потом безымянный палец, потом средний...

– Пятница – четвёртый день, – слышал он меж тем, – но если сегодняшнего дня не считать, то один день долой! И получается, что четыре минус единица, будет три. Стало быть, через три дня и приеду.

Ванечка, услышав это, радостно улыбался, обнимал на прощание лошадь и махал рукой старику:

– Пока!

– Пока, пока, дружок, – махал в ответ морщинистой рукой Михалыч. – Не забудь, через три дня мы с Бонитой аккурат тут будем.

– Не забуду, – отвечал Ванечка и, перепрыгивая через небольшие лужи, оставшиеся после ночного дождика, бежал обратно домой.

– Ну, наигрался со своей лошадкой? И с Михалычем поговорил? – спрашивала мать, встречая его в прихожей.

– Ага, – сбрасывая обувь, радостно кивал Ваня, – через три дня они опять придут. И уже из комнаты прибавлял: «А я сегодня Бониту яблоком угостил!»

– Молодец ты у меня, сынок, – ласково гладила его по макушке мама, – это хорошо, что ты такой добрый.

Эх, и зачем она только согласилась работать почтальоном! Вера шла по деревне в своих залатанных валенках, и каждый шаг давался ей всё труднее и труднее.

– Вера! Верочка! Ты случайно не к нам?

– Девушка-красавица, что ты там несёшь в своей сумке? Не нам ли какой пакет? – то и дело слышала она то с одной, то с другой стороны улицы.

– Почтальон! – кричали ей с какого-нибудь двора. – Не забудь про нашу газету! Чтобы нам было, что почитать вечером!

– Вер, а Вер! – повис с обратной стороны забора Федька. – Когда мне принесёшь письмецо, а?

– Как только напишут, так сразу же и принесу, – ответила Вера, не поворачивая головы в его сторону.

– Ой, да какие мы сегодня серьёзные! – весело продолжал Федька. – А ведь так и не скажешь, что такая дивчина может быть такой хмурой!

– Слышишь, Вер, – не унимался он, – а ты возьми, и сама мне письмо напиши. А я читать буду. Долго-долго. Ну, напиши, а?

– Отстань, балабол, – отмахнулась Вера и тут же поёжилась: нужный ей дом становился всё ближе и ближе.

– Ну, зачем? Зачем я только согласилась разносить эти письма? – снова обратилась она к самой себе. – Ведь в них люди не только о любви друг другу пишут, да о погоде сообщают. Бывают письма и иного рода...

Она подошла к калитке, и её внезапно осенила шальная идея:

– Брошу письмо за забор прямо на снег, а там будь, что будет.

Она уже сунула руку в кожаную сумку, где лежали письма и свежие газеты, как вдруг дверь на крыльчке скрипнула, и на пороге показался совхозный электрик дядя Ваня. Или Иван Михайлович, как почтительно называли его в округе.

– Ну, девушка-красавица, – улыбнувшись, начал он, – что нового в нашей периодической печати имеется?

Вера, ни жива, ни мертва, вынула из сумки лежавшую сверху новую газету, от которой пахло типографской краской, протянула её Ивану Михайловичу и следом вытащила треугольный конверт со штампом воинской части. Сквозь тоненькую жёлто-белую бумагу виднелся отпечатанный на пишущей машинке текст. Все, кто получал такие конверты, знали, что за страшная информация в них таилась. И, всё же, разворачивая, до последней секунды не теряли надежды на то, что напечатанная бумага пришла в их дом по ошибке.

Знала это и Вера. Поэтому, когда на почте увидела военный треугольник, сразу поняла, что он означал.

Понял это и Иван Михайлович, когда принимал лёгкий конвертик с тремя уголками из рук почтальона. Руки его мелко дрожали, пока он разрывал бумажный листок, улыбка исчезла, лицо стало напряжённым.

Пробежав по строчкам глазами, он со стоном опустил на ступеньки крыльца:

– Алёшка, Алёшка... – несколько раз повторил он и, замотав головой, ткнулся головой в деревянные перила.

– Алёшка! – вдруг во всю мочь закричал он, – Алёшка! Как мы тебя ждали, а ты сгинул в неведомой нам стороне!

– Алёшка!!! – продолжал он с горьким надрывом в голосе, хватая между всхлипами воздух.

Вере захотелось убежать, но страх увиденного чужого горя приковал её к месту. Она знала, что Алёша – младший сын Ивана Михайловича – писал регулярно. Вплоть до мая сорок пятого. И ещё потом два или три письма пришло. А после них вдруг ... тишина.

Иван Михайлович с женой свято верили в то, что их Алёшка жив и вот-вот вернётся домой. Ведь победные залпы отгремели над Москвой уже больше полугода назад.

– Ничего, – то и дело повторял сам себе Иван Михайлович, – дорога-то от Москвы до Сибири неблизкая. Да пока все документы выправит, на это тоже время надо. Бог даст, к Новому году, наконец, свидимся.

Но новый, тысяча девятьсот сорок шестой год, им пришлось встречать вдвоём с женой.

– Не кручинься, – уговаривал Иван Михайлович тихо сидевшую за новогодним столом супругу, которая в последнее время начала заметно прихварывать, – подождём ещё чуть-чуть. Вот увидишь, аккурат к концу января заявится.

И вот в этом самом конце января принесла им молодая почтальонша Верочка вместо радостного известия о том, что сын возвращается домой, «похоронку». Теперь она стояла у калитки, закутанная в свой старый полушубок и повязанная цветастым бабушкиным платком, и горько плакала.

Плакала, даже не глядя на Ивана Михайловича.

Сколько бед принесли им эти четыре года! Сколько соседей уже отплакали и отрыдали своё! А война, эта беззубая, похожая на смерть, старуха, нет-нет да и высывала то тут, то там свои костлявые руки. И, оглядываясь, словно воровка, продолжала забирать тех, кто уже отпраздновал Победу и со дня на день должен был вернуться домой.

И вот теперь настал черёд Алёши. Того, которого так ждали и который остался последней надеждой после гибели двух старших сыновей. Тогда ещё родные не знали о том, что молодой солдат попал в перестрелку с вражеским отрядом девятого мая – в тот самый день, который позже официально будут считать Днём Победы над фашизмом. «Пал смертью храбрых, освобождая город Прагу, в составе 10-го гвардейского танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии», – сухим, казенным языком было написано в треугольном письме, которое принесла Вера.

Слёзы струйками всё продолжали и продолжали стекать с её щек, и цветастый платок под подбородком сделался совсем мокрым.

А Иван Михайлович с трудом встал и, шатаясь, стал подниматься по ступенькам. Стукнув кулаком по двери, он зашёл в сени и исчез в длинном тёмном коридоре...

– Мам, – допивая молоко перед сном, неожиданно спросил Ванечка, – а почему у меня нет дедушки? Целых две бабушки есть. И прабабушка даже, а вот дедушки нет ни одного. Почему так?

Присевшая на когда-то наспех сколоченную табуретку, мама ответила не сразу.

– Как тебе сказать, сынок? – начала она, снимая косынку. – Дедушка Яков на войне погиб. А другой дедушка... – и она всхлипнула, – тот вообще без вести пропал. Так до сих пор и не знаем, что с ним случилось.

– А на войне – это на той, которую каждый год по телевизору показывают, да? – спросил Ваня, прижимаясь щекой к маминому халату из ситцевой ткани в жёлтый крупный цветочек. – Это где солдаты ходят, а потом ещё танки ездят и грохочут?

– Это парад показывают, – пригладила мама Ванечке чёлку, – ты просто маленький ещё и многого не понимаешь.

– А война, – и мама снова вздохнула, – это совсем другое. Это там, где людей

убивали. И где дома горели. И когда людям есть нечего было.

– И даже молока не было? – удивился Ванечка.

– Молока... – вытерла мама глаза уголком фартука, – тогда не только молока, даже хлеба – и того не было, – и её глаза опять сделались мокрыми.

– Ты вот без дедушек остался, – прижимая Ванечку к себе, продолжала сквозь слёзы мама, – а старичок этот, который молоко привозит, – у него троих сыновей война забрала. Он даже внуков не успел увидеть.

– Почему? – снова спросил Ванечка, поднимая голову и пристально заглядывая маме в глаза.

– Потому вот, – мама зачем-то снова взъерошила Ване волосы, – сыновья погибли, и малышам уже неоткуда было появиться. Вернее, не от кого.

В этот вечер Ванечка долго ворочался на своей скрипучей раскладушке. Даже его любимое тёплое молоко, после которого он быстро засыпал, оказалось бессильным. Сон, который давно должен был появиться, никак не хотел приходиться.

Наконец глаза у мальчика начали потихонечку слипаться, и в полусне малыш увидел троих солдат, почти таких же, как ему приходилось видеть каждый год по телевизору. Все они были похожи на Михалыча. Только один из них был совсем молодым. Первые двое были с усами, а этот, третий, без усов. У одного солдата в руке был кусок хлеба, другой держал чашку с молоком. Ванечка, хоть уже и спал наполовину, а всё же удивился тому, что увидел. Он точно знал, что настоящие солдаты пьют из кружек или из стаканов, а не из каких-то там красивых чашечек с цветочками.

А у третьего в руках ничего не было. Совсем ничего. Он только всё время улыбался, что-то говорил, потом вдруг наклонился и, сняв с головы пилотку со звёздочкой, надел Ване на голову. В ответ Ванечка тоже улыбнулся этому симпатичному молодому парню, потрогал звёздочку на пилотке и... окончательно провалился в сон.

– Молока-а-а-а-а! Кому молока-а-а-а-а! – как обычно, раздалось во дворе утром.

Ванечка в этот день так торопился, что мало того, что перепутал левую и правую сандали, он и про носки забыл. И теперь, выскочив из подъезда, нёсся в расстёгнутой рубашонке и наспех надетой обуви, носы которой глядели в противоположные стороны, прямо к песочнице, у которой, как всегда, остановилась Бонита.

– Да гладь уже, гладь! – ласково сказал Михалыч, увидев, что мальчик затормозил и, как всегда, остановился напротив него, чтобы задать свой известный вопрос.

Но Ванечка продолжал стоять и переминаться с ноги на ногу. При этом он широко открытыми глазами смотрел на Михалыча.

– Чего тебе, пострелёнок? – тот оценил ситуацию на свой лад. – Морковку дома, что ли, забыл? Али яблоко? – и он засмеялся с тихой хрипотцой.

Ваня подошёл к лошади, как всегда погладил её и поцеловал в мягкий, влажный нос. Лошадь фыркнула и затрясла в ответ головой. Однако Ванечка продолжал стоять и почему-то не торопился уходить.

Желающих утром купить молока оказалось не так уж много. Те, кому Михалыч наполнил банки, перекинулись с ним несколькими словами и ушли домой. Двор опустел.

– Не густо сегодня, – с лёгкой досадой промолвил Михалыч, скатывая в рулон клеёнку и стряхивая с тележки налетевшие кленовые «самолётики», – можно сказать, что совсем ничего и не продал.

– Ты ещё здесь? – удивился он, заметив Ваню. – А чего домой не идёшь? Вот мамка-то сейчас твоя...

И словно в подтверждение этих слов, с балкона раздался взволнованный голос Ванечкиной мамы:

– Сынок, ты куда запропастился?

– Я сейчас! – закричал изо всех сил Ваня. И вдруг, повернувшись к Михалычу, посмотрел на него и совсем тихо сказал: – Будьте моим дедом.

Много повидавший на своём веку Иван Михайлович, вздрогнул. При этом губы у него против воли как-то неестественно запрыгали. Потом он зачем-то расстегнул пуговицы на старом пиджаке с заплатками на рукавах и поправил на голове такую же старую кепку. Затем, сделав несколько шагов по направлению к Ванечке, сглотнул что-то невидимое, что застряло у него в горле, нагнулся и дрожащим голосом произнёс:

– Что ты сказал?

А Ваня, оробевший и растерявшийся от такой реакции взрослого человека, отступил назад и повторил:

– Будьте моим дедом!

Потом, словно сообразив, что забыл сказать одно очень важное слово, он посмотрел на старика своими широко открытыми синими глазами и прошептал:

– Пожалуйста.

Военный хлеб

– А теперь, – и Олег Георгиевич Самойлов внимательно посмотрел на студентов-первокурсников, – скажите мне, кто из вас знает пословицы и поговорки о хлебе?

– Хлеб – всему голова! – тотчас выпалил староста Антон.

Этот Антон был таким неугомонным, что все преподаватели про него так и говорили: «Ему бы с его детскими замашками ещё на годик в школе задержаться надо было!» По сути они были правы. Антон, отец которого в 90-е годы проходил службу в Чечне, пошёл в школу в пять лет. Потому что заняться было больше нечем. Ситуация в Грозном была сложной, семьям военных выходить из военных частей было строго-настрого запрещено.

Сообразительный и шустрый Антон в начале августа, в самый свой день рождения, заявил матери, что уже готов учиться, и даже в качестве доказательства вытащил из укромного места припасенный карандаш с белым ластиком на конце.

– Какая тебе ещё школа! – в сердцах воскликнула Ольга Валерьевна. – С тобой учителя с ума сойдут! Играй вон в машинки и не говори глупостей.

Но Антона оказалось не так легко переубедить. Не зря же он родился под знаком Льва! Уж что задумает, то непременно исполнит. Какие бы трудности перед ним ни встали. Услышав от матери слово «нет», он про себя тотчас сказал «да». Причём, если «нет» мамы было просто категоричным, и после него не стояло никаких знаков препинания, то «да» Антона сопровождала армия восклицательных знаков. Ну, армия не армия, но их было много. Однозначно.

Когда примерно дней за десять до первого сентября Антон лично стал стирать серые брюки, Ольга Валерьевна только усмехнулась, решив понаблюдать со стороны, чем вся эта затея окончится.

После ей, правда, стало не до смеха, потому что с контрольно-пропускного пункта позвонил дежурный старшина и строго отчитал её за то, что она не смотрит за «вверенным ей ребёнком». Так по-военному и сказал: «За вверенным»! Когда красневшаяся и запыхавшаяся Ольга Валерьевна не вбежала, а влетела в дежурку КПП, Антон сидел на кожаной банкетке и за обе щеки уписывал предложенное кем-то из военных большое красное яблоко.

Старшина Егоров, который вытащил Антона из кузова отправляющегося на боевое дежурство грузовика, уже не ругался.

Правда, попенял Ольге Валерьевне ещё раз, что она не уделяет должного внимания сыну, но тон у него уже был дружелюбный, а не сердитый.

– Каков ведь сорванец! – удивлялся, посмеиваясь, Егоров. – Я его спрашиваю, зачем среди мешков спрятался, а он упёрся: «В город мне надо – и всё!» Потом, правда, сознался, что рубашку хочет новую купить, чтобы в школу было в чём идти. В первый класс собрался! Лет-то хоть вашему мальцу сколько? Уж больно мелко дело для школы будет, ему ещё в садик бы походить, да вот беда – нет у нас на территории садика, а в город выход запрещен. Хорошо, хоть под школу одну из казарм переоборудовали да штат учителей укомплектовали.

– Пять лет ему, – развела руками Ольга Валерьевна, слушая нескончаемые речи старшины. – Я говорила, что рано, так ведь слушать ничего не хочет. Ручек где-то понабрал с разноцветными стержнями, карандашей да несколько тетрадок припас. И всё аккуратно в старую коробку из-под обуви складывает!

– Вы вот что... – и Егоров почесал за ухом, – больше не допускайте того, чтобы малый ваш попытку проникнуть за территорию части делал. У нас, конечно, дежурные всегда на посту, но мало ли что... А вот так не заметил бы я вашего кроху?

– Я не кроха! – тотчас послышалось с банкетки. – Сказал – пойду первого сентября учиться, значит пойду. Подкоп сделаю и под забором пролезу. У меня десять рублей есть, поэтому я всё равно в магазин попаду и рубашку красивую куплю. Для этой, как её... для линейки! Чтоб красивым рядом с девочками стоять. Я по телевизору в прошлом году видел, как первое сентября проходит.

И он снова принялся за яблоко.

– Вы это... – меж тем тихо сказал Ольге Валерьевне старшина, которого внутри восхитила настойчивость мальчика, – отпустите его, раз так хочет в школу. Он посидит за партой денёк-другой, потом устанет – сам домой запросится. Вот тогда-то вы и объясните ему, что рано ему ещё учиться. Да он и сам это увидит и перестанет к вам приставать. Сейчас бесполезно объяснять, раз он так настроен. Надо, чтобы он сам понял.

Так Антон оказался в первом классе.

Конечно, он был самым маленьким среди пятнадцати ребятишек, которым на тот момент уже исполнилось семь лет. Слова старшины о том, что мальчонка быстро устанет от школы, не сбылись. Всё то, что объясняла учительница, Антон запоминал на редкость быстро, писать научился одним из первых. А на уроках физкультуры не было того, кто смог бы догнать эту заводную катушку.

Миротворческие действия закончились, кадровые военные разъехались по новым местам службы, и среднюю школу Антон оканчивал в уже вполне нормальных условиях. Но то, что он пошёл в школу в пять лет, осталось на нём как отпечаток, что он всё равно моложе остальных на целых два года.

...Олег Георгиевич покачал головой, посмотрел на молодого человека и как бы невзначай поинтересовался: «А что, Воронков, вы, наверное, и ещё громче умеете? Я только про хлеб вопрос задал, а вы так кричите, что у меня уши заложило».

– Громче умею, но не буду, – в своей привычной манере ответил Антон, но доцент Самойлов только едва заметно поморщился, услышав это, и приложил к правому уху ладонь.

– Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной! – тихо произнесла Маша, которая на семинарских занятиях сидела прямо перед преподавателем.

«Не хлебом единым жив человек», «Нет хлеба ни куска – так и в доме тоска», «Были бы мука да сито, так и люди будут сыты», – слышалось меж тем от студентов. Олег Георгиевич довольно кивал: «Ну, молодцы, молодцы, вижу, что знаете».

– Доплясались, что без хлеба остались, – произнёс кто-то.

Самойлов вдруг сделался серьёзным и посмотрел на молодого человека, кото-

рый сказал эти слова.

– А вот это точно подмечено! – удовлетворенно закивал старый преподаватель. – А знаете, откуда такая поговорка появилась?

– Да, наверное, она говорит о том, что плясать и развлекаться можно лишь тогда, когда полны закрома. Поговорка как бы предупреждает, что нельзя предаваться веселью, не обеспечив себя самым необходимым, в данном случае хлебом, – заговорили наперебой первокурсники.

– Да-да, – произнес Олег Георгиевич. – Я, правда, сегодня хотел про другое сказать.

Молодые люди тут же расселись по местам. Они догадались, что сейчас последует какой-нибудь интересный рассказ. Самойлов был участником войны. Он не был любителем говорить на эту тему, но иногда на него словно что-то находило.

– Я ведь под Ржевом служил, – начал старый воин, и студенты поняли, что не ошиблись в догадках, – там и руку потерял. Но рука – что, слава Богу, что сам жив остался. А вот однополчане мои многие в тех сражениях погибли. Особенно часто я одного из них вспоминаю. Уж сколько лет прошло, а всё помню. Виталика Загородского.

Вроде бы только-только началась война – а сколько уже вражина успел перепортить! Заводы, фабрики, в том числе и продовольственные предприятия разбомбили! Вот и нам стали порции урезать. А что такое голодный солдат? Попробуй-ка потаскай оружие да шинель, да плащ-палатку в придачу! Тяжело было. Днём воюешь, вечером или по грязи ползёшь и место дислокации меняешь, или отдых тебе положен. Но бывало, что и без отдыха воевали.

– А когда ели не досыта – это уже совсем грустно было, – вспоминал ветеран. – А Виталик меня всё подбадривал. Говорил, что раз хлеб есть – значит, с голоду не умрем. Самое главное – чтобы хлеб был.

Я его всё спрашивал: «Откуда ты знаешь?»

– Так у меня отец хлебороб, – отвечал мой друг, – он всегда так говорит. Без супа можно прожить. Без каши можно. А вот без хлеба нельзя.

И всегда в кармане гимнастерки у него кусочек хлеба был, как бы про запас. Я его всё спрашивал, зачем он это делает, а он только посмеивался: «Пригодится!»

– А вы тоже носили хлеб в гимнастерке? – не выдержал Антон.

– Нет, я не носил, – усмехнулся Олег Георгиевич. – А вот Виталик – он с детства был приучен, что ли... всегда кусок хлеба у него был. Он, бывало, ещё так аккуратно заворачивал его в платочек и в карман сунет. Я-то по молодости не особенно это понимал, да и что с меня взять в восемнадцать лет можно было? Недостаток жизненного опыта, одно слово. Да, так о чём бишь я?

Один раз попали мы в замес. Это было уже в сорок втором, в самом начале ноября. Эх, и жаркий бой был, помню. Деревню нам надо было одну отстоять. А танки прут и прут. Мы их гранатами как погремушками закидываем, а их число всё не уменьшается. Лезут и лезут, проклятые.

Сутки мы тогда продержались, а потом пришёл приказ отступить. Мы назад – а немец обрадовался, что село за ним останется, и ещё свирепее на нас попер. Что ты тут будешь делать? Отходим – а всё равно по танкам бьём. И живую силу не подпускаем близко. Так жалко было эти места отдавать.

И вдруг Виталика осенило: «Надо их сбоку, сбоку пощупать!» И стал проситься у командира нашего – Михал Игнатьича Сысоева – обманом их стало быть сбоку взять. Но тот заругался:

– Ты что, Загородский, в своем уме? – кричит. – Уже боеприпасы на исходе, а ты о каком-то обмане говоришь!

И тут как назло, словно в подтверждение его слов, как бахнет рядом! И танк немецкий с большим белым крестом прямо перед нами нарисовался.

– Отступать! – орет не своим голосом Михал Игнатьич. – Беречь гранаты!

А Виталик подмигнул мне и налево глазами показывает: «Мол, поползли туда!»

Короче, послушались мы командира. Нельзя, конечно, было. Под трибунал бы попали, как пить дать. Но Виталик – он упрямый был. Пополз. А следом за ним и я. Ящик с гранатами тянем за собой, да что толку? Немцы как взбесились в тот день. Мы сбоку их обошли, со стороны лесочка, и вот тут-то попали в такую передрагу, что наше бывшее сражение ни в какое сравнение не годилось с тем, какой огонь на нас полился.

А Виталик молчит. Приметится, подпустит танк поближе да гранату ему аккумулятор под самое брюхо бросает. Бросит – уши изо всех сил закроет руками, чтобы от взрыва не оглохнуть, и тотчас на другое место переползает.

Сколько уж он так танков остановил – не знаю. Только помню, свет в глазах у меня неожиданно потемнел, и я как провалился куда-то.

Очнулся – не пойму. Голова болит, в ушах звон, но снаряды не рвутся. Только танки одни стоят на поле, которые перевернутые, а которые в землю зарылись. И то ли плач, то ли шмыганье откуда-то совсем близко слышится. Виталик лежал рядом, я его рукой тихонечко пошевелил – живой! А кто-то так и плачет: «Дядя, встань, дядя!»

Мы малость в себя пришли, сели на землю, видим – рядом девчонка, совсем кроха. Плачет: «Дяденьки, я думала, вы совсем умерли!»

– Да нет, – улыбнулся мой товарищ, – не совсем ещё. Наполовину только.

– А ты что здесь делаешь? – девчонку спрашиваю. – Куда тебя в самое пекло принесло?

– Да я заблудилась, – плачет, – в лесу два дня была одна. А тут ещё стрельба началась.

– Ах, глупая! – только и сказал Виталик. – Как теперь твоих мамку с папкой искать?

– Не знаю, – шмыгает. И вдруг спрашивает:

– Дяденьки, а у вас чего покушать не будет? Есть так охота.

Вот тут Виталик кусок хлеба из гимнастерки и вынул. Девчонка этот хлеб увидела – глаза аж загорелись. Виталик её на коленку к себе посадил, кусок в руки дал, она есть стала и повеселела.

Всё-всё съела подчистую. И даже крошки все сгребла в ладошку и в рот отправила.

– Ой, – говорит, – такой хлеб у вас, дяденьки, вкусный... ничего лучшего за всю жизнь кушать не приходилось. А раз сейчас война, – спрашивает, – значит, и хлеб ваш тоже военный?

Виталик ей, как сейчас помню, ничего не ответил. Только поцеловал в макушку и вздохнул.

Это мы уж потом узнали, что бой только благодаря моему другу захлебнулся. Потом нам и награды через месяц вручили, и сто граммов наливали, и на руках качали. Всё было. И Михал Игнатьич всё повторял: «Ну, Загородский с Самойловым, вы герои. Особенно Загородский, конечно. Да... Смышлён, смyshлён... Я-то твою уловку и не понял тогда, а ты хитрее и меня, и немца оказался. Молод да удал. Одно слово: храбрец из храбрецов!» И трижды его расцеловал как сына родного.

– Только вот я всё эту девчущку вспоминаю, – и глаза Олега Георгиевича сделались влажными. – Как она зубами в кусок хлеба вцепилась. И хоть был он, хлеб этот, с привкусом пороха, а всё равно сказала она, что ничего лучшего в жизни не ела, чем военный хлеб.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ¹

Сага о неизвестном Скульпторе

Бывший студент Всероссийской академии Художеств (ВАХ) Лазарь Моисеевич Кацов родился в мало примечательном местечке Степанцы Богуславского (Каневского) уезда Киевской губернии. Село относится к историко-этнографическому региону Среднего Поднепровья. Территория села, находящаяся за рекой Росавой, называлась «Городок», где в XVIII-XIX веках здесь проживало много евреев, занимавшихся торговлей, а потому каждая семья имела свою лавку.

В 1239 году Канев, в том числе и Степанцы, были опустошены монголо-татарским нашествием. В 1741 г. в Степанцах насчитывалось всего 50 дворов, а после реформы 1861 года, с развитием капитализма, оно превратилось в типичный еврейский тогдашний городок с мелкой кустарной промышленностью и промыслами. «Киевский вестник» за 1900 г. сообщает, что в Степанцах было 1120 дворов, 7247 жителей (из них евреев 36%), земли – 4060 десятин, в частности, господской – 1428 десятин, крестьянской – 2492 десятины. В селе было жителей обоего пола: православных 2360, римских католиков 10, евреев 3171. Село не обошло революционное влияние российских социал-демократов.

Представители БУНДа, еврейского крыла РСДРП, часто появлялись в еврейских местечках, вовлекая молодежь в революционное движение марксистов.

Еврейская молодежь активно вливалась в эти кружки. Прозябая в серых местечках без права выезда, без права на профессии, она в этих кружках видела свое светлое будущее без всех этих ограничений, вводимых начиная от царского правительства до рядового урядника. Бесконечные «нельзя» толкали их в другую крайность, которая обещала «всё можно», но только после того как «всё разрушим до основания».

... Рива торопливо чиркала отсыревшими спичками, но огонь не торопился выходить. Накануне прошел дождь, и необходимость замены спичек она второпях упустила. А может, Бог огня Гермес, зная характер злых намерений его клиентов, не всегда способствует появлению подведомственной ему силе огня.

Темная ночь поглотила маленькую девичью фигуру Ривы и каждый шорох вокруг отдавал трепетом сердцебиения. Нет, она не боялась намеченного преступления, иначе она бы не решилась на этот, весьма, рискованный шаг – поджог столярной мастерской. Рива ненавидела её и тот, как ей казалось, рабский труд, эксплуатируемый хозяином мастерской или, как его называли в марксистском кружке, – кровопийцей. Нет, она тысячу раз права, решившись на поджог. Только вот со спичками неудача, неужели всё сорвется. «Как там Мойша? Не натворит ли чего-нибудь», – забеспокоилась она о напарнике, но прежде всего любимом ею парне, сейчас исполнявшем ради неё роль соучастника. Они познакомились близко в том самом тайном марксистском кружке, который открылся в их местечке Степанцы.

Рива была активным членом кружка в силу своего холерического темперамента, так часто толкающего этих людей порой на необдуманные действия. Её резкие критические выступления и бурные возмущения пассивностью кружка сделали её лидером молодежи. Вот Мойша и попал под обаяние этой смелой и решительной девушки. Кроме того, и сама Рива была недурна собой, разве что рост маловат, да чуть-чуть полновата. Но этот контраст с силой её характера еще больше пленил Моисея.

¹ Племянник Л.Кацова

Риве тоже нравился этот паренёк с крепкой фигурой и умными ласковыми глазами. Он гармонировал её идеалу рыцаря, защитника угнетённых. Они начали встречаться, и вот результат – он стоял на страже, пока она делала «нужное дело» революции, поджигая частную собственность своего грозного отца Иосифа – владельца столярной мастерской.

Она чиркнула предпоследней спичкой, и, чудо, слабый огонёк нехотя вспыхнул в темноте. Он медлил и топтался на месте. Кому охота идти на такое неблагодарное дело, как лишить людей работы.

Поджог мастерской был последней искрой девичьих причуд его дочери Ривы. Только сейчас разъяренного Иосифа будто озарило. Он рассуждал так: «Образумить Ривку ремнём невозможно. Ещё неизвестно, что она может придумать. Не должен же я держать её постоянно взаперти. Так вот, выдам-ка я её замуж и тем самым передам Моисею все проблемы дальнейших Ривкиных непредсказуемых экспромтов».

Иосиф, глубоко вздохнув, с удовлетворением констатировал, что ещё не потерял способности здраво мыслить.

В 1913 году Ревекка и Моисей сыграли свадьбу. Через год у них родился сын – Лазарь, или как они его ласково называли в семье Лёля. Став матерью, Рива забросила революционные идеи, что и предвидел её проницательный отец.

Уже в 1917 году родилась девочка Гнесса (*будущая мама автора*). Так и остались бы дети местечковыми ребятами, если бы не революция, взорвавшая все устои Российской империи.

Гражданская война дала «добро» на «все дозволено!» и в первую очередь на грабежи и погромы еврейского населения. Погромщики всех мастей: белых, красных, анархистов и прочих бандитских националистов, соревновались в насилии и грабежах над сельчанами. Ввиду ежедневной угрозы насилия, дети старались не выходить из дома и потому были запуганы и стеснительны. Надо было спасать семью, детей от разгугла «освободителей».

Молодая семья в 1920 году устремляется в Баку, где, по рассказам переселенцев, требовалась рабочая сила и в избытке были продукты. Действительно, Моисей, профессиональный столяр, открыл свою небольшую артель. В городе быстро развивалась нефтедобывающая индустрия, требовались инженеры-специалисты, и всем нужна была мебель.

Дети пошли в школу. Старательный Леля (Лазарь), не выпуская глину из рук, целыми днями лепил различные фигурки людей и животных. Порой он забывал даже пообедать. Молча сопел он над очередной фигурой, по окончании которой прибегал к маме Риве и протягивал ей для оценки. Ревекка, души не чаявшая в первенце, с каждым разом все больше восторгалась способностями мальчугана. Когда уже в доме не осталось свободных мест от глиняных фигурок, Моисей и Рива решили, что способности сына необходимо развивать и продолжить. В Баку в 1920 году открылось Художественное училище им. Азима Азимзаде, куда и определили способного юного ваятеля глины. В 1930-е годы в области графики работали такие художники, как Азим Азимзаде, Газанфар Халыков, Исмаил Ахундов, Алтай Гаджиев, М. А. Власов, Кязим Кязимзаде, А. Мамедов и др. Вполне возможно, что начинающий скульптор пересекался с ними в училище. Леля никогда не кичился своими способностями. Скромный и трудолюбивый, он твердо шел к своей цели – стать скульптором. Сестра Гнесса училась в музыкальной школе по классу вокала. Вместе с братом они собрали дружную, музыкальную и веселую компанию.

Шел 1933 год. У руля ОГПУ стоял еще Менжинский, «последний из могикан» гвардии Дзержинского. Он был лежачим больным и фактически не решал задач ОГПУ. Вся власть принадлежала зам. председателя ОГПУ Ягоде, тоже из бывших революционеров. ОГПУ уже заразился вирусом вседозволенности и безнаказанности, хотя еще и соблюдалась видимость законности и правопорядка.

Главу семьи Моисея вдруг вызвали в республиканский ОГПУ. Все понимали, что такой визит в эти страшные органы власти ничего хорошего не сулит.

Семья замерла в ожидании страшных последствий.

– Мы выбрали вас из многих, так как уверены в вашей честности, принципиальности и преданности Советской власти, – проникновенно, глядя прямо в глаза Моисею Наумовичу, начал оглушительный змей-искуситель. – Мы знаем, что все, что вы имеете, – это результат вашего трудолюбия. Вы – хороший семьянин, и у вас замечательные дети. Ваша жена является достойнейшей женщиной и настоящим товарищем. Мы помним о ее вкладе в Революцию.

«Пока вроде бы правильно, хотя много что-то лести», – критически подумал Моисей Наумович. Дальше чекист пояснил, что от Моисея требуют доносить на людей, кто хранит в тайне золотые изделия, так необходимые для нужд социалистического построения страны.

– Нет, нет и нет! Я не пойду на предложенное сотрудничество! Это будет против моей совести, – разволновался Моисей.

– Вы понимаете, что мы вам раскрыли государственную тайну, и у вас обратной дороги нет, – шипел агент в лицо Моисею Наумовичу, –...или вы с нами, или... – многозначительно закончил он.

Но Моисей Наумович уже овладел собой. Он твердо посмотрел на шипящего.

– Я вам даю слово мужчины, что данный разговор останется между нами. Я принимаю интересы государства. Просто я не смогу играть эту роль, а сорвавшись с нее, могу только навредить органам, – уже смелее повел он разговор.

Но чекиста не устраивало такое явное объяснение.

– Мы верим вашему слову и если вы еще передумаете, то дверь наша всегда открыта для истинных патриотов, – съязвил чекист и подписал пропуск на выход.

Так пришла мысль о тайной подготовке к переезду на новое место жительства. Бросив буквально все нажитое, семья тайно, не оповестив никого из родственников, скрылась ночью из Баку в неизвестном направлении.

Переехав в 1934 году в Симферополь, семье пришлось начинать все с нуля. Но и здесь трудом и активностью Моисей сумел обустроить свою семью.

Только Леля не находил себе места: отсутствие любимого занятия глиной прекратилось, поскольку в городе не было соответствующих творчеству заведений. Пришлось поступать на литфак Симферопольского педагогического института. Но «*желая совершенствоваться в области скульптуры*», как подчеркивает он в своей автобиографии, Лазарь оставляет институт на 4-м курсе и поступает на организованные двухгодичные курсы в студию им. Самокиша. Окончив их, Лазарь ищет пути совершенствования в скульптурном творчестве. И молодой человек находит его в поступлении на факультет художников-монументалистов в старинный Одесский политехникум изобразительных искусств, основанный в 1865 году. Однако, через три года окончив его, Лазарь почувствовал неудовлетворенность пройденным курсом обучения. Творчество толкало его на более компетентное изучение скульптурного зодчества.

В это время объявила о приеме абитуриентов Всероссийская Академия художеств, и Лазарь, не раздумывая, отправляется в Ленинград. В своей автобиографии он так формулирует свои страсти по скульптуре: «*Имею сильное желание совершенствоваться в области скульптуры*».

Страсть Лазаря к лепке была здесь оценена по достоинству, и в 1940 году молодой человек был зачислен на первый курс скульптурного факультета.

Однако Лазарь также увлекался литературой. Особенное предпочтение он отдавал Владимиру Маяковскому.

Вот что он писал в письменном сочинении на вступительном экзамене в Академию художеств, сохранившемся в архивах РАХ:

«Когда читаешь Маяковского, поражает сила, с которой поэт чувствовал наше динамичное время. ...Его поэзия монументальна. Достойный памятник социализму. Все это в Маяковском черты нового художника-новатора».

Поселился Лазарь на 4-ой линии Васильевского острова, на Литейном дворе академии.

Именно в Академии художеств Лазарь почувствовал себя в родной стихии: преподавание было на высоком уровне, а сокурсники собрались один талантливей другого.

Лазарь познакомился с чудесной девушкой с археологического факультета Гос.университета, приехавшей из Вологды. Они находили много общих интересов и дружба их с каждым днем крепчала. Лазарь и Ира вместе знакомились с разнообразной исторической панорамой Ленинграда. Если Иру восхищала архитектура города, то Лазаря вдохновляли на зарисовки и эскизы фрагменты улиц и площадей.

Однако во главу своего творчества начинающий художник ставил скульптурное искусство. Лазарь с энтузиазмом находил все новые и новые скульптурные памятники великим деятелям государства и искусства. И всех их ему хотелось повторить, но уже в личном творчестве. Скульптурные фигуры «Летнего сада» полностью переселились в его повседневный альбом. В мечтах Лазарь творил их заново с расставкой в «Ново-Летнем саде».

С 9 по 11 января 1940 года в Ленинграде состоялась юбилейная сессия Академии художеств, посвященная ее 175-летию, которое отмечалось в 1939 году. За дату основания академии был взят 1764 год.

В академии преподавали известные скульпторы: М.Г. Манизер, А.Т. Матвеев, В.А. Синайский, причем В. А. Синайский был деканом факультета скульптуры. С 1934 по 1939 гг. директором ВАХ был один из основоположников живописи социалистического реализма, мастер исторической картины и портретист И.И.Бродский.

Окончив первый курс, Лазарь планировал поехать вместе с Ирой в Симферополь, имея в виду познакомиться невесту с родителями.

Но наступило 22 июня 1941 года. Пришла темная эра в истории СССР.

Теперь все события были связаны с военной тематикой. Лазарь перешел на лепку фигур известных летчиков. Академия с каждым днем принимала военный камуфляж: бумажные кресты на стеклах, горки песка для тушения пожаров от бомбежек, дежурные студенты на крыше здания академии.

18 августа 1941 года стало известно о решении Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР об эвакуации академии в Самарканд.

В сентябре 1941 года над Ленинградом нависла непосредственная угроза вторжения врага.

«В те дни, – вспоминал известный искусствовед профессор Иосиф Анатольевич Бродский (племянник Исаака Бродского), – монументальное здание академии художеств с массивными стенами и сводчатыми перекрытиями напоминало хорошо подготовленную к длительной обороне крепость. Окна 2-го этажа, выходящие на Неву, были превращены в амбразуры, у пулеметов заняли свои боевые посты краснофлотцы. В Рафаэлевском зале бойцы рабочего батальона получали винтовки, гранаты и бутылки с бензином». В музее академии и в ее уникальной научной библиотеке в конце лета и осенью 1941 года шла напряженная работа по сохранению и консервации фондов. Большие копии росписей Рафаэля, Тициана и других художников Возрождения были сняты со стен и накатаны на валы. Вся экспозиция была свернута. Материалы графического характера были раскантованы и уложены в ящики, гипсовые слепки демонтированы и сосредоточены в помещениях первого этажа. Наиболее ценные книги уносились из библиотеки в подвалы. Был также организован прием на хранение произведений искусства и книг, принадлежавших лицам, эвакуированным из Ленинграда, главным образом из числа педагогов академии».

Директором академии на момент начала войны был Владимир Яковлевич Родионов, который всего за пару лет до этого закончил архитектурный факультет. Но он вместе со всеми ушел в народное ополчение и погиб на фронте.

Количество студентов ежедневно уменьшалось: добровольцы и призывники десятками уходили на защиту Ленинграда: кто на рытье оборонительных сооружений, а кто прямо в окопы – остановить врага. Великая Отечественная война резко изменила привычный ритм жизни Академии художеств и стала самым большим потрясением в ее истории. Война поставила перед руководством академии сложную задачу: с одной стороны, мобилизовать все силы коллектива на помощь фронту, с другой – продолжать научную и учебную работу высшего учебного заведения. Только за восемь дней июня (с 23 по 30) 41 сотрудник академии ушел в ряды Красной Армии. 3 июля в здании академии состоялся митинг, на котором 43 человека подали заявления о зачислении их в народное ополчение.

Как написано в одной из заметок, «зимой 1942 года фашисты в ярости обрушили на Ленинград сотни бомб и снарядов. Профессора Академии художеств поселились тесной семьей в одном из бомбоубежищ в здании академии. В большом сводчатом подвальном помещении жили академик И.Я. Билибин, профессора В.А. Синайский, Л.Ф. Овсянников, Н.Б. Бакланов, Я.Г. Гевирц и другие. Было холодно и голодно. Но бодрость и оптимизм не покидали никого даже в самые тяжелые минуты. Многие продолжали свою творческую работу».

Пришел черед и Лазаря: призывался он Василеостровским РВК 13 января 1942 года. (Учетная карточка военнослужащего красноармейца Кацова Лазаря Моисеевича № 1658). Вместе с ним ушел почти весь скульптурный факультет. Уже находясь в окопах, ему пришло известие о гибели под бомбежкой любимой Иры.

А вскоре и самого Лазаря постигла та же участь: бомбардировочная авиация, ни дня не оставлявшая в покое город, накрыла градом осколочных бомб рывших траншеи студентов. Один из осколков нашел Лазаря. Окровавленного студента доставили в Эвакогоспиталь 2013. Но извлечение осколка не спасло его. Заблокированный фашистами город не мог оказать действенной помощи ни оздоровительным питанием, ни лекарствами от начавшейся болезни.

Так, 1 февраля 1943 года еще одной жертвой войны стал нереализовавшийся в полной мере скульптор Лазарь Моисеевич Кацов.

Ему было 29 лет.

Предан земле Лазарь Моисеевич был в братском захоронении на Серафимовском кладбище.

Извещение о смерти было послано на адрес родителей, находившихся в эвакуации: в Тбилиси, Арестовский пер. 5, Кацову Моисею Наумовичу и сестре Верховской Г.

В феврале 1965 года в ИнЖСА им. И.Е. Репина было принято решение «об установлении мемориальной доски в память погибших студентов, профессорско-преподавательского состава и служащих на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады».

В 1968 году по обе стороны парадного вестибюля первого этажа здания Академии художеств были установлены Мраморные мемориальные доски с увековеченными именами 1023 человек.

В их числе находится и студент Лазарь Моисеевич Кацов

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ЕЛЕНА ЩЕТИНКИНА

Выпускница Азербайджанского Государственного Университета культуры и искусства, по основной специальности режиссер театральных коллективов. Бакинские зрители помнят ее на сценах Бакинского ТЮЗа и Русского драмтеатра им.С.Вургуня. Работала также в Бакинском Кукольном театре. В ее стихах так же, как в свое время в театральных образах, присутствует ярко выраженное женское начало.

Как долго я тебя ждала...

**Как долго я тебя ждала,
Бродя тропинками судьбы.
И были люди и дома,
Но все не то,**

не те,

не ты.

**И на себе ловила взгляд
Бездонной мрачной пустоты.
Выстраивались мысли в ряд:**

– Не тот,

не то,

не так,

не ты...

**И было холодно, и страх
Так ждал прихода темноты,
И застывало на губах:**

– Не тот,

не то,

не так,

не ты...

**Пройдя по тупику Обид,
Сверну на улочку Мечты,
Там одиноко дом стоит,
А в нем всё так, всё то –**

и ты...

**И разговоры до утра,
И сердцу милые черты.
А мысли метрономом в такт:**

– Да, это ты...

Да, это – ты!..

**Вопрос читается в глазах,
Сомнений тень, в руке рука,
И тихо отступает страх:**

– А может, я –

это она?..

...У моей беды глаза не зеленые –
Цвета ворона крыла они, черные.
И такая глубина в них бездонная,
Что на зависть всем богам
(да и чёрту бы!..)

У моей судьбы глаза цвета полночи,
Да безлунной, без звезд,
да без проблеска.
Путеводною звездой сердце томное,
Осмелев, пустилось вновь да на поиски.

Как найти в глазах свое отражение?
Куда взгляд ни кинь –
ты мерещишься.
Ты куда ведешь, рука провидения?
На гибель?..
Неужели – осмелишься?

И объятия пьянят до безумия,
И сама я не своя в этом омуте.
И какие тут быть могут раздумия?..
Весь мой мир –
в тебе одном,
в этой комнате...

А она взяла и обиделась.
Раз!.. –
и не было ее будто.
За то время, пока не виделись
Сто ночей покорились утру.

А она взяла да и спряталась,
Далеко, без следа и адреса.
На столе сиротливо валяется
Книжка ею любимого Андерсена.

А она взяла и уехала,
И слова напоследок не сказаны.
До нее –
километры с помехами.
Да и разве вы чем-то связаны?..

Беспощадное время стекает,
Расплавляясь о слово «скупаю».
По ночам кровоточит стихами,
И терпенье с надеждой венчает.

АЙТЕН АКШИН

РАССКАЗЫ

Бранч мадам Рашли

Мадам Рашли, именно так она всем представлялась, встала этим утром явно не с той ноги. Обычно степенная, неторопливая, довольная не столько жизнью, сколько собой, она и не встала вовсе, а вскочила, причем так резко, что потеряла равновесие и неуклюже плюхнулась обратно. Если бы кто-то услышал вырвавшиеся при этом из уст мадам скабрезные слова, то удивился бы дважды. Сначала тому, что мадам вообще их знает, потом тому, что она произнесла их вслух.

Со второй попытки мадам Рашли все-таки встала. Прежде чем перейти к утреннему ритуалу, бросила взгляд на накрытый еще с вечера стол. Сегодня был вторник. Самый обычный для простых смертных. Тот самый, что наступает после понедельника. Обычный, одним словом, и регулярный в этом смысле. Для всех, но только не для мадам, у которой на сегодня был назначен бранч.

На бранч мадам Рашли приглашала своих старинных приятельниц. Происходило это знаменательное событие один раз в три месяца, строго по последним вторникам третьего по счету месяца. Соответственно, вторники эти сразу же становились особенными. Поэтому, несмотря на то, что мадам Рашли отличалась суеверностью, омрачить ее заведомо приподнятого по случаю грядущего бранча настроения не могло ничто, даже тот факт, что ее угораздило встать этим утром не с той ноги.

К своим бранчам мадам готовилась всегда тщательно. Отличались они не только кулинарными изысками, но и тем, что в каждом из них был еще своего рода гвоздь программы. В качестве подобной изюминки или тематической нотки, как любила говорить мадам Рашли, могла стать, например, редкая аудиозапись с голосом любимого актера самой мадам. Или рассказ классика, который сама мадам читала вслух грудным голосом, закатывая глаза и произнося все носовые на французский манер. Или фужер из искусного материала, который мадам приобрела у антиквара, или утерянный рецепт кекса и сам кекс по этому рецепту. В общем, все, что могло взбрести в голову мадам, становилось гвоздем программы ее в целом скучного, хотя и вкусного бранча.

Не был исключением и сегодняшний бранч. На него мадам Рашли пригласила свою новую соседку, с которой теперь делила лестничную площадку на последнем этаже и узкий длинный балкон с передвижной перегородкой из матового стекла.

Справедливости ради нужно уточнить, что всего еще неделю назад мадам казалась, что вся ее фантазия в поисках тематической нотки ее очередного бранча безнадежно иссякла. Она пребывала в паршивейшем состоянии духа уже несколько дней, когда наконец заставила себя откусать на своей половинке узкого балкона свой ритуальный утренний кофе с не менее ритуальной свежеиспеченной булочкой из ближайшей кондитерской. Не успела мадам отпить из миниатюрной винтажной чашечки и прикоснуться к булочке, как околачивающийся на соседской половине балкона беспризорный воробей, проигнорировав все правила приличия, нагло перелетел к ней поближе и попробовал сначала поклянчить, а потом нахально претендовать на ее булочку.

Мадам Рашли возмутилась подобным поведением птицы, с которой была совершенно не знакома, хотела тут же прогнать, но тут ее осенило, что это знак свыше.

Она с удовольствием допила кофе, полакомилась булочкой, бросив пару крошек на соседскую половину балкона, куда настойчивый беспризорник тут же перелетел, и приняла решение пригласить на свой бранч новую соседку.

Сандра, так звали соседку мадам, о которой мадам было известно лишь то, что она недавно вернулась из Лондона и завершает свое обучение, специализируясь в англистике, в тот же день получила от мадам Рашли приглашение в конверте лилового цвета. В конверт была вложена такого же лилового цвета терпко пахнущая лавандой карточка. На ней рукой мадам было написано приглашение на бранч.

О том, что приглашена Сандра в качестве основной тематической нотки самого бранча, мадам Рашли, естественно, умолчала.

Знания английского языка мадам Рашли остались на уровне факультативного курса гимназии, которую она окончила в неуточненном ею году прошлого века. Мадам вообще не любила конкретно говорить о том, что косвенно указывало бы на ее возраст и давало бы больше информации о ее прошлом, чем та биографическая версия, которой она придерживалась последние сорок лет. Входила в эту версию и вся информация, вернее ее полное отсутствие, о бывшем супруге мадам. То ли он сбежал, то ли мадам его выставила, то ли он благополучно умер. О бывшем супруге мадам не было известно ровным счетом ничего, кроме того, что он, когда-то появившись, соизволил потом исчезнуть, да так удачно, что обеспечил мадам ее нынешнее безбедное существование.

Вне зависимости от того, что именно сохранилось в памяти мадам от факультативного курса английского языка, ей нравилось произносить слово **бранч** на истинно английский манер. Во всяком случае, она была уверена в том, что истинные англичане, прежде чем сказать слово **бранч**, обязательно берут паузу, во время которой набирают в легкие достаточно воздуха. Потом они торжественно и звонко произносят **б**, на выдохе прокатывают **р**, тянут **а**, высокомерно спотыкаются на слегка гриппозное **н**, решительно отделяют от него **ч** и застывают, размышляя над значимостью только что произнесенного.

Чтобы не ударить лицом в грязь перед своей же тематической ноткой, которая только что вернулась из Лондона, мадам подготовилась на этот раз тщательнее обычного. Она не только отрепетировала само слово **бранч**, но подготовила целый доклад на соответствующую тематику.

Сколько раз в то утро злополучного вторника в квартире, напичканной комнатными растениями и карликовыми деревьями, еще одна страсть мадам, прозвучало слово **бранч**, неизвестно. Приглашенная впервые на бранч мадам Рашли и оглушенная обнаруженным дендрарием на дому ее соседка Сандра тоже не считала. Она вообще плохо внимала всему, что говорила мадам Рашли, лишь каждый раз напрягаясь, как только мадам произносила свое любимое слово.

Утро необратимо переходило в полдень, пока мадам продолжала все еще разглагольствовать о пользе бранча и английских традициях двухвековой давности. Придав лицу торжественно-удовлетворительное выражение, которое заслуживал бы автор нескольких объемистых трудов по английской фонетике, мадам Рашли хвалила англичан, брала паузу, шумно выдыхала заветное слово, которое, облетая бабочкой многочисленные горшки с орхидеями, цикламенами и бегониями, достигало ушей приглашенных дам скрежетом проведенного по стеклу железа.

Мадам Рашли была неумоима, ее гости слишком хорошо воспитаны. Порядком устав от обрушившейся на них информации, они мило улыбались и кивали, стараясь скрыть нарастающее раздражение.

Наконец, ко всеобщему облегчению, мадам Рашли завершила оду бранчу, которую кокетливо назвала «лирическим отступлением», и пригласила всех к столу.

Дамы перешли к столу и, перебивая друг друга, стали хвалить воистину безупречно накрытый стол. Мадам Рашли не осталась в долгу и добила всех, сказав, что самое замечательное в происходящем то, что банч необязательно устраивать строго по воскресеньям.

Банч мадам Рашли прошел именно так, как ей этого хотелось. Представив Сандру, мадам потом сама начала задавать Сандре направляющие вопросы. Поскольку приятельниц мадам Рашли выбирала себе очень тщательно, все они обладали безупречными манерами, и расспрашивать сами Сандру о чем-то дамы, конечно же, не стали. Не подозревающей ни о чем Сандре тоже казалось в логике вещей оказаться в центре внимания необычной публики. Она значительно уступала в возрасте всем собравшимся гостям. На правах старших дамы мило и снисходительно слушали то, о чем расспрашивала Сандру мадам Рашли. И Сандра рассказывала, где жила, о семье, об образовании, обо всем, что в силу разницы поколений казалось занятым и интересным, включая, конечно же, жизнь и учебу в Лондоне.

Дамы уже изрядно подустали, и некоторые из них лишь тактично ждали удобной паузы, чтобы откланяться. Мадам Рашли пребывала в самом прекрасном расположении духа, когда Сандра, все еще рассказывая о Лондоне, произнесла имя некоей фрау Штайнман-Вильсон.

– Штайнман, Штайнман-Вильсон? Не та ли самая Штайнман, которая училась во Фрибурге? – живо переспросила одна из приглашенных на банч приятельниц мадам. Это была неугомонная фрау Руфф, которую мадам слегка недолюбливала, но не настолько, чтобы перестать приглашать ее на свои банчи.

– Да, фрау Штайнман-Вильсон рассказывала, что окончила университет во Фрибурге, – радостно воскликнула Сандра, – вы знакомы?

– Учились в одном университете, детка, – снисходительно ответила фрау Руфф, затем добавила уже более доверительным тоном. – Я училась тогда на юридическом факультете, фрау Штайнман на философском, она была старше меня года на два или на три, но мы были вместе в студенческой волейбольной команде.

Фрау Руфф хихикнула. Услышав про волейбольную команду, в которой сложно было представить себе фрау Руфф в ее нынешнем теле и возрасте, дамы тоже захихикали. Сандра улыбнулась. Фрау Руфф вдруг ударились в воспоминания. Сначала она рассказала про институтские годы, затем школьные, потом про свою первую любовь. Дамы неожиданно стали забрасывать фрау Руфф вопросами, а потом и сами ударились в воспоминания.

В стороне от этой оживленной атмосферы милых сердцу воспоминаний оставалась лишь мадам Рашли. Она сидела с напряженным лицом. Со стороны казалось, что мадам Рашли пытается тоже вспомнить что-то забавное и скоро тоже рассмешит своих приятельниц каким-то незабываемым эпизодом из прошлого. В действительности же мадам Рашли вовсе не пыталась что-либо вспомнить. Ее откровенно раздражало то, что дамы до неприличного часто хихикали, краснели и, перебивая друг друга, возбужденно говорили. Ее главный тематический нюанс вообще уже никого не интересовал. Вместо того, чтобы послушно отвечать на вопросы, Сандра сама теперь задавала их ее приятельницам. Беседа не просто ушла в другую сторону. Вся тщательно продуманная программа банча была исковеркана, скомкана, уничтожена, сорвана.

Мадам Рашли была вне себя, но стоически держалась.

Дамы же продолжали откровенничать, и мадам Рашли опасалась теперь того, что скоро настанет ее очередь. Кто-то обязательно задаст ей личный вопрос, на который придется отвечать. Какой бы ни была откровенность, но когда ею делятся, то этим актом доверия рассчитывают прежде всего на взаимную искренность, а к откровенности и искренности мадам Рашли была совершенно не готова.

Ей сейчас хотелось лишь одного, а именно, решительно пресечь становящуюся все более неконтролируемой болтовню приглашенных дам. И чем раньше, тем лучше. Срочно вмешаться, остановить этот неуправляемый поток излиятий, направить беседу дам в правильное тематическое русло, то есть вернуть внимание на Сандру, которая уже совсем расслабилась и с неподдельным интересом слушала откровения в принципе не особенно интересного ей старшего поколения.

Мадам Рашли улучила момент и категорическим тоном вставила в получившуюся паузу вопрос, обращаясь к Сандре:

– А в Лондоне часто приглашают на бранч?

«Бранч» на истинно английский манер резко вернул всех дам за стол мадам Рашли. Сандра замешкалась. Ей не хотелось произносить это слово ни на английский, ни на какой другой манер. Она замялась.

– Не знаю, в будни я всегда была занята, а в воскресные дни приглашали чаще на пикники, – растерянно ответила она и вдруг вновь оживилась. – Да, никогда не забуду одно замечательное воскресенье. Мадам Штайнман-Вильсон пригласила меня и всех коллег в средневековый замок, который принадлежит семье ее супруга.

– Замок? Средневековый? Ах, как мило! – наперебой заворковали дамы.

Фрау Руфф захлопала в ладоши, потом вдруг замерла с поднятыми вверх сухонькими морщинистыми руками как в стоп-кадре. Лицо ее озарила какая-то, только что пришедшая в голову мысль. Она повернула лицо к мадам Рашли и воскликнула:

– Милая, а ведь ты должна знать эту Штайнман-Вильсон, то есть Штайнман!

Мадам Рашли высоко приподняла брови.

– Почему?

Еще одно любимое словечко мадам Рашли. Произносила она его тоже особенно. Медленно, в три слога, задумчиво. Мадам Рашли казалось, что произносит она это слово с открытой детской наивностью, вызывая у собеседника симпатию. В действительности же *почему* мадам Рашли раздражало так, как исключительная медлительность тугодумов раздражает тех, кто отличается гибкостью ума. Но на фрау Руфф артикуляция мадам Рашли не произвела никакого впечатления. Хоть особенной гибкостью ума фрау Руфф не блистала, упорством отличалась во всем.

– Ты ведь окончила гимназию в городе Тун, – затрещала фрау Руфф. – На весь этот маленький городишко у вас там всего одна гимназия. Ну, вспомни, ну, Штайнман, ну, Розмари. Ну, рыжая такая, с веснушками.

Из откорректированного на свой вкус прошлого мадам Рашли неожиданно взглянуло вдруг глупое с веснушками на носу лицо лопухой Розмари. Ничем особенным из компрессированных в одну массу гимназисток из нелюбимого городка и его учебного заведения, которым все же позволительно было затеряться в уголках в принципе не такой уж и плохой памяти мадам, ее бывшая соученица Розмари не выделялась. Ни умом, ни красотой, ничем. Мадам Рашли показалось ужасной несправедливостью, что эту самую лопухую Розмари теперь величают «фрау Штайнман», да еще через черточку «Вильсон», а у этого ее Вильсона, наверняка тоже лопухого, есть еще и замок, да к тому же средневековый.

Вся эта информация пронеслась в голове мадам на той скорости, на которой проносилось у нее все, что не хотелось восприниматься как имеющий место факт.

Мадам Рашли незаметно дернула плечом в знак возмущения. Но важно было сейчас не давать волю эмоциям, а дать правильный с математической точки зрения ответ на вопрос фрау Руфф. Из всей, так нестати обрушившейся на ее голову информации, она сейчас четко уловила и отметила про себя то, что фрау Штайнман-Вильсон, то есть лопухая Розмари, была на пару лет старше фрау Руфф. Мадам Рашли тщательно скрывала свой возраст и всегда была начеку. Допустить то, что эта фрау Руфф и все сейчас узнают, что они с Розмари одногодки, она никак не могла.

Мадам Рашли приняла молниеносное решение.

– Нет, – сказала она спокойным уверенным тоном. – На нашем курсе и в мои года обучения у нас точно не училась Розмари Штайнман.

Фрау Руфф хотела тут же спросить, когда именно мадам Рашли поступила в гимназию, но не успела. Мадам Рашли демонстративно отвернулась от нее и, повернувшись к Сандре, уже приказным тоном сказала:

– Расскажи-ка, дорогая, поподробнее о фрау Штайнман-Вильсон, ведь она наша землячка.

Дамы одобрительно закивали и заворковали. Сандра с удовольствием начала свой рассказ.

– Мы познакомились сразу после ее лекции. Фрау Штайнман-Вильсон в тот день выступала...

– Розмари выступает? – вырвалось у мадам Рашли.

Она тут же смутилась. Ей показалось, что из-за спины Сандры в этот момент выглянуло лопухое веснушчатое лицо, весьма неприлично высунуло язык и снова спряталось. Мадам Рашли быстро взяла себя в руки.

– Как же это замечательно, что фрау Розмари Штайнман-Вильсон выступает с лекциями в Лондоне. Ведь это еще раз и весьма наглядно показывает то, насколько сильна, действенна и эффективна именно наша система образования, – поспешно исправила себя мадам Рашли.

Фрау Руфф восторженно добавила:

– Bravo! В точку сказано. Я тоже горжусь Розмари и тем, что она выпускница нашего университета.

Дамы вновь одобрительно закивали и заворковали. Сандра, которая явно симпатизировала фрау Штайнман-Вильсон, продолжила:

– Да, фрау Штайнман-Вильсон вообще большая умница. Я тоже восхищаюсь ею. Добиться всего, чего она добилась в науке, вырастить троих детей, у нее такой замечательный супруг и уже пятеро внуков...

Пока Сандра рассказывала, а дамы ее спрашивали, у мадам Рашли разболелся живот. Она с трудом дождалась того момента, когда гости начали откланиваться, осыпая комплиментами ее замечательный, чудесный, незабываемый, да еще и с тематическими изюминками, бранч.

К вечеру мадам Рашли слегла. На следующее утро врач диагностировал у нее мудреную болезнь с длинным названием, прописал капли и наказал побольше бывать на свежем воздухе.

Сопереживание

Миргулы вошел бочком, с трудом втиснув свой внушительный живот в узкий дверной проем.

– Интересно все-таки, кто такое проектировал? – проворчал он недовольно.

– Проекторы, – радостно парировал Адиль. – Доброе утро, Миргулы муаллим.

– Доброе утро, Миргулы Мамедович, и все-таки, лучше бы вы на диету сели, пожалуйста хоть сердце свое, – как всегда не к месту со своими советами, тут же присоединилась к нему Лилечка.

– Сяду, сяду, непременно сяду, утро доброе, Лилечка, – пробурчал Миргулы, проигнорировав приветствие Адилья. – Вот, как только с налоговой разберемся, так сразу и сяду, со следующего понедельника, например, а лучше в четверг. А где все?

– Разбежались по объектам, якобы, – снова встрял Адиль и, ехидно прищурившись, добавил. – До четверга.

Миргулы недовольно пробурчал что-то себе под нос и все так же бочком направился через всю комнату к своему столу.

– Что значит разбежались? А к аукциону документацию на кого оставили?

– Так к этому же все уже готово, – недоуменно повела плечами Лилечка. – Аслан Теймурович еще в субботу все просмотрел.

– А он у себя?

– Нет.

– А когда будет? А где Зара? А где вообще все? – снова удивился Миргулы.

– А Зарочка наша отпросилась у Лилечки. А Лилечка сейчас отпросится у вас и тоже уйдет на объект, да, Лилечка? И останемся мы с вами одни-одинешеньки, Миргулы муаллим.

– Ты бы тоже лучше на объект сходил, – огрызнулся Миргулы, – а то умничаешь много.

– Не могу, Миргулы муаллим, – все так же радостно отозвался Адиль, – меня Аслан Теймурович лично попросил сегодня до конца рабочего дня быть на месте.

– А где он сам?

– Вы что, правда, не в курсе, Миргулы Мамедович? – удивилась теперь Лилечка.

– Не в курсе чего? – равнодушно спросил Миргулы.

– Так у Аслана Теймуровича дочь ведь разводится, – чуть не хором сказали Адиль и Лилечка.

Миргулы от неожиданной новости сначала высоко поднял густые брови, потом поморгал глазами, шумно выпустил воздух из ноздрей и, расстегнув верхнюю пуговицу сорочки, насколько мог трагически выдал из себя:

– Это после такой-то свадьбы?

– А причем тут свадьба, – удивилась снова Лилечка, – о девушке тут думать надо, ее как бы жалко.

– А мужа ее бывшего тебе не жалко? – опять съязвил Адиль.

– А что его жалеть? Вашего брата мы хорошо знаем. С вас все, как с гуся вода. Отряхнетесь и еще раз женитесь. А на разведенке кто так сразу женится? Только по большой любви. А большая любовь, как известно, только в сериалах и осталась теперь.

– А ты, значит, Лилечка, и сериалы смотреть успеваешь?

– А я их не смотрю, Адильчик.

– Откуда же тогда такая информация?

– У тебя учусь, Адильчик: чтобы иметь твердое мнение, не обязательно в чем-то действительно разбираться.

– О чем это ты, Лилечка?

– О твоём интервью в последнем номере журнала «Двинем к недвижимости».

– Так я же, кажется, уже объяснил: это было в целях рекламы. А все, что для рекламы, не обязательно должно соответствовать истине.

– Но не в вопросах же здоровья. Из того, что ты там наговорил «в целях рекламы» по поводу новых жилых комплексов, получается, что кому-нибудь с комплексией Миргулы Мамедовича стоит уже чуть ли не наплевать на свое здоровье.

– Лилечка, милая, откуда ты это взяла? Я лишь сказал, что положенные на одного человека 18–20 квадратных метров можно забыть, как архаизмы. Не в законодательном плане, конечно, а с точки зрения планируемого в жилищном строительстве. А по поводу того, на что ты намекаешь, прости, но дать простор собственному телу можно и в малогабаритке. И, кстати, как раз-таки для кого-то с комплексией Миргулы муаллима...

– Причем тут моя комплексия! – взорвался наконец Миргулы.

В очередной раз став свидетелем привычной словесной дуэли Лилечки и Адилья, Миргулы вначале лишь недоуменно слушал обоих в ожидании того, что сейчас получит дальнейшие объяснения и пикантные подробности семейных неурядиц своего шефа Аслана Каграманлы. Но, поняв, что больше никто ему ничего, во всяком случае добровольно, не сообщит, страшно разозлился.

Прикрикнув на Адила, он повернулся затем к Лилечке и спокойным тоном спросил:

– Аслан-то сам как? Это же такой позор!

Миргулы вновь придал лицу скорбное выражение, затем спохватился, словно вспомнил нечто более важное, чем развод дочери своего начальника и, не мешкая, выразительно подергал себя за уши. И было по какой причине. В невестах у Миргулы пока ходили все три его дочери.

Адиль тут же громко постучал по столу. Миргулы вздрогнул и обернулся на дверь, потом с уже нескрываемым презрением на Адила, который, не мешкая, шумно и с причмокиванием тоже подергал себя за уши, зловеще при этом выкрикивая:

– Чур меня! Чур меня! Кыш! Кыш!

– Клоун... Аслан тоже нашел на кого фирму оставить, – проворчал Миргулы себе под нос и, не удержавшись, спросил Адила. – Вот спрашивается, ты-то зачем себя за уши дергаешь? Ты сначала женись. Детей сделай, а потом за уши себя дергай.

Лилечка звонко рассмеялась:

– Ну, право, Адильчик, не могу не согласиться с Миргулы Мамедовичем, тебе-то чего бояться? Или боишься, что есть уже дочки, о которых пока не знаешь?

Адиль, не меняя нарочито испуганного выражения лица, отрицательно дернул головой:

– Нет, Лилечка, дочек, о которых пока не знаю, еще нет. Но ведь Миргулы муаллим тоже в целях профилактики себя за уши дергает, да, Миргулы муаллим?

Миргулы недовольно засопел и зловеще прошипел:

– Веселишься... Ладно, веселись. У Аслана дочка разводится, а ты веселишься. У начальника горе, а ты зубы скалишь.

– Да что вы, Миргулы Мамедович, – заступилась за Адила неожиданно Лилечка, – разве можно такому радоваться?

– Это с какой стороны посмотреть.

Все повернулись на голос незаметно вошедшего в комнату.

– Трухлявое дерево лучше вовремя срубить, – добавил к сказанному вошедший в комнату водитель Эльман, – а вы бы хоть дверь поплотнее закрывали бы, когда начальству косточки перемиывать собираетесь, а то вас по всему коридору слышно.

– А ты не ходи на цыпочках, – огрызнулся Миргулы на водителя Аслана Каграманлы, – тоже мне философ.

Лилечка и Адиль тут же обступили Эльмана и засыпали вопросами.

Пошептавшись с обоими, Эльман зашел в кабинет Аслана Каграманлы, взял оттуда какие-то документы, снова пару минут пошептался с Лилечкой и Адилем, затем ушел, осторожно закрыв за собой дверь.

– Лучше бы машину так водил – шепотом, – презрительно фыркнул Миргулы, как только закрылась дверь за Эльманом.

У водителя Аслана Каграманлы была одна слабость: на правах близкого к шефу доверенного лица он любил поумничать. Делал он это с видом человека, уже давно знающего то, о чем другие пока еще и не догадываются. Умничал, то есть сплетничал, Эльман с огоньком, с душой, с задором, систематически, направо и налево, с кем угодно, но только не с Миргулы. И поэтому каждый раз, когда Миргулы сталкивался с водителем шефа, его охватывало чувство недовольства, во рту становилось кисло, а к горлу подкатывала неприятная изжога, напоминающая о том, что благодаря водителю Каграманлы опять все знают то, чего он пока еще не знает. Но, если бы кто-то подумал, что Миргулы недолюбливает Эльмана или, например, Адила, тот сильно бы ошибался. На таких, как Эльман или Адиль, он хоть и ворчал, и огрызался, но в целом оба были для него не более, чем пустое место. А все потому, что была у Миргулы в жизни настоящая, одна-единственная, истинная нелюбовь.

Вообще-то, каждому в жизни выпадает лишь раз, по-настоящему и на всю жизнь не полюбить кого-то. Ведь нелюбовь, когда она настоящая, то невозможно сказать, за что именно испытываешь к кому-то глубокую нелюбовь. Если сумеешь сформулировать, то это уже не нелюбовь, а так себе – мелкая неприязнь. А Миргулы повезло, была у него такая большая нелюбовь. И испытывал он ее ежедневно. И ничего не мог с собой поделать. И страдал молча. Потому что истинные чувства, когда они очень сильные, обычно тщательно скрывают.

Вспомнив опять про свою большую нелюбовь, Миргулы грустно вздохнул, потом покосился в сторону кабинета Аслана Каграманлы и продолжил вслух сокрушаться:

– Как он переживает, как переживает...

– Да ладно вам, Миргулы Мамедович, – отозвалась Лилечка, – не она первая, не она последняя. Может, потом еще и радоваться будет.

– Точно, – подхватил Адиль. – Мудрецы ведь как говорят...

– Вы оба в этом абсолютно ничего не понимаете! – вскипел Миргулы. – Это позор! Это удар, после которого он уже никогда, слышите, никогда не оправится!

Лилечка и Адиль недоуменно переглянулись. Миргулы, лоб которого от сопереживания начальнику покрылся легкой испариной, а лицо налилось кровью, теперь точно смахивал на сеньора Помидора, как за глаза называли его сотрудники фирмы Аслана Каграманлы «Ломать – не строить».

Лилечка снова попробовала возразить:

– Да что вы, Миргулы Мамедович! Люди женятся и разводятся.

– Вот пока мы с вами здесь разговариваем, знаете, сколько уже браков развалилось? – снова встрял Адиль.

Миргулы словно оса ужалила.

– Замолчи немедленно! – уже не сдерживаясь, прикрикнул он на Адилю, демонстративно положив руку на левую сторону груди, и более спокойным тоном добавил. – Вот, когда у вас самих дети будут, когда вы в долги влезете и такую шикарную свадьбу, как Аслан, сыграете, а потом вот так вот – все коту под хвост, да еще любой молокосос будет тебя обсуждать на каждом углу, в каждой офисной столовой и в каждой чайхане... Ах, какой позор... Вот тогда поймете.

Адиль пожал плечами. Лилечка углубилась в свои документы на компьютерном дисплее. Не друживший с новейшей техникой Миргулы сначала с умным видом достал свой новенький мобильный телефон, что-то долго в нем высматривал, потом отложил его в сторону, оставшись окончательно и бесповоротно наедине со своим сопереживанием.

Весь день Миргулы так и просидел на своем стуле, абсолютно ничего не делая. Временами вздыхая, сопя и покачивая головой. Правда, пару раз ему все же пришлось выбраться из-за своего стола: два раза по малой нужде и один раз, чтобы выпить чаю в кафе напротив.

Хотя Миргулы и не афишировал, но в действительности упрямо сидел на особой диете, которую придумал сам и в которую очень верил. Суть ее заключалась в том, чтобы не есть целый день. Точно так, как в молодости, когда студенческий ужин был еще завтраком и обедом, а Миргулы еще не величали ни Мамедовичем, ни муаллимом. Был он тогда просто худым и застенчивым Мириком, как называли его однокурсники, питался тем, что хватало на стипендию и на мелкие случайные заработки. Теперь же каждый вечер, основательно и плотно поужинав, полулежа перед включенным телевизором, он уповал на то, что завтра, если даже не превратится сразу же в худого Мирика, то будет все же весить на несколько граммов меньше. На следующее утро он принципиально не становился на весы, обещая себе

сделать это, например, после понедельника на следующей неделе или перед выходными, а лучше как-нибудь в четверг.

Миргулы вздохнул. Живот его отозвался громким урчанием. И так резко, что заставил своего хозяина вздрогнуть и взглянуть на часы. В переживаниях по поводу развода единственной дочери своего начальника, перебиваемых навязчивыми мыслями о вкусной еде, рабочий день Миргулы нехотя все же дополз до финишной. Лилечки уже давно не было, она ушла сразу после обеда. Адиль – ровно в пять. Часы Миргулы показывали святое время долгожданного и заслуженного ужина.

С одной стороны, Миргулы очень хотелось побыстрее добраться до дома и заполнить остаток вечера привычным ритуалом поглощения еды и возлежания перед телевизором. С другой стороны, он дал себе слово дожидаться Аслана и выразить ему свои соболезнования. Миргулы поерзал на стуле и, чтобы отвлечься от раздражаемых его желаний, кряхтя встал и прошелся по комнате, задевая столы.

Заранее подготовленный текст он уже выучил. И успел потренироваться в туалете перед зеркалом, придав лицу скорбное выражение и сделав трагические, полные сочувствия глаза. Только Аслан Каграманлы все не шел и не шел.

Наконец-то, из пустого коридора до Миргулы донеслись чьи-то гулкие шаги. Он быстро сел за свой рабочий стол, включил настольную лампу и склонил голову над телефоном, будто что-то там вычитывая.

Дверь открылась. Миргулы поднял голову и увидел Аслана Каграманлы. Выглядел начальник неважно. Миргулы невольно приподнялся.

– Добрый вечер, Аслан.

– Добрый ..., Мирик. Все еще работаешь?

– Да вот, работаю... – растерялся Миргулы, но, вспомнив про отработанный текст, тут же придал лицу трагическое выражение, сделал сочувственные глаза и торжественно продолжил: – В эти трудные для всех нас дни мы должны быть рядом, плечом к плечу. Ты не один, Аслан. Я с тобой, я рядом.

Аслан с интересом выслушал Миргулы. Оглядел его и с нескрываемым любопытством спросил:

– А что случилось-то, Мирик?

Миргулы снова растерялся. Сначала мысленно воздал должное стойкости и непоколебимости Аслана. Затем мысленно себя одернул: «В роль вошел опять. Типа, я настоящий мужчина. Типа, я вот – мужчина. А ты вот – тряпка. У меня такой позор, а я и в ус не дую. А ты тут опять ноешь. У меня фирма и все, как по маслу. А ты так и ходишь у меня на побегушках, строишь из себя золотую рыбку на посылках. А то, что ты мне в институте давал списывать, у тебя по всем предметам было отлично, а у меня хвосты, которые ты мне помогал закрывать, давно уже никого не интересуют. А то, что...»

– А теперь ведь, каждый день ведь... сложная жизнь стала..., как экзамен, – нашелся Миргулы, испугавшись сразу что-то сказать на щепетильную тему или, не дай бог, сболтнуть вслух то, о чем думал.

Аслан усмехнулся, одобрительно качнул головой. Прощел в свой кабинет и жестом позвал Миргулы.

– Вот все бы так, – сказал Аслан Каграманлы, садясь за свой стол. – Времена ведь действительно сложные. Трудно. Причем везде. Причем у всех. Причем во всем. М-да-с.

– Только не у нас, – вставил Миргулы, подумал и добавил на всякий случай. – Ломать – не строить.

Правда, тут же пожалел об этом, потому что Аслан удивленно вскинул на него глаза.

– Глупое название, – сказал вдруг Аслан, – никогда не нравилось, но тогда уговорили, сказали в ногу со временем, а время, сам знаешь, какое было, а сейчас...

– Сейчас аббревиатуры в моде, – нашелся Миргулы, – коротко и непонятно, вот например...

– Не надо... – махнул рукой Аслан, – не до этого...

Миргулы набрал в легкие побольше воздуха, чтобы на одном дыхании произнести отрепетированный в туалете текст, но не успел.

– Во всем есть доля истины, – сказал Аслан задумчиво, – да-да, во всем. Но что правда, то правда: все не так уж и плачевно у нас. Трудности трудностями, но ты все же иди домой. Уже поздно. Да и я тоже тут недолго буду. День сегодня сложный получился...

Аслан вздохнул. Миргулы, не мешкая более ни секунды, открыл рот и одним махом выпустил из себя все заготовленные с самого утра фразы. Начал он с того, что выражает свои самые глубокие соболезнования по поводу сломанной судьбы единственной дочери своего не просто начальника и не просто сокурсника, а друга. Не мешкая, тут же упрекнул Аслана за то, что узнает о таком горе не от своего друга, а от сослуживцев. Заодно прозрачно намекнул на болтливость Адилья и Эльмана. Потом выразил твердую уверенность в том, что там наверху (здесь Миргулы странно объяснил, что имеет в виду под словом «наверху» совсем не то, что обычно имеют в виду), несмотря на их совместное атеистическое прошлое, точно кто-то есть. И как бы по-разному его ни называли, Всевышний, точно и совсем не-Тимошка и хоть немножко, да видит. Здесь Миргулы опять сбился, вспомнив, что отца Аслана зовут Теймуром, а значит, сокращенно, скорее всего, Тимка, а это очень похоже на Тимошку. Мысленно сказал себе: «Вай-вай-вай». Быстро взял себя в руки и затараторил дальше, что Всевышний все видит и выход соответственно тоже найдет. Затем минут двадцать Миргулы, стараясь больше не сбиваться, бойко склонял, в соответствии с возможностями своего словарного запаса и фантазии, уже однозначно бывшего супруга дочери Аслана, а заодно и всех его родственников до седьмого колена. Устав, вытер вспотевший лоб и перешел к плану мести, который, по его мнению, должен незамедлительно осуществить не кто-нибудь, а именно сам Аслан, отец единственной дочери, которой попался такой непутевый муж, а ему, в смысле Аслану, значит зять, теперь однозначно бывший.

Аслан не прерывал своего красноречивого подчиненного, сокурсника и почти друга в одном лице. При всех имеющихся у него недостатках, свойственных любому человеку, а начальству в особенности, отличался он одним редким даром: умением слушать. Но чем больше вызванный бог весть чем интерес просыпался в его глазах, тем большей уверенностью наполнялся смаковавший детали живописного плана мести не на шутку разошедшийся Миргулы.

Когда поток красноречия Миргулы наконец-то иссяк, не вытирая лоб, он приступил к заключительному акту своей тирады.

– А вообще-то, Аслан, все это ерунда. Лучше всего совсем другое. Тут нужно кардинально подходить. Вот окажись я на твоём месте, вот лично я, вот случись со мной вот такое...

Тут Миргулы непроизвольно потянулся к своим красным от напряжения ушам, чтобы отогнать от себя несчастье, которое наконец-то постигло его однокурсника, шефа и лучшего друга, но огромным усилием воли заставил себя вовремя остановиться. Обрадоваться собственному такту и дипломатии он не успел. Именно в этот момент ему вдруг вспомнился Адиль, который всю дергал себя за уши, потом Эльман, который нагло шептал этому самому Адилью что-то на ушко. Миргулы разозлился и, чтобы избавиться от обоих бездельников, вслух сказал совсем не то, что собирался:

– Убил бы!

В кабинете Аслана Каграманлы зависла та самая неуклюжая, тяжелая, неприятная и, как всегда, полная неожиданными последствиями пауза.

Миргулы тяжело дышал, не веря и сам тому, что сказал. Аслан молчал, словно ждал еще чего-то. И тут Миргулы решил, что отступить все равно уже некуда, а еще он испугался того, что Аслан сейчас возьмет и высмеет его: опять продемонстрирует, кто из них настоящий мужчина. И поэтому, не затягивая сильно эту самую паузу, все так же тяжело дыша, повторил:

– Вот непременно убил бы. И не охнул бы даже. Вот этими вот руками и убил бы... Вот слово настоящего мужчины...

Аслан Каграманлы продолжал молча смотреть, но уже не на Миргулы, а куда-то в сторону. В этот самый момент что-то приятно екнуло у Миргулы где-то между горлом и там, откуда начинался уже настоятельно требующий к себе внимания пустой желудок. А все потому, что всегда смотревший всем прямо в глаза Аслан, впервые за то время, что Миргулы знал своего однокурсника, отвел глаза в сторону.

У Миргулы теперь что-то очень приятно хрустнуло. Он даже и не понял, где именно. Лишь легко задышал от незнакомого ему пока чувства. В некотором смущении поспешно распрощался и в непонятном, но ощутимо приподнятом настроении, бодро направился домой, предвкушая обильный ужин.

У Миргулы появился вкус к жизни. Он купил себе новый костюм. Точно такой же, как у Аслана Каграманлы. Заказал у оптика очки, в точно такой же оправе, как у Аслана Каграманлы. И, конечно же, такие же, как у Аслана Каграманлы, модные ботинки. Теперь он каждое утро с особенным удовольствием собирался на работу. Он даже начал завтракать, тем самым окончательно и бесповоротно бросив свою тайную диету, перестал наедаться на ночь, слегка похудел и даже чуть-чуть помолодел.

По утрам, восседая во главе стола, он отечески оглядывал свое беспокойное семейство в лице хлопотливой жены и трех смешливых дочерей. Мысленно дергал себя за уши, припоминая себе развод дочери Аслана. Несмотря на свое атеистическое прошлое и все еще терзавшие его сомнения по поводу того, что же с ним именно случится, если он, не дай бог, все же умрет, насколько мог искренне возносил хвалу Всевышнему за свою спокойную жизнь. Вслух наказывал всем домашним вести себя хорошо весь день. В приподнятом настроении уходил затем на работу.

Каждый день, дождавшись прихода Аслана Каграманлы, Миргулы молча заходил за ним следом в кабинет, используя любой возможный для этого предлог. С трагическим выражением лица и глазами, полными скорби, заводил очередную сочувственно-поддерживающую речь по поводу сломанной судьбы его единственной дочери и его непутевого бывшего зятя, которого лучше всего просто убить.

А поводов для походов в кабинет Аслана Каграманлы, на тайную радость Миргулы, в эти дни лишь прибавилось. Фирму трясло ревизиями и визитами налоговой инспекции. Миргулы наверняка знал лишь то, что в любом случае однокурсник скоро и достойно предоставит ему пенсию, поэтому все разворачивающиеся события его лишь откровенно удовлетворяли. «Говорят ведь, беда не приходит одна», – начинал он теперь любой разговор с сослуживцами, долго сокрушался, вздыхал, всех успокаивал, закатывал глаза к потолку, обещая, что там наверху, имея в виду теперь уже не абстрактные высшие силы, а конкретно сидевшую на стульях и в креслах власть, тоже не дураки, разберутся, что к чему, и в приподнятом настроении отправлялся домой.

Наверное, так могло бы продолжаться до самой пенсии Миргулы или до неожиданного закрытия или переименования фирмы «Ломать – не строить», что рано или поздно все равно бы произошло, потому что гарантия «на строить» во все времена была всегда такой же, как и гарантия «на ломать», а именно – никакой. Могло бы, если бы не, как всегда, то самое обстоятельство, которое вечно ведь к тому же упрямо и неожиданно врывается в столь замечательно предсказуемый ход событий.

В то самое утро ничто не предвещало резкого поворота в привычном и будничном. Миргулы опять проснулся в отличном настроении. Умылся, побрился, надел костюм, сел во главе стола, привычно-отечески оглядел свою женскую половину, позавтракал, наказал всем хорошо вести себя весь день, чмокнул всех по очереди в макушку и отправился на работу.

Перекинувшись ничего не значащими словами с сослуживцами, он дождался прихода Аслана Каграманлы и юркнул за ним следом в его кабинет.

Увлеченный обычной утренней процедурой выражения своих искренних чувств и конкретных планов мести бывшему зятю своего начальства, Миргулы как-то не сразу обратил внимания на то, что Аслан его сегодня как-то рассеянно слушает.

Обычно внимательно молчавший и известный своей тактичностью Каграманлы вообще странно вел себя. Сначала он смотрел куда-то поверх головы Миргулы несколько ословелыми глазами. Затем перевел глаза на Миргулы и стал его откровенно рассматривать. Взгляд его был тяжелым и мутным и постепенно наполнился чем-то таким, от чего Миргулы вдруг стало откровенно страшно.

Не говоря ни слова, он попятился к двери, пробормотал что-то невнятное себе под нос и под тем же мутным взглядом Аслана Каграманлы вышел из его кабинета.

Выйдя, он аккуратно закрыл за собой дверь. Сел за стол, мысленно обругал про себя неблагодарную свинью и незаконнорожденного сына свиньи – Аслана Каграманлы, его дрянь-дочь, а потом как следует эту особенную сволочь – его зятя.

– Уже успели поздравить Аслана Теймуровича, Миргулы Мамедович?

Голос Лилечки вполне мог бы прозвучать как гром среди ясного неба, но небо над головой Миргулы уже сгустило краски.

Поглощенный собственными переживаниями он совершенно забыл не только о существовании Лилечки и остальных сослуживцев, а вообще о том, где находится. Поэтому вздрогнул дважды. Один раз от голоса Лилечки, а во второй раз от смысла дошедших до него слов.

– А как же, Лилечка, – тут же встрял несносный Адиль, не дав Миргулы опомниться, – и ты еще об этом спрашиваешь у Миргулы муаллима?

– Вот всегда вы все успеваете, дорогой Миргулы муаллим, браво, – бросила выходящая из комнаты Зара, послала всем воздушный поцелуй и исчезла за дверью.

– С чем поздравить? – наконец-то выдавил из себя Миргулы.

– Вы что, правда, не в курсе, Миргулы Мамедович? Не верю!

Когда Лилечка удивлялась, ее нарисованные брови взлетали еще выше определенной им природой места. Миргулы хмуро взглянул на две поперечные полоски на лбу Лилечки и раздраженно выкрикнул:

– Не в курсе чего?!

В комнате зависла тишина. Хорошенькая Лилечка, кажется, обиделась, потому что нарисованные бровки упали вниз, окончательно испортив ее хорошенькое личико.

– Так дочка Аслан муаллима, вроде, замуж выходит... опять, – осторожно сказал Адиль.

Миргулы от неожиданной новости сначала высоко поднял густые брови, потом поморгал глазами, шумно выпустил воздух из ноздрей и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Что-то еще выдавить из себя он не смог.

Ночью у Миргулы поднялась температура. Наутро, проклиная про себя Аслана и всю его семью, как обычно, до седьмого колена, Миргулы позвонил на работу и слабым голосом сказал Лилечке, что заболел и ложится в больницу на обследование. Лилечка сказала что-то одобрительно-успокоительное, обещала все передать и завила, что отсутствие Миргулы никак не отразится на качестве воздвигаемых успешно в короткие сроки жилых объектов.

– Выздоровливайте, Миргулы Мамедович, – сказала Лилечка и не без ехидства добавила. – Ломать – не строить.

– Лучше строить, – слабо, но искренне отозвался Миргулы.

Еще до того, как Миргулы вышел из больницы, дочь Аслана Каграманлы официально развелась со своим бывшим мужем и снова вышла замуж. В семье Каграманлы ожидалось пополнение. Только Миргулы все это уже совсем не интересовало и не потому, что все новости и сплетни он всегда узнавал последним. Просто вкус к жизни потерял вдруг Миргулы. Совсем затосковал. На глаза Аслану теперь вовсе старался особенно не попадаться, в кабинет его тоже больше не заходил: ни под тем предлогом, чтобы как-то загладить получившееся недоразумение, ни с тем, чтобы поздравить. За уши себя тоже больше не дергал, даже мысленно. Потом и вовсе уволился. Благо возраст предпенсионный был.

Что обо всем этом подумал Аслан Каграманлы, который мало говорил, но много и внимательно слушал, никто так и не узнал. Все потому, что Аслан Каграманлы просто взял в один прекрасный день и умер. То ли оттого, что скрывалось за его внимательным молчанием, то ли еще от чего-то. Бог знает от чего. Эльман, правда, попробовал лишь раз и по этому поводу поумничать, но на него тут же все замахали руками и зашикали. Все правильно: о покойном, а тем более о покойном начальнике, умничать с его бывшим водителем, и правда, не стоит.

Миргулы и на этот раз узнал все самым последним. На похороны Аслана Каграманлы, правда, он все же успел. И костюм себе новый купить успел: ну, не в старом же лучшего друга хоронить. В этом же новом костюме он потом и на все поминальные дни ходил. А по траурным четвергам так вообще раньше всех приходил и позже всех уходил, каждый раз с трагическим выражением лица принося свои самые искренние соболезнования безутешной вдове и единственной дочери покойного. И все сокрушался, что же теперь с фирмой-то будет, да куда теперь все его бывшие сослуживцы денутся, ну, и так далее, ну, и тому подобное, все в том же привычном духе.

Снова вернулся у Миргулы вкус к жизни. Правда, вернулся еще и с оттенком незнакомой ему ранее внутренней удовлетворенности. А все потому, что примирился Миргулы наконец-то сам с собой. И рассуждал он теперь иначе.

Лежал себе, например, на диване и думал, что, если и не реализовался он, ну был все время под началом однокурсника, только вот он Миргулы теперь здесь на диване лежит, а однокурсник его где лежит? Правильно. Однокурсник там, откуда не возвращаются. А нелюбовь и та, что до гроба, тоже когда-нибудь утрачивает свою первоначальную свежесть. Да и возраст у Миргулы уже не тот, а с возрастом что самое главное? Правильно. Самое главное – это пенсия. А пенсия у Миргулы хоть и маленькая, но твердая, опять же спасибо в свое время стараниям ныне покойного начальника, однокурсника и почти друга, но теперь что об этом особенно вспоминать. Теперь можно в хорошем настроении целыми днями лежать на диване и думать о смысле жизни, а можно и не думать вовсе, и не лежать даже, а просто радоваться жизни, ну, или тому, чему пока еще можно радоваться.

И стал Миргулы так и жить себе дальше. И жил бы припеваючи, ну, почти припеваючи, регулярно отгоняя от себя мысли о том, что именно будет с ним, если и он, не дай бог, возьмет и умрет. И все было бы хорошо, ну, почти хорошо, да вот только, как прошло сорок дней со дня смерти Аслана Каграманлы, стал он по ночам к Миргулы приходить. Придет так себе потихонечку, сядет себе неслышно, да все норовит у самого изголовья, и смотрит на Миргулы таким тяжелым, мутным взглядом, как тогда, во время их последнего разговора.

И в этот самый момент жалеет Миргулы во сне очень сильно о том, чему наяву пока еще радуется, и желает себе очень сильно того, что наяву продолжает держать его в страхе.

А покойничек сидит себе и молчит. Молчит и сидит. И не уходит ведь, пока Миргулы не начнет в ужасе кричать и плакать.

Но только, что именно кричит он во сне своему однокурснику, бывшему начальнику и почти другу, о чем жалеет и чего себе самому желает, как не силится просыпающийся в холодном поту Миргулы, вспомнить никак не может.

Ураган

Сорванные в гневе листья валялись мертвыми на земле. Ураган все еще бушевал. В унисон с его порывами, на короткое мгновение утихающими и тут же с яростной силой нарастающими, на грязном желто-зеленом лиственном тряпье трясся мокрый деревянный стол. Общий для всех жильцов дома в таком же общем для всех саду он обиженно кряхтел, недоумевая тому, как быстро и дружно все его бросили. Демонстрируя небу свои мозоли и трещины, он стонал и скрипел, грозя рухнуть под обрушившимся на него неистовым ливнем. Впопыхах оставленные на нем всевозможные емкости бессильно перекатывались, падали к его кривым ногам, испуганными ночными бабочками отлетали прочь. Только несколько граненых стаканов держались из последних сил на его мозолистой поверхности. Почти доверху набравшаяся в них бесплатная дождевая вода, наплевав на их стеклянную храбрость, равнодушно колыхалась, как на поминальном столе.

В саду не было ни одного достойного уличного фонаря, который всю бы сейчас скрипел и раскачивался, высвечивая все, что натворила бушующая природа. Лишь любопытная девчушка, спрятавшись за окном квартиры второго этажа бесстрастного кирпичного здания, любопытно водила по саду детским фонариком.

– Смотрите все, какой я дряхлый! – слышалось ей.

– Бросили меня все!

– Между прочим, это ты нас бросил!

– Оставьте же меня наконец все в покое!

– Бездельник!

– Вертушка!

– Дармоеды!

– Как же вы все мне надоели!

Ей казалось, что так кричит стол. Потом, что валяющиеся рядом с ним стулья. Потом, что перекатывающиеся по нему пустые пластмассовые стаканы и дрожащие от собственной храбрости их стеклянные сородичи. Потом, что так скрипит раскидистое дерево в саду.

– Нет, я этого больше не вынесу!

Последний выкрик был громче остальных.

Девчушка прижалась носом к стеклу и выпучила глаза, стараясь угадать, кто именно возмутился на этот раз.

Отстранилась, педантично посветила фонариком, пройдясь в который раз по столу, задержавшись у стаканов, пытаясь высмотреть что-то под раскидистым деревом. Дернула плечиком, качнула себе головой. Прислушалась. Уловила чей-то тихий плач. Нахмурила бровки, покачала головой.

«Нет, это не стол и не стулья. Это тетя Сева. Она всегда так. Сначала покричит, а потом поплачет...».

Тетя Сева живет за стенкой. За той самой, где стоит ее кровать. Возмущается она в основном по вечерам, плачет тоже. Наверное, тетя Сева не знает, что ее хо-

рошо слышно, иначе на следующий день не стала бы как ни в чем не бывало махать рукой, улыбаться, нарочито громко и весело приветствовать соседей, смеяться, открыв ярко накрашенные губы, заигрывая с продавцом углового магазина. Тетя Сева появляется за общим столом редко. Чаще всего на утро того дня, вечером которого она не очень долго возмущалась и не так громко плакала.

«У Севы тихо, завтра появится в новом платье».

Так бормочут на лестничной площадке. Девчушка тоже слышит эти бормотания. Ей, правда, невдомек, как совместить тишину с новым платьем. Да и не особенно интересно. Лучше узнать, как зовут длинноногого художавого дядю с портфелем, как у дяди слесаря, который иногда приходит к тете Севе. Вопросов много. Иногда девчушка задает их вслух.

«Много будешь знать, скоро состаришься».

Это говорит мама. Она всегда пахнет чабрецом и всегда так говорит, когда ничего не хочет сказать. Девчушка шумно вздыхает. Мама прячет улыбку и делает серьезное лицо, чтобы не выдать того, что прекрасно знает: безответные вопросы далеко не лучшее средство от старости.

От невольного движения детской руки фонарик ходит ходуном. Девчушка радуется нечаянно получившийся игре полутеней. Пробует вновь повторить, резко включая и выключая фонарик. На одно короткое мгновение в полутьме сада ее фонарик успевает высветить сгорбленную фигурку. Она вновь прижимается к холодному стеклу, сплющивая нос, пытаясь получше рассмотреть. Ей очень хочется, чтобы это был дяденька с портфелем, который ходит к тете Севе, потому что тогда она быстро выбежит в сад и сама спросит дяденьку, как его зовут и что у него в портфеле. Но в шатающейся фигурке девчушка узнает вовсе не дяденьку тети Севы, а соседа с первого этажа. Узнав, удовлетворительно кивает себе, осторожно светит ему под ноги, стараясь угадать, в какую сторону подбросит его ветер на этот раз.

«Это дядя Карим. Он часто ходит в поход...».

Куда именно «ходит» дядя Карим, знают взрослые.

«Опять в поход пошел», «опять к этой, своей пошел», «вот, бедолага», как на переключке, повторяют друг другу словоохотливые на всех этажах. На лестничной площадке дядю Карима называют «майгюли» и недоумевают, откуда у него берется смелость для всех его «походов» и что в нем нашла «эта его самая».

О том, что дядя Карим опять «ушел в поход», знает весь дом. Тетя Гюльназ выходит в сад, садится на самый стойкий стул и за общим столом сначала голосит, потом рассказывает, что Карим опять ей кровь пьет. Раньше девчушка верила, что дядя Карим и правда пьет кровь тети Гюльназ. Из-за этого играть с Самирой, с самой младшей из четырех дочек дяди Карима и тети Гюльназ, она приходила в квартиру на первом этаже только, когда дяди Карима не было дома. Потом она как-то спросила Самире, правда ли, что ее папа пьет кровь. Самира была на целых два года старше, поэтому сначала стукнула ее, потом обозвала тупой малявкой, а под конец своей воспитательной работы высунула язык и сказала, что никогда в жизни больше с ней не будет играть.

С Самирой они помирились. Лучше все же играть с Самирой, чем знать все то, от чего только быстрее старишься. А потом она сама слышала, как тетя Нара говорила маме, что у тети Гюльназ такая же болезнь, как у мамы, когда мало крови. Дядя Карим точно мамину кровь не пьет. На всякий случай девчушка уточняет это у бабушки. Но бабушка озадачивает ее еще больше, сказав, что мамину кровь «пьют все, кому не лень». Только бабушке девчушка не верит, потому что мама всегда говорит, что бабушка, если что скажет, то никогда не знаешь, плакать или смеяться. А вот тетя Нара работает в поликлинике, куда ходят все соседи. Поэтому тетя Нара знает все про всех и всех видит насквозь. Так говорит мама, так бормочут на лестничной площадке и перешептываются за общим столом.

Когда дядя Карим возвращается, тетя Гюльназ пользуется своей властью вдоволь и долго не пускает его домой. Дядя Карим не возмущается, он вообще ничего не говорит. Он просто виновато ходит под окнами, сидит, курит и ждет. Тетя Гюльназ опять голосит. Иногда слышны голоса девочек, просящих о чем-то то ли мать, то ли отца. Потом все смолкает, пока тишину не будоражит очередной всплеск эмоций обиженной женщины, и весь дом снова слышит, что глава семейства вернулся, чтобы опять пить ей кровь.

Девчушка давно все поняла и уже знает, что «майгиули»-дядя Карим часто «ходит в поход» и туда, конечно же, где много майских цветочков, потому что он геолог. Правда, она не знает, почему к голосистой и вечно растрепанной тете Гюльназ и четверем дочкам он всегда возвращается без единого цветочка.

«С цветочком быстрее бы пустили домой...?»

Этот свой вопрос девчушка никому не задает.

На крики тети Гюльназ всегда выходит дядя Салам, самый старший в доме.

Дядя Салам живет на последнем этаже. У него большая голова, торчащие пучками в разные стороны белые волосы и красное лицо. Девчушке он очень нравится, потому что похож на Деда Мороза, но самое главное, у него все время находится для нее кусочек коричневого вареного сахара.

Дядю Салама все в доме слушают. Конечно же, это все из-за сахара, который он, наверное, всем раздает. Девчушка верит в это и в то, что свой фирменный сахар дядя Салам варит по ночам, потому что по утрам ей слышится шепот взрослых на лестничной площадке.

«У Салама опять всю ночь свет горел».

«Опять работал Салам-киши».

«Хоть и пенсионер, а все работает».

«Вот с кого надо брать пример».

Как бы громко ни кричала тетя Гюльназ, как только появляется дядя Салам, она сразу прячется в дом. Вслед за этим чуть приглушенно щелкает дешевая дверная задворка. Дядю Карима впускают обратно. Во всем доме наступает относительная тишина, которая обычно держится до следующего похода дяди Карима.

Девчушка все еще светит фонариком, освещая соседу дорогу. В такой ливень, думает она, ждать дяде Кариму, наверное, ужасно мокро. Да и дяди Салама тоже нигде не видать. Дядя Карим как-то странно идет, шатается, потом вообще сжимается в комочек, ложится рядом со стульями и не двигается. А вдруг дядя Карим сам цветочек, да еще и майский, ведь уже осень, тут любой «майгиули» может заболеть, да еще в такой ливень.

«А вдруг дядя Карим умер...?»

Только девчушка не боится мертвецов. Когда хоронили дядя Леву с третьего этажа, мама не разрешила смотреть с балкона, как несут дядю Леву в гробу на колышающихся цветах, и ушла на работу. А бабушка сказала, если хочешь, то смотри, потому что бояться не мертвецов надо, а живых. Вот девчушка тогда захотела и посмотрела. Только ни мама, ни бабушка не знают, что дядя Лева в гробу иногда ей все еще снится. Правда, без цветов.

– Ты что тут делаешь? Так вот ты где! А мы ее ищем повсюду, а ну-ка быстро...

Девчушка вздрагивает от окрика над самым ухом. Фонарик падает рядом с табуреткой, на которую она взгромоздилась. Ее подхватывают сильные руки. Она обнимает крепкую шею и торопится рассказать про несчастный мокрый стол, храбрые стаканы, про брошенные стулья, грустную по вечерам тетю Севу и бедного «майгиули»-дядю Карима, который, кажется, только что умер от одиночества.

Но ее быстро передают в пахнущие чабрецом объятия, через мгновение она оказывается в ванне, где крепко зажмуривает глаза и закрывает рот обеими руками, заранее зная, что в них сейчас нахально начнет забиваться пена. Все пропадает.

Из окутавшей ее пушистой белесой завесы девчужку возвращает большое полотно, в которое ее заворачивают, сушат волосы, надевают пижаму, дают теплое молоко, поспешно читают сказку, целуют в лоб, выключают свет...

Утром вышло солнце. Высушило сад. Со стола убрали, протерли чистой тряпкой его мозоли, расставили стулья, которые, будто извиняясь, вновь обняли деревянного старика, все еще обиженно, но важно удерживающего на себе самовар.

Все снова сели в общем саду за общий стол, смеясь и переговариваясь.

И если бы не разговоры взрослых про ночной ураган, увидев весело помахавшую всем спешащую куда-то тетю Севу, глядя на стеснительно улыбающегося за столом дядю Карима, сидящую рядом с ним гордую тетю Гюльназ и доброе, красное лицо дяди Салама во главе стола, девчужка решила бы, что ей опять все приснилось.

Наилучшие времена

1

Пробежав глазами утреннее сообщение официального источника, сомневаться в достоверности которого было бы кощунством, безоговорочно же поверить не хватило духа, он сделал то, чего давно уже не делал: задумался. Нет, не активно, конечно, не дай бог. Так он уже давно не умел. Если его сейчас спросят в лоб: «Якоб Рёшти, ты когда в последний раз обстоятельно и по собственной инициативе шевелил мозгами?» – точно не вспомнит.

Не вспомнит, потому что однажды решил, что любые умственные действия весьма губительны для его печени.

«Кому от этого будет легче, если я сам себя своими же мыслями угроблю? – мысленно вопрошал он себя. – Вот именно, что никому. Только весь мой тщательно разработанный здоровый образ жизни пойдет прямехонько коту под хвост. И самое главное ничегошеньки ведь вокруг не изменится: ни для тех, у кого все и так хорошо, ни для тех, у кого все и так плохо».

Анатомическими аномалиями господин Рёшти не страдал, печень у него соответственно была одна, гробить ее даже во имя великих идей, которые нечаянно все же иногда пытались залезть в его башку, естественно, категорически отказывался.

Размышлял он поэтому только так, как сам себе это позволял: не слишком глупо, не очень объективно и не чересчур эмоционально. При этом ношу заключительного мыслительного акта (во имя сохранности печени) доверительно передавал в руки официального ежеминутного выпуска последних новостей со скромным названием «Минутка соратника» или просто «Минутка», так как вторая часть названия всеобщего вестника имела тенденцию к гибкости.

Менялась эта самая вторая часть довольно часто. Например, всего пару лет назад всеобщий осведомитель назывался не «Минутка соратника», а «Минутка свершителя». Однажды в течение пяти месяцев продержался как «Минутка соглашателя» и почти целый год гордо нес имя «Минутка сопляка».

Там, где родился и вырос Якоб Рёшти, соратников, свершителей, сопляков и соглашателей среди обычных жителей было хоть пруд пруди. По непонятным для непросвещенных логике и причинам периодически из них выявлялись «лучшие», которые отчаянно суетились затем, чтобы стать «наилучшими». При различных непредвиденных, опять же неподдающихся логике обстоятельствах «наилучшие» выбивались затем в «самые наилучшие». «Минутка», чутко реагируя на любые происходящие изменения, соответственно в унисон освежала вторую часть своего названия.

Якоб, хоть соратником себя не считал, симпатизировал скорее деятельным соратникам и в этом был свой резон: чаще и дольше других именно им удавалось удержаться в «самых наилучших». К тому же непредсказуемым свершителям он не доверял, бесхребетных соглашателей не уважал, а безальтернативных сопляков так просто игнорировал. Но, честно говоря, глубинные причины симпатий и антипатий Якоба не были известны и ему самому. Метаморфозы с названием всеобщего вестника в целом мало его интересовали. Замечая их, он лишь говорил себе, зевая: «Ну-ну, пусть каждый занимается тем, что умеет делать профессионально».

Подобная снисходительность во всем остальном весьма принципиального Якоба объяснялась тем, что при любых обстоятельствах за «Минуткой» неизменно сохранялся статус «единственно-наивернейшего» информационного источника. Якоб же, несмотря на то, что мыслить не любил, мнение свое твердое на каждый случай имел, с пеной у рта отстаивал, руководствуясь аргументами «Минутки», с которой ежеминутно сверялся.

Якоб Рёшти твердо верил в то, что самое важное в любой новости не ее содержание, а собственный настрой души, от которого одна и та же новость может восприниматься кардинально противоположным образом. И тут уж для Рёшти имело значение все: от вкуса и температуры его утреннего напитка до великолепнейшей трапезы с наилюбезнейшими собеседниками, желательна в уютном уголке не очень шумного ресторана, к тому же непропитанного запахом кухни с давно не менявшимся подсолнечным маслом.

Умиротворенный желудок вообще страшная штука, способный с равнодушной легкостью перевернуть все с ног на голову. В случае Якоба проделать это на такой скорости, что стабильно ленивый мозг его вообще не успевал что-либо выстроить в более-менее приемлемую причинно-следственную связь. Это за собой Рёшти хорошо знал и очень уважал.

«А как иначе? Если сам себя со своими слабостями и нежной печенью не будешь уважать, чего ожидать от других? – говорил он себе и добавлял свое-любимое. – Сложно, очень сложно устроен мир и тварь человеческая в нем».

Но сегодня утренняя новость заставила Якоба не только задуматься и вздохнуть про себя про «мир» и «тварь», но еще раздраженно проворчать:

– Новость-то новости рознь...

Он был недоволен. Вместо того, чтобы как обычно помогать ему в непростом мыслительном процессе, наивернейший новостной источник запутал его окончательно. В прочитанной новости сбивало с толку все: повторяющееся слово, пугающие воинственно-предупредительные знаки и непривычный слог.

«Чепуха, – успокоил он себя, продолжив нехотя размышлять, – нужны предпосылки, чтобы начался коллективный...»

Якоб оборвал себя, избегая даже мысленно произнести повторяющееся слово. Но и без него, и привычно поверхностно, и стабильно тенденциозно, и полностью отдаваясь авторитету «Минутки», вникнуть в прочитанное не удавалось. Вопреки своему обыкновению не читать и не смотреть никаких сообщений на голодный желудок, он еще и это преступление против себя совершил. Его неглубокие размышления поэтому все больше скакали, неумело спотыкались, резко обрывались, чрезмерно настаивали и перешли под конец в тихую панику.

«...нужно ведь всем разом, одновременно сойти... нет, так не бывает..., а может, так и начинается этот...», – Якоб недовольно засопел и тоскливо обвел глазами свою аккуратную гостиную. Полюбовался на новый большой стол, покосился на угловой диван, который раздражал его в последнее время своим цветом, перевел взгляд на корешки выставленных антикварных книг, отошел на сторону кухни, провел пальцем по безупречной поверхности индукционной плиты, нечаянно включил, быстро выключил.

«Нет, – продолжил он про себя, – лучше не произносить ни вслух, ни про себя «это», и вообще, не посмеет «он» вот так вот сразу взять и начаться...»

Якоб потянулся к кофейной чашке. Пока элегантный автомат готовил его утренний напиток из экологически чистых капсул, как утверждала выпущенная наблюдательной миссией наилучших соратников упаковка, вновь расстроился. Но вовсе не оттого, что его элегантный прибор, с удовольствием проглотив экологически чистые капсулы, стал тут же энергично использовать совсем неэкологическое электричество, как яростно и непривычно дружно давно уже возмущаются все лучшие и наилучшие от свершителей до сопляков. Между прочим, даже «Минутке» пришлось с этой критикой согласиться, уточнив, правда, что подобные выпады, как и любые другие палки в колеса любой миссии соратников не будут приветствоваться и так, что мало не покажется.

Но экологически-неэкологическое несоответствие ни в целом, ни тем более сейчас, не занимало мысли Якоба.

Он продолжал злиться на официальный новостной ресурс, поставивший его в неловкое положение тем, что не удосужился заранее детально проинструктировать, как не чересчур эмоционально ему читать сообщение, в котором после каждого предложения торчат восклицательные знаки.

Отбросив все, что вносило сумятицу в нестройные размышления, Якоб решил еще раз прочитать новость. На этот раз опуская не только повторяющееся слово, но все без исключения знаки препинания, уточняющие излишества, утомительные причастные и деепричастные обороты, загружающие смысл фразы. Сохранил он лишь привычную слуху и любимую всеми без исключения приставку наи-.

Прокашлявшись, начал читать:

– На нашу наи... попытались... В нашу наи... хотели... В наши наи... сумели... На наши наи... запустили... С наших наи... Самым наи... Никак не наи... Нечего с наи... Ничего без наи... Все наи... Да здравствует наи... И всё!

Последний восклицательный знак Якоб сохранил. Он был на месте и тут ему очень даже нравился. Правда, понятнее и легче от прочитанного таким образом не стало.

Якоба одолели вопросы, к тому же проклятые, которые стали толкать его в разных направлениях. Все эти «с какой стати», «кто позволил» и «что теперь будет» заставляли его попеременно чесать в затылке, гладить живот, шумно вздыхать, с трудом удерживаясь от нестерпимого желания снова лечь спать, даже на диван, который нужно было в ближайшее время поменять (это он успел сформулировать), так как своим цветом он больше не вписывался в общую атмосферу салона и не гармонировал с его любимым гвианским каштаном. Другие же, вроде «как быть», «быть ли дальше» и тогда уже «с кем быть» (опять нужно принимать решение) гнали его вон из дома.

Якоб попробовал себя подбодрить.

Отпил от напитка, который наполовину все же был экологически чистым, мысленно добавил к своему-любимому про «мир» и «тварь» то, что показалось на данный момент истиной: «А жизнь-то самой твари все равно сложнее и самым паршивым образом устроена». Устало потер шею тыльной стороной ладони. Он всегда так делал, прежде чем принять твердое решение.

Полуодетый Якоб, который все сильнее ощущал себя полураздетым, некоторое время повозился в поисках недостающей одежды. Задумчиво и без аппетита позавтракал, убеждая себя в том, что привычкам нельзя изменять даже при наступлении конца света, который, кажется, совсем не за горами. Вновь запаниковал.

«А может весь этот... так и происходит? А может, ... вот так вот влияет? А вдруг я уже устроил..., а сам пока не знаю? Точно, что-то я слишком много стал размышлять...»

Напомнив себе, что лучше все делать «без драматизма», вышел наконец-то из дома и степенно пошел по улице, повторяя про себя шепотом железный аргумент «Минутки»: «Ничего страшного не может случиться, потому что ничего страшного случиться не может».

2

Дисциплинированным Якоб Рёшти был еще со школьных лет. Например, когда в первом классе учили, как переходить дорогу по правилу «три-п», он это делал лучше всех и даже получил значок с изображением пешеходной зебры, по которой в обнимку шли две заглавные буквы «ЛП», что означало «Лучшему Пешеходу», и пряник с эмблемой дорожной полиции. Правило «три-п» гласило, что сначала нужно «посмотреть» по сторонам, потом «послушать», если невидимое глазу передвижное средство все же приближается, например, из-за поворота, и только после всех этих манипуляций безопасно начать «переходить» дорогу.

Отличная штука все эти «три-п», только Якоб с детства перебарщивал со всеми «п», особенно после того, как получил значок и пряник. Сейчас тоже все уличное движение замерло на неопределенное время, пока Якоб считал про себя все «п». Когда он начал переходить дорогу, за его спиной, слегка обдав его воздушной волной, со скрежетом умчалась первая из образовавшегося хвоста легковушка с явно потерявшим терпение водителем. В другое время Якоб наверняка остановился бы как вкопанный посередине дороги, приглашая всех остальных полюбоваться на эту безобразную выходку, но сейчас он скорым шагом перешел дорогу, поспешно вернулся за угол и, выйдя к нужному скверу, который был известен как «место сбора на случай всех случаев», недоуменно замер.

Здесь не было никого. Нет конечно, не верить своим глазам, ушам и всем остальным, в принципе не так уж и плохо работающим пока органам восприятия, было ему не впервой. И все же пустынный сквер произвел на него зловещее впечатление, почище той безысходности, которая началась сегодня утром из-за восклицательных знаков, мешавших ему наслаждаться всеобщим и лично своим благополучием с неизменно любимой приставкой.

При всей педантичности, когда это касалось выполнения умственных действий, в принятии срочных, неотложных мер или не дай бог решений, на образец для подражания Якоб вообще не претендовал. Застыв посередине сквера, он мучился теперь двумя противоположными и одинаково острыми желаниями. Одно пихало его поскорее уйти в строго обратном направлении, конечная точка которого колебалась между кроватью на втором этаже его небольшого домика и диваном, с которым нужно было что-то делать и цвет которого продолжал занимать его мысли. Другое же энергично толкало его перепроверить все площади, включая те переулки и скверы, которые облюбовали себе бесхребетные и безальтернативные. Именно в этот самый момент, когда Якоб пытался отвертеться в не сильно желавшей мыслить голове от настойчивой необходимости принять решение, раздалась сирена.

Якоб подпрыгнул от неожиданности и с облегчением, что следующее направление появилось само собой, поспешил ускоренным шагом туда, где строго в первый четверг каждого наступающего месяца собирались все жители города, чтобы послушать, как хорошо и главное чисто воет сирена. На ходу Якоб, который никогда еще так не радовался сирене, которая включалась из чисто профилактических соображений в соответствии с эксплуатационными правилами, неожиданно вспомнил, что сегодня не четверг, а вторник, причем не первый, а уже третий. Он замедлил шаг. В это же время смолкла сирена. Окончательно расстроившись от полного несоответствия происходящего с тем, к чему привык, Якоб все же заставил себя дойти до «места сбора на случай профилактического случая».

Обнаружив еще один абсолютно пустынный сквер, он некоторое время старался вообще ни о чем не думать. Это было самым легким занятием сегодняшнего утра. Правда, чем больше он старался, тем сильнее хотелось повернуть назад. Потерев тыльной стороной ладони шею, Якоб не успел принять решение. Его осенило. Он больно хлопнул себя по лбу и буркнул: «без драматизма». Поддерживая обеими руками живот, побежал мелкими шажками туда, куда, честно говоря, сразу бы стоило виться.

На этот раз Якоб не ошибся. Место всеобщей встречи перед наглухо закрытыми (и в обычные дни) дверьми всеобщего дома, было битком набито людьми. Несколько успокоившись оттого, что наконец-то находится в нужном месте и в нужное время, несмотря на ненужные душевные и пространственные метания (из-за дурацких эмоций), стал рассуждать так, как сам себе это позволял.

«Во-первых, все в порядке, во-вторых, сейчас скажут, что именно все-таки не совсем в порядке, в-третьих, обсудим-проголосуем, в-четвертых, устраним, в-пятых, все равно у нас лучше, чем везде».

В толпе сновали молодчики в аварийных жилетах. У Якоба тоже был такой, он тут же пожалел, что оставил свой дома. Хотел было опять за что-то поругать себя, но вовремя вспомнил, что решил обойтись без дурацких эмоций.

Молодчики тем временем деловито и с самым строгим выражением лица раздавали всем без исключения самые обыкновенные садовые лейки. Каждый с интересом и тоже без намека на улыбку благодарственно брал протянутый инструмент для поливания (почему не взять, если даром), глубокомысленным взглядом оглядывал его и победоносно вертел перед своим и ближайшим к своему чужим носом.

Якобу никакая лейка не была нужна. Сад у него был компактный, не требовал особого ухода, оросительная система в саду и водоснабжение во всем его небольшом доме были строго автоматизированы в соответствии с расчетным предписанием количества воды на человека, хозяйство и сад. «В последнее время вообще начали чаще что-то бесплатно раздавать», – подумал он. Якоб не всегда помнил, что именно раздают, потому что бесплатное принципиально не брал, гордо называя свой вежливый отказ «свободой выбора».

Но с лейками сегодня было очень строго.

Еще не зная об этом, Якоб попробовал продраться поближе к наглухо закрытым дверям, перед которыми обычно выступали самые наилучшие, но быстро об этом пожалел. Чем ближе к нему становились закрытые двери, тем плотнее толпились собравшиеся. Якоб повернул назад и едва не налетел на идущего за ним, пробормотав извинения, больно ткнулся грудью в чью-то лейку, задел плечом другую, споткнулся, чуть не упал и принял самое верное решение: остановился и замер.

Едва он начал потирать ушибленные места, как ему буквально насильно всучили лейку, несмотря на то, что Якоб промямлил что-то по поводу «свободы» и «выбора». Нехотя взяв лейку, Якоб огляделся. Справа от него оживленно переговаривалась пара, рядом с ними задумчиво вертела лейкой девочка-подросток. Слева от Якоба стоял, натянув на голову капюшон, мужчина, который тут же отвернулся, как только Якоб повернулся к нему.

– Наконец-то что-то происходит! – весело подмигнул Якобу мужчина справа, который держал свою лейку под мышкой.

Не разделявший его веселья Якоб лишь натянуто улыбнулся.

– Ах, прекрати! – дернула мужчину женщина.

Одну ногу она поставила на лейку, удерживая ее на земле, носком другой ноги обеспечивала стабильность древка самодельного плаката, который держала обеими руками. Временами появляющимся около нее парням в аварийных жилетах, пытавшимся всучить ей еще одну лейку, она монотонно повторяла:

– Спасибо, уже есть.

Якоб слегка склонился вперед, делая вид, что высматривает кого-то в толпе, и прочитал на плакате «Не у нас!». Под написанным от руки большими буквами было еще что-то написано, но уже мелким почерком.

Якоб выпрямился. Женщина сердито продолжила, обращаясь к мужчине так, чтобы было слышно всем:

– Вечно рассуждаешь эгоистично, безответственно, без учета чувств других, в конце концов...

– Не утрируй, дорогая, – парировал тут же мужчина, – я пошутил.

– А лейки красивые... – протянула девочка-подросток, перестав вертеть свою лейку.

– Не начинай... – дружно отрезали оба.

Над толпой пронесся резкий звук, что-то засвистело, раздался вежливый стук. «Микрофон включили», – догадался Якоб. Все замолчали и вытянули шеи, шикая на тех, кто продолжал вертеться. Шикали сердито и недовольно в основном соратники, в основном на беспричинно веселившихся сопляков. Соглашатели привычно выжидали, свершители задрали нос. Все ждали. Стоящие впереди начали размахивать руками. Якоб тоже пару раз взмахнул рукой. В микрофон еще раз вежливо постучали.

– Уважаемые соратники, сторонники и противники, сочувствующие и несочувствующие, сопереживающие и злорадствующие, уважаемые свершители, сопляки, соглашатели и представители всех-всех, а также тех, чье мнение нам еще предстоит завоевать, как один из вас, как один из нас, как один из всех-вас, как один из всех-нас, говорю огромное спасибо всем вам-нам, что вы есть, что вы здесь, в эту важную минуту!

Это был самый наилучший соратник, Сам-Наи-С, как его по традиции официально называли с большой буквы. Якоб узнал его по программному предложению.

Звучащие в то или иное время с трибуны перед всеобщим домом программные предложения всех выбившихся в «самые наилучшие» объединяла одинаковая для всех способность на безупречный ранверсман¹. Не владея искусством высшего пилотажа, все самые наилучшие демонстрировали его на такой скорости и с такой ловкостью, что девственный вид их первых клятвенных обещаний бесследно стирался из памяти тех, кто продолжал им неистово аплодировать. Сам-Наи-С стал первым, кто оставил без изменения одно программное предложение, с которого теперь всегда начинал или завершал свое выступление. О нем заговорили. Он на этом не остановился.

«Минутка», которую время от времени обвиняли в «беспринципности» (непонятно с какой целью, наверное, из зависти), как-то признала эту критику, но жестко заявила в статье «А кто без греха?», что у самых наилучших были, есть и будут недостатки, о которых, к сожалению, становится известно уже после того, как они спускаются с трибуны.

Так вот, став самым наилучшим соратником, Сам-Наи-С дальновидно ввел еще одно свое новшество: перестал выступать с трибуны. Как человек слова, он не стал это делать, когда трибуну поставили на уровень слушателей. Отказался, когда предложили (до сих пор не известно, кому это пришло в голову) поставить трибуну в специально оборудованную оркестровую яму.

Но, находясь сейчас на значительном расстоянии от закрытых дверей, Якобу (не только ему одному), очень хотелось не только слышать продолжавшего выступать Сам-Наи-С, но и посмотреть, как говорится, в самые наилучшие глаза.

– Спасибо, что присутствуете в таком наибольшем количестве, что еще раз доказывает наи-наивысочайший уровень сознательности всех наипрекраснейших жителей нашего наи-наилучшего места в мире.

¹ Фигура высшего пилотажа, представляющая собой поворот на горке, и позволяющая быстро переменить направление полёта.

После того, как Сам-Наи-С стал тем, кем он стал, он начал заикаться на всенародно любимой приставке наи-. Конфуз, да и только. Сначала пытались не обращать на это внимания (не обращали в основном соратники). Когда даже соратникам стало абсолютно невозможно не замечать этого, было сделано заявление (в «Минутке», естественно), в котором заверялось, что «усилием воли» каждая вторая приставка наи-, вне зависимости от того, если она «мыслительная» или «логически-связующая», будет «беспощадно искореняться». Многие, Якоб в том числе, не совсем поняли разницу между этими двумя «наи-», но все с удовольствием каждый раз считали, сколько раз самый наилучший соратник заикнется. И так этим увлеклись, что перестали особенно вникать в то, что он говорит. Сейчас же, хотя Сам-Наи-С опять заикнулся (аж целых два раза), никто на это не обратил внимание. Затаив дыхание, все сосредоточенно слушали.

Обычно, когда любые наилучшие и самые наилучшие от соратников выступают, присутствующие соратники поддакивают, кивая до хруста в шее, и неистово аплодируют. Безальтернативные сопляки шумят, выкрикивая несусветную ерунду, но тоже хлопают, правда не в такт, а в знак протеста. Бесхребетные соглашатели ограничиваются жидкими аплодисментами (на всякий пожарный) и свистят так, что непонятно, они всецело «за» или категорически «против». Подозрительные и непредсказуемые свершители каждый раз выкидывают что-то новенькое. В общем, все как-то реагируют и так, чтобы каждого хорошо было слышно. Сейчас же все напряженно молчали, хотя постучать лейками хотелось всем.

– Всех вас-нас собрала сюда тревожная новость. Но... Пока мы-вы спали, наилучшие последствия частично самоустранились, так бывает. Частично заблокированы, доблестная система блокировки великолепно сработала. Все остальное полностью взято под контроль, частично лично мною, как только проснулся. И вот, что я хочу сказать всем нам-вам: мы-вы сделаем это, мы-вы справимся с этим, мы-вы все преодолеем!

Едва Сам-Наи-С выговорил последнее слово, как все без исключения соратники бросились обниматься и радостно пожимать друг другу руки, оглушительно свистеть, неистово аплодировать, а зазевавшихся подбрасывать в воздух. С радостным визгом полетели вверх соратники, не умеющие сопротивляться тощие сопляки, не решившие, как именно ликовать, соглашатели, непонятно почему агрессивно реагирующие свершители.

То ли два, то ли три раза Якоба тоже подбросили в воздух и все разы заботливо подобрали. Вероятно, поэтому он так расхрабрился, что тоже решил в порыве возбужденного сознания проделать то же самое со стоявшим слева от него то ли свершителем, то ли сопляком, а может, соглашателем, лица которого он не успел разглядеть. Но тот оказался неподъемным, несмотря на меньший, чем у Якоба рост, да и какого-то ликования в нем вовсе не замечалось. Пока Якоб удивлялся, неопределенное лицо, недолго думая, схватило его за шкуру, зачем-то пару раз встряхнуло, отчего Якоб понял, что все еще цепко держит свою лейку, и отбросило в сторону со словами: «Даже не думай». Якоб снова полетел в воздух, стараясь ни о чем не думать.

В это время опять вежливо, но настойчиво постучали по микрофону.

Якоба тут же бережно поставили на его же ноги, все снова замолчали и вытянули шею.

– Вы думаете сейчас, наверное, на кой ляд нам раздали лейки?

Сам-Наи-С очень любит вставлять в свои обращения понятные всем выражения. В этом он тоже верен традициям. Безальтернативные сопляки тут же высказались по этому поводу, назвав традицию «симпатичной», соглашатели никак не высказались, а вот свершители яростно начали борьбу «за чистоту языка», правда, потом сказали, что боролись за что-то другое.

Так или иначе, но традиция есть традиция, а понятное всем должно создавать атмосферу взаимопонимания, поэтому в ответ из толпы ожидаемо послышались первые осторожные хихикания. В микрофон тоже кто-то довольно хохотнул. Решившие, что это Сам-Наи-С (позже, когда это уже не имело никакого значения, выяснилось, что была допущена примитивная провокация), доверительно и подобострастно зачихикали. Соратники хихикали громко и выразительно, соревнуясь друг с другом по раскатистости и тембру, сопляки так, что Якобу явно пару раз послышался ослиный крик, соглашатели тихо и неуверенно, а непредсказуемые свершители крепко сжали губы, чтобы не выругаться, но некоторые из них не выдержали и тоже заржали, как молодые жеребцы.

Всеобщий смех перед всеобщим домом был столь заразительным, что даже скептически настроенные и недоверчивые стали от души веселиться. Якоб, тоже не переставая радостно ржать, как молодой бабуин, который не хочет все же, чтобы его опять подбрасывали в воздух, быстро сел вниз. Устроившись у ног солидарно хохочущих, удивился разнообразию обуви от ботинок и кроссовок до сланцев и тапочек. Уважительно качнул головой: «Вон как люди спешили».

– А вы не смейтесь, – вдруг ворвался во всеобщее ликование строгий голос.

Все постепенно притихли, правда, соратники на всякий случай продолжали растягивать губы в улыбке. Якоб быстро поднялся.

– У нас самое наи-настоящее и наибольшее процветание. И мы будем его впредь долгосрочно углублять. Но любое процветание без вашего участия это что?

Еще не было ни одного наилучшего, который, став самым наилучшим, сумел бы без вопросов и пауз сформулировать очевидное. В этом смысле Сам-Наи-С исключением не был, но в своем сегодняшнем обращении паузы после своих открытых и риторических вопросов (еще одна традиция самых наилучших) все же благоразумно сократил.

– В том-то и дело, что ровным счетом ничего. А почему? Да потому, что процветание – это как клумба цветов, поливать и поливать, удобрять и удобрять, это то, что будем делать и мы, и вы. Это то, что будем улучшать и вы, и мы. Это то, что все вместе будем и дальше развивать. Мы – это вы, вы – это мы! Это значит лишь то, что сообща и все вместе, потому что главное что? Главное – это доверие. Служите. Служите ответственно. Служите искренне. Служите достойно. То, что делаем и мы, и вы, могут только такие, как вы и мы.

Поняв, «на кой ляд» были выданы лейки, все стали дружно поливать клумбы: существующие и потенциальные, только что разбитые и старые, ухоженные и заброшенные, с только что распустившимися бутонами и с увядшими цветами. Поливали увлеченно, с творческим подходом, забыв, казалось, полностью про утреннюю неприятность. Соратники, соревнуясь друг с другом в усердии, фиксируя на разных устройствах то, как поливают и что именно поливают. Сопляки не просто поливали клумбы, но зачем-то еще и друг друга. Соглашатели поливали нехотя, но добросовестно, тоже регистрируя каждую каплю. Свершители зачем-то закопали несколько леек на клумбах, но тоже четко определили, что, где и как полили.

Якоб окончательно успокоился, когда получил значок. На нем красовалось обнадеживающее слово «Совершенство». На его лейке тоже нацарапали букву «С». Лейку он сдал. Вернувшись домой, значок поставил туда, где рядом с детским значком «ЛП» были красиво разложены другие, и высылось в рамке выписанное от руки Якобом:

«Нам надлежит избавляться от всего, что мешает более ответственнее заняться исследовательскими способностями собственного мыслительного аппарата».

Это сказал кто-то из самых наилучших. Якоб не помнит, кто. Не помнит, когда. Не помнит, по какому случаю. Но записал. Потому что зацепили Якоба простые мысли мудрого наилучшего, из самых, разумеется.

Утро следующего дня наступило еще хуже прошедшего. Только Якоб этого пока не знал. Он был необычайно бодр, встал раньше обычного и с уверенностью в наступившем дне плотно позавтракал. Все в том же приподнятом настроении духа прошелся по гостиной. Игнорируя обреченный на высылку диван, сел в кресло и приступил к чтению утренних новостей, предвкушая удовлетворение от предсказуемо приятных вестей. Бегло взглянув на первое предложение, которое, между прочим, было без восклицательного знака, вскочил, как ошпаренный. Не поддерживая живот и совершенно забыв о печени, выбежал из дома и помчался туда, где еще вчера его и всех-всех-всех уверили в том, что все уже и опять хорошо.

Когда Якоб вбежал на площадь, перед закрытыми дверьми всеобщего дома творился настоящий кавардак. Все что-то громко и одновременно кричали, целясь друг другу прямо в лицо. Каждый второй размахивал куском картона с кричащими большими кривыми буквами, которые для тех немногих, кто пытался что-то прочитать, складывались в обвинения, требования, призывы. Те, кто умудрился не сдать вчера лейки, угрожающе ими размахивали, задевая эти самодельные картонные плакаты. Там, где это происходило, тут же начиналась словесная перепалка и мелкая потасовка. Чутко и нервно спавшие, что угадывалось по небритым лицам и заспанным глазам, переругиваясь, возились около трибуны. Пришедшая в одинаковой униформе группа всячески пыталась оттиснуть подальше от закрытых дверей тех, кто еще не решил, с кем они, против кого и зачем вообще пришли.

Из отрывистых выкриков изумленный Якоб сначала разобрал лишь часто повторяющиеся «абшид» (*устар. увольнение со службы, отставка* – **Ред.**), «вон» и «не у нас». Прислушиваясь, постепенно стал понимать чуть больше и сделал для себя пару открытий. Оказывается, все не так уж и хорошо, тем более без всякого «уже» и «опять». Оказывается, вообще все давно и уже стабильно плохо, а с наступившего дня хуже так, что дальше некуда. Но больше всего взволновало Якоба то, что «очень плохо» со всеми без исключения клумбами, которые вчера с энтузиазмом, вдохновенно и дружно все поливали. Якоб (не только он один) сразу отказался поверить, что испорчены все клумбы, да еще «никому непонятным образом». Между прочим, кричавшие утверждали, что некоторые полностью уничтожены прямо на месте, некоторые частично вывезены в неизвестном направлении, оставшиеся разбиты по-новому с издевательским подтекстом: обреченными на гибель комнатными и теплолюбивыми растениями.

В это же самое время стало известно, что свершители и сопляки с примкнувшими к ним соглашателями и несколькими предателями-соратниками уже успели создать новую комиссию и прямо здесь на площади приступили к изучению всех сделанных вчера фотографий. В пику им другая группа решительно настроенных последовательных соратников с поддерживающими их тремя соглашателями и двумя сопляками заявила, что сейчас же отправится «лично проверить» каждую клумбу на предмет распространяемых слухов с тем, чтобы «разобраться с безобразной клеветой» на месте. Повинуясь общему настроению понятно-громкого негодования, к ним присоединился и Якоб.

Вид клумб, которые все наперебой с сердитым лицом, выразительно покачивая головой, охая-ахая, бросились фотографировать, был действительно плачевным. Каждую охраняла группа добровольцев с повязками в цветочек. Одновременно они собирали подписи всех возмущенных. Якоб тоже сердито покачал головой у каждой клумбы, затем уловил момент, когда на него никто не смотрел, и быстро ретировался. Не успел он сделать пару шагов, как заметившая его маневр ловкая девушка подпрыгнула к нему и подсунула под нос подписной лист. Якоб буркнул под нос что-то неразборчивое, подумал про себя про «свободу» и «выбор» и, ничего не подписав, ушел.

Вернувшись на площадь, Якоб не стал пробираться в гущу толпы, а благоразумно и дальновидно встал рядом с женщиной, у которой в руках не было ни картона, ни лейки.

Казалось, за время его отсутствия с целью «разобраться с безобразной клеветой» на площади ничего не изменилось. Собравшиеся продолжали громко возмущаться, стараясь перекричать друг друга, и угрожающе размахивали всем, что было в руках.

«А ведь он все-таки заразный, этот... – подумал Якоб, – самый настоящий..., к тому же коллективный...».

Возможно, Якоб подумал вслух, потому что стоявшая рядом с ним женщина, мельком взглянув на него, кивнула. Затем резко и возмущенно воскликнула:

– Только не говорите мне, что со вчерашнего дня, а то я становлюсь агрессивной! Он уже давно, мы в нем живем, он с нами, он везде. И прочно, скажу вам. Символ, так сказать, времени. А эти все...

Она оборвала себя, жестом указав на галдящих вокруг, и примирительным тоном продолжила:

– С добрым утром, проснулись наконец. И все разом сошли с ума, понимаете ли. Разом. Все. Я, знаете ли, историк и врач, у меня две профессии: как врач я ставлю диагноз, как историк заранее все предчувствую.

Она вновь прервала себя и через еще один жест с поднятым вверх указательным пальцем торжественно сказала:

– Ничего нового, слышите, ровным счетом ничего нового страдающее хроническим коллективным сумасшествием с весьма небольшими ремиссиями на передышку человечество пока еще не придумало!

Якоб агрессивных женщин побаивался, врачам с их точными диагнозами не доверял, к историкам, которые все предчувствуют, относился скептически, а все вместе взятое держал от себя подальше. Поэтому он пару раз утвердительно кивнул. Шея хрустнула. Якоб расстроился: «Когда я успел стал соглашателем?»

Чтобы отделаться от дамы, Якоб решил все-таки, вопреки первоначальному намерению, пробраться поближе к закрытым дверям. Он сделал пару шагов вперед, нагнув голову и помогая себе локтями, но вскоре вынужденно остановился. Вскинув голову, увидел впереди перед толпящимися возведенную на бывшее место трибуну. Это его насторожило.

Вокруг трибуны кипели страсти. Усердствовали всюду некоторые свершители, размахивающие откопанными грязными лейками. Рядом с ними держались несколько соглашателей без леек и отбившиеся от общего курса три предателя-соратника с пустыми руками.

Якоб тщетно попробовал сделать еще пару телодвижений в сторону трибуны, откуда доносились выкрики.

– Не заметили?

– Не увидели?

– Не верим!

– Что значит «не заметили»?

– Пусть теперь отвечают!

Все старались перекричать друг друга, хотя повторяли одно и то же. У самой трибуны кто-то иногда высоко поднимал кусок картона с лозунгом «Я не читаю «Минутку» и мне хорошо!».

Пару раз постучали в микрофон, приглашая всех утихомириться. На трибуну стали подниматься все, кому не лень. Выступавшие говорили сердито, неоправданно громко крича в микрофон, с поднятым вверх кулаком или картоном, на котором было написано большими буквами «Не у нас!», некоторые трясли шевелюрой, другие лейками над головой.

Впечатленный от всего, что творилось вокруг, Якоб держал себя обеими руками не за живот и не за голову, которая, казалось, вот-вот лопнет от всех этих эмоциональных речей, а за плечи, будто пытаясь тому в себе, что постепенно набирало силу, воспрепятствовать.

Набирало в нем силу острое желание поскорее вернуться обратно домой. Но почти так же сильно хотелось дождаться, пока кто-нибудь с трибуны со вселяющими доверие паузами, с позитивными логическими цепочками и без драматизма поставит все опять с головы на ноги и скажет, что все «уже» и «опять» хорошо. Повинуясь второму чувству, Якоб ждал. Ему уже было абсолютно все равно, кем окажется на этот раз самый наилучший: соратником, свершителем или соглашателем. Он был согласен даже на сопляка, лишь бы поскорее все закончилось.

– Это не просто вандализм, это открытый вызов! За это нужно наказывать отдельно!

К огорчению Якоба, прокричав это, молодой сопляк быстро спустился с трибуны, уступив место пухленькой соратнице, окончательно перешедшей к свершителям, что было понятно по грязной лейке, которую она с гордостью иногда поднимала над головой:

– Это не просто вандализм и вызов, это преступление против нас-вас, против наших-ваших институтов, против принципов и в первую очередь против нашего-вашего всеобщего дома! Мы можем возмущаться, сколько угодно, но нужно действовать немедленно! Если кто-то и что-то перестало защищать нас, то мы просто так не сдадимся, если надо, всё откопаем, если надо, всё закопаем!

У Якоба пошла кругом голова. Ему стало не по себе, вновь началась тихая паника: «Оказывается меня, да и вообще всех нас надо было защищать? От кого? Как? С каких пор?»

Видимо, Якоб снова что-то сболтнул вслух, потому что стоявший рядом с ним мужчина с болтавшимся на веревке куском большого картона на шее басом сказал:

– Давно надо было.

– От кого?

– Да от всех.

– Как это «от всех»?

– Враг вообще-то нравственная категория, какая разница, с кого, с чего и когда начинать, это все равно дело восторженное.

Якоб ничего не понял, но на всякий случай кивнул. Беззвучно шевеля губами, прочитал на картоне собеседника: «Мы говорим НЕТ любой самой наилучшей дискриминации...». Далее буквами поменьше шел список «по признаку» и «на основе», в который Якоб не стал вчитываться, потому что начал усиленно размышлять о потенциальных врагах. Почему-то вспомнил про диван. Вспомнив, непривычно быстро принял решение. Осторожно, чтобы никого не задеть, стал выбираться из толпы и поспешил домой.

4

На следующее утро Якоб проснулся с тягостным предчувствием, нехотя позавтракал, пинками заставил себя выйти из дома и уныло поплелся на площадь.

Все лучшие и наилучшие, наиумнейшие, наиценнейшие и все остальные самые и не самые, вне зависимости от того, какими они себя считали, уже заполнили площадь. Казалось, что со вчерашнего дня мало что изменилось. Все были на месте и так же галдели. Временами к трибунам прорывались желавшие выступить.

Когда Якоб пришел на площадь, на трибуне стоял худощавый седовласый мужчина со свернутыми в рулон бумагами. Якоб не успел услышать, что именно он требовал, просил или предлагал. Тряхнув рулоном, мужчина спустился с трибуны,

уступив место похожей на птицу даме с круглыми очками в черном берете.

– Если бы... вовремя..., если бы... хотя бы на час..., – начала она грудным голосом с драматичными паузами.

Бойко пробивающаяся поближе к трибуне группа в одинаковых зеленых в белый горошек платочках, закрывающих половину лица, задержалась в это время рядом с Якобом. Из-за закрывающих рты платочков им приходилось больше всех напрягать свои голосовые связки, причем свои несогласованные друг с другом реплики они выкрикивали, удачно вставляя их сразу по несколько штук в богатую паузами речь выступающей.

– ... наилучшими...

– Нет наилучших! Нет наихудших!

– Долой всех наилучших!

– Да здравствуют все наихудшие!

– Всех долой! Все вон!

– ... могли бы и должны бы...

– Никто никому ничего не должен!

– Долой все формы управления!

– Долой все формы подчинения!

– Долой всех! Все вон!

– ... стать только женщины...

– Долой гендерную спекуляцию!

– Долой дискриминацию мужчин!

– Долой дискриминацию по половому признаку!

– Всех долой! Все вон!

– ... Женщины спасут мир и нас всех...

– Долой пустые формулировки!

– Голову на плечах вне зависимости от пола!

– Спасти нас можем только мы сами!

– Долой всех! Все вон!

Как только дама в черном берете спустилась с трибуны, группа с зелеными в белый горошек платочками на лице вновь стала пробираться дальше. Якоб вздохнул свободнее.

На трибуну по очереди вышли лысый с острым носом, все время и за всех извиняющаяся дама, затем солидный, уверенный в себе строгий мужчина в массивных очках, представившийся «пользователем свободной трибуны». Он тщательно, будто для логопеда, выговорил все свои требования, начинающиеся на букву «п»:

– Привет. Пора признать простой путь. Передать происходящее постепенно, полностью. Пересмотрев, правда, по пунктам положения, предложения, программу. Попустительство преследуемо. Подумайте. Пора. Прислушайтесь. Пока.

Непонятно, по какой причине, но Якоб проникся к нему сразу же симпатией.

Затем на трибуну поднялся недовольный с обиженным лицом толстяк, который выкрикнул только одно предложение:

– Это самое-наихудшее-наилучшее, что у нас когда-либо было!

После него появился наилучший представитель безальтернативных сопляков, которого в глаза и за глаза называли то «стреляный сопляк», то «продувной сопляк», вкладывая в зависимости от ситуации в это самые разнообразные значения.

– Это не просто вандализм-вызов-преступление, это самая настоящая война. Объявлена она и вам, и нам. Если мы не примем неотложные меры незамедлительно, она никогда не прекратится. Те, кто со своими сторонниками скрывает от нас действительные факты, надевая на наши чувствительные носы розовые очки желаемой действительности, пусть не думают, что мы это так оставим. Если вы, уважаемый и уважаемые, чего-то вовремя не заметили, это не значит, что этого самого нет, вот!

Затем с таким же сердитым, как и все выступающие, видом, на трибуну вышли сразу пять человек, это были представители тех, которые пока еще не решили, как им называться. Говорил один, высокий кудрявый блондин, остальные сурово молчали.

– Мы новые, мы другие. Но мы тоже молчать не будем. Хватит выдавать желаемое за действительное. Идет безобразная подмена понятий. Причем систематически. Неужели вы не видите, что нам подсунули самые обыкновенные грядки? Мы требуем называть грядку грядкой, а клумбу клумбой! Беспорядок не есть лишь отсутствие порядка, беспорядок не есть непорядок, полнейший кавардак не наступает в одночасье, извольте представить все тщательно скрываемые предпосылки. Долой подмену понятий!

Все пятеро с тем же недовольным видом гуськом спустились с трибуны.

Когда все ораторы и слушатели порядком выбились из сил, кем-то (до сих пор неизвестно кем) негласно, но действительно было решено ограничить доступ к трибуне и незамедлительно приступить к освобождению пространства перед закрытыми дверьми всеобщего дома.

Освобождение произошло неожиданно, быстро, эффективно, слаженно. Траекторию движения собственного тела от всеобщей площади до своего частного дома Якоб знал достаточно хорошо и до таких мелочей, что мог бы пройти ее с закрытыми глазами. Но он не успел ни принять решения, ни поразмышлять над тем, почему его обратная по прямой дорога, которая была короче, стала криволинейной и длиннее.

Когда запыхавшийся Якоб влетел обратно домой и как следует закрыл за собой дверь, он лишь подивился тому, как дорога от площади до дома, удлинившись в расстоянии, сократилась вдвое по времени ее преодоления.

5

На следующее утро, наспех позавтракав, Якоб долго решал, стоит ли сходить на площадь и хотя бы издали посмотреть на то, что там происходит.

Так ничего не решив, вышел из дома. Удлиняя свой путь в несколько раз, не переходя дорог, не считая никаких «п», кружа вокруг да около, долго делал вид, что идет вовсе не на площадь, а просто так гуляет. Каждый раз, когда он оказывался чуть ближе к всеобщему дому, до него доносился отчетливый гул. Под конец то ли из чистого упрямства, то ли из любопытства, набрался храбрости и пошел напрямик на площадь.

Все опять толпились в ожидании чего-то перед всеобщим домом, так же галдели, но никто не рвался выступать с трибуны. Решив, что освободить, как вчера, площадь, кажется, пока не собираются, Якоб прошел чуть вперед. Приподнявшись на цыпочках, увидел, что перед трибуной разворачивают плакат. Когда его закрепили, Якоб прочитал: «Пока вы спали, мы бдели!»

Стоявшие рядом с ним начали зубоскалить по поводу плаката и конкретно тех, кто спал, а кто бдел. Якобу стало интересно, кто именно бдел, пока он спал. Он прислушался и выяснил, что пока все, Якоб в том числе, спали, ограничение трибуны было поставлено под строгий контроль трех самых наилучших. Их по одному от наилучших свершителей, наилучших соглашателей и наилучших сопляков единогласно выбрали еще вчера. Правда, непонятно было, кто голосовал, тем более единогласно, если всех разогнали.

Один из стоявших ближе всего к Якобу злобно сказал:

– Если верить слухам, а не той ерунде, которую теперь пишет «Минутка», все те, кто вчера остался на площади или пришел ранним утром сегодня, сами видели их вместе.

Еще одной важной новостью было то, что всех соратников (лучших, наилучших и самых обыкновенных) отовсюду исключили. Сам-Наи-С отправили восвояси с формулировкой «ввиду чересчур ревностного отношения к трибуне», в дальнейших объяснениях или условиях возобновления совместной работы еще вчера ему было отказано, право на большие буквы приостановлено для всех и на неопределенный срок.

Якоб был ошарашен этими новостями, а стоявшие рядом (явно соратники) громко и сердито повторяли, что все соратники в своем большинстве присутствуют на площади и готовы. К чему именно они готовы, Якоб не успел подслушать, потому что стоявший ближе всех подозрительно оглядел его и что-то вполголоса сказал своим собеседникам. Те в свою очередь вызывающе уставились на Якоба, продолжив демонстративно громко зубоскалить по поводу плаката перед трибуной.

Якоб предупредительно отошел от них подальше и занял оборонительную позицию неподалеку от входа на площадь. Уверив себя в том, что проделанный маневр необходим ему для того, чтобы при необходимости еще быстрее, чем вчера, освободить площадь от собственного присутствия, сделал то, чего старательно избегал.

Решти задумался: «А хорошо это или плохо, если вместо одного самого наилучшего, их стало теперь сразу три? Хоть все они самые, что ни на есть наилучшие, но очень уж разные. И потом ведь самый наилучший самому наилучшему рознь, и тут ведь важно все...»

Заметив в толпе спящих молодчиков, он с готовностью прервал свои раздумья и начал за ними наблюдать. Молодчики, кажется, были те же, но не в одинаковых аварийных жилетах, а в одинаковых куртках и кепках. Что-то опять раздавали. С одной стороны, это Якоба успокоило: значит, прямо сейчас освобождать площадь точно не будут. С другой насторожило: вдруг провокация, вдруг не бесплатно. Но сильнее всего его взяло любопытство. Он стал нетерпеливо ждать, когда до него дойдет очередь. Получив бесплатно то, что раздавали, совершенно растерялся.

Всем собравшимся в связи с тем, что уже никто никого и никак не называл, выдали по камню. Да, по самому обыкновенному камню, таких в предостаточном количестве валяется под ногами как у самых наилучших, так и у самых обыкновенных. Якобу сразу не понравилось то, что камни выдали абсолютно всем без исключения: и увеличившим свое число непредсказуемым свершителям, и всем присутствующим и продолжающим подходить соратникам, и не решившим пока еще «с кем, зачем, куда» соглашателям, и всем безальтернативным соплякам, что было вообще-то рискованным занятием, и даже новым, которые пока себя еще никак не называли, но которых стало чуть больше за счет некоторых бесхребетных соглашателей.

Как только все получили по камню, вполне предсказуемо начался скандал.

Учинили его соратники, которые продолжали сохранять твердое большинство на площади, в чем все тут же убедились. Они начали угрожать, ругаться и размахивать всем, что было в руках, у многих, естественно, были замечены только что выданные камни. Не желая ненужной эскалации, свершители, сопляки и все примкнувшие к ним соглашатели экстренно, внеочередным образом прямо на площади посовещались. С одобрения трех самых наилучших, которые так и не появились на трибуне, оперативно и дальновидно назначили одного соратника на трибуну. Правда, не наилучшего, и самым обычным созерцателем, наказав ему подниматься на трибуну, но только кивать и махать рукой по мере надобности.

Соратники (явно не все) слегка успокоились, все остальные одобрительно им посвистели. С трибуны выпустили разноцветные шары, а на площади тут же появились профессиональные инструкторы. То, что они профессиональные, сомнений ни у кого не возникло. Инструкторы стали учить, как эффективно и результативно бросать камни, показывая и то, как перехватить в нужный момент камень у ближнего, и как, накопив достаточное количество, начать их разбрасывать.

Подбадривая себя в том, что происходящее имеет смысл (с какой стати тогда перед всеобщим домом, да с инструкторами), Якоб внимательно слушал и повторял, убеждая себя в том, что научиться, например, правильно разбрасывать камни лучше со всеми и перед всеобщим домом, а не по собственной инициативе и, не дай бог, перед всеобщим домом.

Довольно быстро и весьма успешно все быстро научились искусству бросания, перехватывания и разбрасывания. Затем до того наловчились, что разделились на группы и успешно применили тактику выдавливания нежелательных с площади.

Камни пришлось конфисковать, у некоторых с боем. Якоб свой камень сдал добровольно, хотя твердо и даже с вызовом сказал то, что от удивления забыл, когда получил камень. Он важно буркнул под нос молодчику в надетой задом наперед кепке про «свободу» и «вообще». Про «выбор» умолчал. На камне Якоба нацарапали букву «У», что означало «Улучшай». Значок Якобу не дали. Это его расстроило.

В толпе пронеслось, что сейчас на трибуну выйдут трое самых наилучших, чтобы всех поприветствовать. Все постепенно притихли и замерли в ожидании. Сначала на трибуне появился самый наилучший свершитель, который сказал: «Все к тому и шло» и «Мы опять оказались правы». Все свершители ему от души похлопали и дружно посвистели. После него на трибуну торжественно поднялся самый наилучший сопляк. Он долго и живописно, как благодарят на футбольном поле болельщики после выигранного важного матча, поприветствовал «всех сопляков площади и всего мира», пообещал, как минимум, «еще один год сопляка». Все сопляки ему неистово поаплодировали и оглушительно посвистели. Затем на трибуне показался самый наилучший соглашатель. Он лучезарно улыбнулся, сказал: «Лиха беда начало», «Мы еще...» и «Черт возьми...», но сбился, еще раз улыбнулся, уже не так лучезарно, и спустился с трибуны. Все соглашатели исправно ему поаплодировали и пару раз свистнули, чтобы не отличаться от других.

После самого наилучшего соглашателя на трибуне с сияющим победоносным видом появился и самый обычный соратник, который, с непривычки запинаясь, вдруг тоже прокричал: «Процветание, все вместе... Мы-вы, сообща... Главное что? Не у нас...»

Но ему не дали договорить, выключили микрофон, заставили спуститься с трибуны, вынесли первое предупреждение и призвали самым строгим образом придерживаться полученного мандата.

Соратники недовольно загудели, неодобрительно засвистели, начали опять угрожать. Чтобы их успокоить, с трибуны быстро заявили, что пожелание и призыв «самого обычного, хоть и не наилучшего» соратника учтен и услышан. То, что он хотел сказать, а именно «Не у нас!», призывает вернуть обратно всех только что выдвинутых с площади, что незамедлительно сейчас же будет сделано.

Вернув выдвинутых обратно на площадь, опять же всех без исключения и с самыми наилучшими намерениями стали учить, как правильно падать. Объяснив это интересное занятие тем, что это необходимо «на случай всех случаев», так как когда-нибудь все заканчивается, наилучшее в том числе, и вообще, если кто-то еще не обратил внимание, «новые реалии» уже случились, «новая эпоха», никого не спросив, уже наступила.

Якоб Рёшти вообще-то был не против «реалий» и «эпохи», тем более новых, но ему совершенно не понравилось то, что энергично, эффективно и главное результативно разбрасывали камни абсолютно все, а вот добросовестно падали только единицы. Строго по инструкции валились на землю соглашатели. Свершители зачем-то организовали «присутствующую комиссию», все до единого в нее вошли и стали только контролировать, кто как падает. Выдвинутые с площади, которых вернули, демонстративно игнорировали все инструкции, падали, как хотели, обосновывая свой саботаж исторической злопамятностью. Сопляки вообще заявили, что сначала по-

смотрят, как убедительно будут падать те, «чьей дурацкой затеей» все это является, и стали ставить всем подножки. Те, кто еще не знал, как их зовут, стояли в сторонке, падали в узком кругу, хотя следовали инструкции. Все те, кто не решил к кому-либо примкнуть, делали вид, что падают, и делали это крайне дилетантски. Но хуже всех вели себя, конечно же, соратники. Оказалось, что вовсе не «часть», а «большинство» соратников было категорически не согласно с тем, что на трибуну выбрали самого обычного соратника, да еще с весьма сомнительным мандатом. Вместо того чтобы падать по инструкции, все без исключения теперь в знак протеста активно мешали падать всем тем, кто хоть как-то пытался это сделать.

Долго терпеть это безобразие не стали. Чтобы уговорить соратников падать по инструкции вместе со всеми, «в виде исключения», «во благо всеобщее» и «т. п.» экстренно и внеочередным образом было решено статус соратника на трибуне изменить «с созерцателя на участника».

Опять какую-то часть соратников это не устроило, отойдя в сторонку, они долго шумели, что-то между собой решая. К ним потянулись остальные соратники, пока «часть» не стала «большинством» и «всеми без исключения». Затем от «всех без исключения» соратников отделились двое наилучших, которые заявили от имени всех соратников, что соратники согласятся падать, если на трибуну вместе с другими самыми наилучшими будет тоже подниматься самый наилучший соратник.

Так как всем и все уже порядком осточертело, собравшиеся на площади завопили, что с этим необходимо согласиться, но с условием, что соратники немедленно представят своего самого наилучшего. Соратники, которым не дали времени подумать (с тех пор они об этом постоянно напоминают), быстро назвали того, кого хорошо все знали.

Так и получилось, что самый наилучший соратник, бывший Сам-Наи-С, снова оказался на трибуне, которую сам же упразднил. Его знали все и знали, чего от него ожидать. Уже на площади успокаивали друг друга тем, что теперь он не один, рядом есть другие, которые вовремя «заметят», категорически «укажут», настоятельно «предупредят» и уж точно «не дадут». Как и ожидалось, всех тут же официально заверили, что бывшего Сам-Наи-С пускают на трибуну лишь при условии, что он изменит свое отношение к трибуне самым кардинальным образом и никогда больше не будет претендовать на большие буквы. Самый наилучший соратник затем сразу же был объявлен действующим и тут же на площади всенародно помирился с трибуной, клятвенно подтвердив, что будет отныне и во веки веков, как все, с маленькой буквы.

Все счастливо и с облегчением вздохнули, что все решилось самым наилучшим образом. Наконец-то на трибуну торжественно, с победоносным видом вышли вместе и встали рядом самый наилучший свершитель, самый наилучший соглашатель, самый наилучший сопляк и самый наилучший соратник. Все хором прокричали «Не у нас!» и так же слаженно замахали, приветствуя собравшихся.

Белые шары с трибуны не полетели вверх. Толпившиеся на площади вместо того, чтобы в ответ так же радостно махать, недоуменно застыли. На трибуне плечом к плечу стояли и все еще блаженно растягивали губы четверо самых наилучших, которые, как назло, все были на одинаковую, хотя и маленькую букву. До четверых не сразу, но постепенно тоже дошло, в какую неразбериху они попали. Все четверо одновременно сконфузились, вместе спустились с трибуны, затем так же вместе быстро вернулись, чтобы никто не подумал, что они ушли насовсем.

Пока все без исключения соображали, какую именно путаницу коллективными усилиями себе устроили, и задолго до того, как по этому поводу на площади кто-то успел пикнуть, было принято изумительное по простоте решение.

Во избежание любых недоразумений четверо самых наилучших объявили, что договорились выходить на трибуну «по одному» и «чередоваться», избегая находиться на трибуне «всем разом».

Злые языки судачат, что это изумительное по простоте решение уже тогда вызвало весьма яростную и нелицеприятную сутолоку перед трибуной, когда им нужно было определиться: кто выйдет первым, кто последним и как часто и долго все это «чередование» будет теперь происходить. Впрочем, на площади никто этого не заметил. Все решили, что коалиция четверых самых наилучших сложилась самым наилучшим образом. Каждому отдельно и одинаково неистово похлопали, одобрительно посвистели, полюбовались на выпущенные шары и договорились, что завтра снова соберутся (как-то привыкли уже), чтобы закрепить все принятые решения с общенародно любимой приставкой наи-, расставив заодно все точки над *i*.

Якоб Рёшти тоже похлопал, свистеть не стал, вновь непривычно быстро принял решение. Осторожно, чтобы никого не задеть, стал выбираться из толпы и по прямой, так короче, поспешил домой.

Войдя в дом, совершенно разбитый упал на диван, на цвет которого ему было глубоко наплевать. Упал он так, как этому учили на площади, пробормотав себе, что среди всего прочего, без разницы, как именно это называть, все же научился чему-то полезному. Уже засыпая, решил, что теперь будет так ложиться спать. Удобно, радикально и главное не к чему придраться, так как обучен официально, прилюдно, без личной на то инициативы.

Сон Якоба, правда, получился чутким и нервным. Он часто просыпался, по-детски полусонно с облегчением всхлипывал оттого, что все уже и опять хорошо, что не нужно ни над чем обстоятельно шевелить мозгами, что за него снова профессионально думают те, кто это умеет профессионально делать. Вновь забывался на время сном, пока в области того, что он, бодрствуя, обычно берег, не появлялись и не будили его неприятным нытьем два неудобных вопроса, удивлявшие простотой формулировки и пугающие неразрешимой безысходностью.

По прошествии времени, когда Якоб Рёшти (не только он один) все уже благополучно забыл на той скорости, на которой всё всеми обычно забывается, официальный информационный ресурс «Минутка», который тоже пару раз переименовали, дальновидно убрав «соратник», добавив «наилучшая», вернув под конец старое в одно слово название, разразилась большой статьей «А что вы хотели?», где кроме всего прочего подчеркнуто было следующее:

«В целом и с позиций достижений новейших исследований *наилучшие времена*, как бы не ерничали по этому поводу всякие писаки, а также те, кто на нас обзывается, есть категория философская, длительность которой зависит от личностного восприятия отдельных индивидуумов окружающего их мира и себя любимых в нем. *Наилучшие времена* могут протекать хронически, то есть быть постоянными, особенно в голове, а могут колебаться от нескольких часов и дней до трех-пяти лет, а может, и дольше, ощущаясь соответственно вне головы. С этих позиций весьма важно и настоятельно рекомендуется ни при каких обстоятельствах длительность ни первой, ни второй разновидности, как и того, что является прямой противоположностью всего наилучшего, не рассматривать в прямой зависимости от того, кто из самых наилучших по договоренности или по дурацкому стечению обстоятельств находится в определенный исторический момент на трибуне: деятельные соратники, непредсказуемые свершители, бесхребетные соглашатели, безальтернативные сопляки или те, кто все еще не знает, как же их все-таки зовут».

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

Наедине со Звёздами

Звёздные истории

*Ты всегда наедине со звёздами: днём – облачёнными в человеческие тела,
ночью – в тела небесные.*

Ночью человеку приснилось, что у него выросли крылья, и он просто шагнул в открытое окно. На рассвете на небе зажглась новая утренняя звезда. Она оплакивала тёплым дождём лежащее на земле бездыханное тело.

*

Этот Мир ждал его. Ждали Звёзды. Ждала Земля. Ждал Ветер. Но люди сделали всё, чтобы он не пришёл. И даже Звёзды, Земля и Ветер не смогли им помешать.

*

Облачённая в тело вечность переступила через порог. Тело увидели все. Вечность не заметил никто. Тело сумело заслонить собою вечность.

*

Он проснулся, чтобы рассказать ей свой сон, но её не было рядом. Он искал её всю жизнь, но не нашёл, потому что не знал, что она осталась в том самом сне.

*

Взобравшись на вершину своего Я, он спустился к людям, чтобы поведать им об их величии и могуществе, но они схватили и убили его. Они не знали, что распяли и уничтожили только тело. Бессмертный Дух его остался на вершине, наблюдая за тем, как низко могут пасть сыны человеческие, ослеплённые собственным невежеством.

*

Он получил от Небес великий Дар. Но размеры его души не соответствовали величине этого Дара, и он уничтожил своего обладателя.

Дар не наказание и не награда. Дар – это крест, на котором всякий может тебя распять, но который даёт тебе крылья, чтобы ты смог взлететь над земной суетой и увидеть то, чего не видят другие.

*

Она с восторгом наблюдала, как звёзды падали с неба разноцветным сверкающим каскадом. Одна из них упала где-то совсем рядом, но когда она с замирающим сердцем подбежала к тому месту, то увидела на земле всего лишь дымящийся обломок чёрного оплавленного камня.

*

Сорок долгих лет он потратил на то, чтобы стать волшебником и исполнять свои самые несбыточные желания. А их было так много! Но когда ему удалось в полной мере овладеть искусством волшебства, у него не осталось желаний – этот мир стал ему неинтересен.

*

На пути к своей цели человек совершил всего одну ошибку. Дойдя до роковой развилки, выбрал не ту дорогу. Он был уверен, что двигается в верном направлении. А когда понял, что ошибся, то не захотел возвращаться назад – ведь столько препятствий пришлось преодолеть, столько испытаний выдержать, чтобы пройти этот путь! Ему было больно, оттого что он никогда не дойдёт до заветной цели, но он смирился с этой болью. Так порой всего одна ошибка, полностью меняя судьбу, делает поставленную цель призрачной и недостижимой.

*

Он отчаянно сражался с тьмой до последнего удара сердца, отдав все душевные силы этой борьбе. Но оставил этот мир, так и не выбравшись из тьмы. Он не знал, что тьма – это просто отсутствие света и существует только до тех пор, пока в неё не проникнет свет.

Сам стань источником Света, если выбрал пребывать в Свете. Но позволь выбравшим тьму оставаться во тьме.

*

Он вошёл в храм своей души под торжественную музыку Небесных Сфер, но, переступив порог, оказался в тёмном и душном чулане. Теперь он знал, что храмы, как и души, бывают всякими.

*

Человек так долго скитался по жизни, что забыл дорогу Домой. Он исходил тысячу чужих дорог, чтобы найти свою, пока Путь не привёл его к порогу Мудрости. Он понял, что Дом там, где пребывает его Дух, и что не нужно ничего искать – твой Дом всегда с тобой.

*

Гусеница так хотела летать – она перепробовала тысячу способов, чтобы этому научиться. Но ни один из них ей не помог – ведь у неё не было крыльев.

Только полное преображение способно изменить судьбу. Это преображение подобно смерти и новому рождению. Гусенице не нужно пытаться отрастить крылья – ей просто следует дождаться своего часа, чтобы стать бабочкой.

*

На человека обрушилось счастье. Счастье было таким невероятно большим, что человек испугался и отказался его принять: оно просто не вмещалось в его тёмный и тесный мирок. Ему вполне хватило бы маленького человеческого счастьяца. Глупец! Он не знал, что счастье маленьким не бывает. Пытаясь отщипнуть кусочек для себя, ты теряешь всё.

*

Огромная радуга раскинулась через всё небо. Но никто её не заметил. Люди не привыкли поднимать глаза вверх. Они были заняты более серьёзными и важными делами, чем лицезрение нечастого, но всё же обычного природного явления, от которого им не было ни проку, ни толку.

*

Человек не делал ничего плохого. Он только всю жизнь загораживал свет, и люди обходили его стороной. А человек не замечал света – он стоял к нему спиной и всматривался во тьму.

*

Каждый день он благодарил Посылающего ему дары. Он не знал, что передающий дары и принимающий их тоже нуждаются в благодарности, чтобы принятие было полным и радостным для всех.

*

Её боль была так нестерпима, что она не могла больше оставаться в этом мире. Но смерть не приходила на её призывы, и она сама шагнула её в объятия. Она не знала, что невозможно покинуть этот мир по собственному произволу – можно лишь разрушить тело, но не душу. Душа оказалась запертой в этом мире. Одна, наедине со своей болью. Тело – инструмент, способный помочь ей всё исправить, чтобы избавиться от боли, был уничтожен и потерян для неё навсегда.

*

Ему не нравился этот мир. Жизнь за жизнью он пытался его изменить, пока не понял, что мир своей мечты он может сотворить только сам, используя все инструменты, которые были ему для этого даны: тело, разум и чувства.

*

Она всю жизнь защищалась от людей. Яростно боролась, не понимая, что её внутренний мир не нуждается в защите, потому что никому недоступен, а внешний – потому что никому не принадлежит.

*

Он всегда улыбался. При любых обстоятельствах. Окружающих это так раздражало, что они изо всех сил старались задеть его, ранить, обидеть, уколоть – только бы согнать улыбку с его лица. Но он всё равно продолжал улыбаться им в ответ.

Люди не знали, что обидеться способен лишь тот, в ком уже живёт обида. Но если её нет внутри, то она не проявится и снаружи.

*

Он родился умеющим летать в мире, где было принято ползать. Всю жизнь ему приходилось скрывать свой дар, чтобы его приняли за своего. Но этого так и не случилось – ползающие всегда ощущали в нём чужака и относились к нему с недоверием и враждебностью.

Он не знал, что пришёл в этот мир, чтобы взлететь, заставив ползающих поднять глаза к небу. Это изменило бы их навсегда. Он боялся одиночества, но оно всё равно стало его делом на земле, а могло быть – в небе.

*

Преобразование произошло за одну ночь. Однажды проснувшись, он понял, что стал другим. И этот другой обладал способностью видеть людей изнутри. Он видел, что его окружают пустые телесные оболочки, мёртвые, выгоревшие, лишённые души. Прежде он даже не догадывался, что на Земле не так уж много действительно живых и действительно людей.

*

Её путь к заветной цели был слишком долг и труден. И когда каменный дом с черепичной крышей, увитый плющом и окружённый зелёной изгородью, приветливо распахнул ей навстречу резную калитку, она вошла внутрь, не задумываясь. И осталась там навсегда. Она забыла о том, зачем отправилась в путь. Этот замечательный дом оказался ловушкой. Он поймал и пленил её душу, и она попала, как бабочка в сачок. Она не знала, что ловушка может быть красивой и привлекательной.

*

В мире душ они поклялись друг другу, что непременно встретятся на Земле, чтобы уже не расставаться. И они встретились, но не узнали друг друга. Она была госпожой, а он – её конюхом.

Они не знали, что в мире тел есть барьеры, которые даже души не в силах преодолеть.

*

В его дверь постучали. Он открыл её, но снаружи никого не было, только ворвавшийся ветер незримо прошелестел по дому.

Он ещё не знал, что разрушительный ураган приходит к нам лёгким дуновением ветерка.

*

И спросили его люди, когда час его пробил:

– Ты боишься прихода смерти?

Он ответил им невозмутимо:

– Как могу я бояться ту, что всегда рядом? Она привела меня в этот мир, и она же уведёт обратно. Не смерть приходит за мной – это я прихожу и ухожу, она же меня никогда не покидает.

*

Он называл себя ловцом душ. Они летели на его свет, как мотыльки на огонь. Но этот огонь не сжигал их: он превращал хрупких и глупых однодневок в вечных сияющих ангелов Света.

*

Они жили на одной планете и даже на одной улице, но в разных мирах. Она – в мире волшебства и невероятных превращений. Он – в мире логики и здравого смысла. Поэтому когда их миры соприкасались, они не понимали друг друга, хотя говорили на одном языке, знали друг друга много лет и были связаны кровными узами.

*

На Земле карлики и великаны духа живут в примерно одинаковых по размеру человеческих телах. Наверное, поэтому великанам часто кажется, что они карлики, а карлики уверены в том, что они великаны. Всё решает распределение между ними глупых и ничтожных земных человеческих игрушек. Но это заблуждение длится недолго – для каждого оно заканчивается вместе с его пребыванием в этом мире и в этом теле.

*

Её ум был настолько хитёр, опытен и изворотлив, что она принимал его голос за голос души. Она не знала, что душа общается не словами, а чувствами, и исходят они не из головы, а из сердца.

*

Всё в её жизни было не то: не тот муж, не то окружение, не та страна, не та квартира, не та профессия, не та работа, не те события, не те обстоятельства. Словом, не та судьба. Она не понимала, что просто мысли у неё были не те. Ведь именно они создали всё остальное.

*

Его сверхъестественная удачливость раздражала всех без исключения, вызывая у окружающих разъедающую сердце зависть. Люди не подозревали, что он пришёл в этот мир, чтобы вызывать у них совсем другие чувства. Испытывая радость за него и искреннее восхищение, они сделались бы не менее удачливыми.

*

Утром они сильно поссорились. И он выбежал из дома, даже не попрощавшись, а вечером, вернувшись, узнал от соседки, что она умерла по дороге в больницу через пару часов после того, как они расстались.

– Она что-то сказала? – ещё не до конца осознав услышанное, прошептал он.

– Она попросила у тебя прощения, – ответила соседка.

Он не знал, что нужно прощаться, прощать и просить прощения до того, как придёт смерть, а она может прийти каждое мгновение.

*

Ему нравилось преодолевать препятствия на пути, ведущему к поставленной цели. Для него важна была не цель, а сила, которую давало преодоление. Сила служила наградой.

А ей доставляло удовольствие получать желаемое. Она не замечала препятствий. Она пришла в этот мир не за силой, а за исполнением желаний. И они всегда исполнялись.

Каждый получает то, за чем приходит. Но самое бесценное, что он может получить, – это опыт. Только его уносишь с собой. Всё остальное остаётся здесь.

*

Люди хотят быть счастливыми и делают всё возможное и невозможное, чтобы достичь своей цели, но всё равно становятся несчастными. Ах, если бы они могли понять, что счастье – это процесс, а не цель!

*

Принято считать, что перед человеком открыто множество дорог. На самом же деле их всего две. Одна ведёт наружу, в мир внешний, другая – вглубь, в мир внутренний. И выбор между ними решает всё, потому что первая ведёт на погост, вторая – в Вечность.

*

Людская молва утверждает, что лёгкая смерть – удел чистых душ. Но сколько святых праведников покинули этот мир распятыми, растерзанными, замученными, зарубленными, сожжёнными и похороненными заживо! Они покидали этот мир, как преступники, потому что и те, и другие преступали черту дозволенного человеку. Только одни исчезали в чёрной дыре небытия, а другие возносились в Свет.

*

Её душа была так огромна, что не вмещалась в этот крошечный мирок. И тогда ей пришлось втиснуть в тело лишь маленький кусочек своей необъятной души. В этом тёмном крошечном мирке злобных карликов и бездушных пигмеев все относились к ней одинаково – как к дурочке, а называли по-разному: блаженной, безумной, убогой, увечной, юродивой. А после её смерти вдруг стали дружно именовать святой.

*

«Будь собой!» – говорили ему. «Каким собой? – переспрашивал он. – У меня так много личин, и в каждой из них я разный».

Говорившие удивлённо замолкали в ответ. Но он не нуждался в ответе, ибо знал, что быть собой – вовсе не означает стать одной, пусть даже самой лучшей из своих личин, а сплавить их все воедино.

*

Сколько трагических историй любви прожито, написано и рассказано на этой планете! Люди забыли, что трагедий в любви не бывает. Все трагедии – из-за отсутствия любви.

*

Человеческое существо напоминает семя, которое падает с Неба на Землю, чтобы прорасти волшебным цветком. И если почва оказывается благодатной и бутон распускается, то на источаемый им аромат прилетает бабочка, чтобы собрать нектар – саму суть цветка. Так человек становится богом, соединив в себе земное и небесное.

*

Перед человеком – множество закрытых дверей. Но у него непременно должен быть ключ, которым можно открыть нужную дверь, предназначенную ему судьбой. Однако люди либо топчутся у порога, рассчитывая, что её откроет кто-то другой, либо используют лом, если ключ не подходит, либо бегают в поисках своей двери, стуча во все подряд.

Встречаются ловкачи, которые ухитряются проскочить в дверь, распахнувшуюся вовсе не для них, или проникнуть внутрь силой, либо обманом, украв чужой ключ. Иногда им даже удаётся заполучить всё, о чём они мечтали, но только не счастье.

*

Люди в этом мире подобны шахматным фигурам на доске, поделённой на два поля, на два цвета. А когда-то и чёрные, и белые были одним деревом, из которого их выстругал мастер. Так, худшие из нас, и самые лучшие – пришли из одного Источника Любви. И туда же возвратятся, когда закончится очередная разыгранная партия и все возвратятся в одну волшебную коробку. До следующей игры Творца.

*

Двое встретились и полюбили друг друга, поэтому решили больше не расставаться. Это они так думали. А на самом деле – эти двое встретились и решили больше не расставаться, чтобы научиться любить друг друга.

*

Он делал глупости и совершал ошибки и досадные промахи, но иногда ему удавалось быть почти идеальным. Это были худшие дни в его жизни.

*

Каждый, подобно зданию, изначально спланирован и построен под своё предназначение. Один – как библиотека, второй – как бордель, третий – как школа, четвёртый – как неприступная крепость, пятый – как храм, шестой – как торговый центр. При распознавании назначения того или иного строения, даже если отсутствует вывеска, очень трудно совершить ошибку, но многим это всё-таки удаётся.

*

Ангелу захотелось поиграть в человека. Он облачился в одежду из плоти и спустился на Землю. Но игра для него сразу же закончилась. Он не знал, что телесная оболочка обладает свойством стирать память и заставляет верить, что всё по-настоящему.

*

Она писала волшебные стихи, которые срывали засовы с сердец и заставляли плакать даже самых суровых и бесчувственных. Её талант люди называли Божьим даром. Они не знали, что ни один дар не даётся даром и что эту её способность никто ей не дарил – до уровня мастерства она отточила её сама, потратив на это множество часов, лет и жизней.

*

У человека случился паралич воли. И он сразу стал изгоем. Люди сострадают тем, у кого парализовано тело, но почему-то считают, что несчастные, у которых парализована воля, не нуждаются ни в сочувствии, ни в понимании, ни в утешении.

*

Люди хотят знать правду. Они не подозревают, что у правды не меньше вариантов, чем у лжи. У каждой человеческой эмоции – своя правда. Какой плоской, одномерной и скучной была бы жизнь при наличии всего одной правды...

*

Голодная ворона издали наблюдала за тем, как люди кормили лебедей в пруду, не обращая на неё никакого внимания.

«До чего же уродливые птицы, – подумала она. – Но и у уродства есть своё неоспоримое преимущество. Оно способно вызывать жалость к несчастным. Будь лебеди столь же красивы, что и вороны, люди никогда не кормили бы их».

– Каждому своё! – удовлетворённо каркнула ворона и, расправив крылья, полетела на поиски ценителей красоты.

*

Человек никогда не ходил в храм. Как-то раз ему повстречался местный священник, который, желая пристыдить его, спросил: «Что ты скажешь Всевышнему, когда предстанешь перед Ним после смерти и взглянешь Ему в глаза?»

Человек, не задумываясь, ответил: «Неужели нужно умереть, чтобы предстать перед Всевышним? Я встречаюсь с Ним каждый раз, когда смотрю в зеркало. И, встретившись взглядами, мы неизменно говорим друг другу: «Я люблю тебя».

*

Один ценитель красоты ловил бабочек на лесной поляне. Его занятие казалось ему волшебным действием. Но как только он поймал одну крылатую прелестницу в сачок и, проткнув её хрупкое тельце иглой, пришил к куску картона, красота исчезла, а волшебство закончилось – и он остался наедине со смертью.

*

Его обманывали раз за разом, а он был настолько наивен и простодушен, что продолжал верить, будто не желая извлекать горький опыт из прежних ошибок. Люди смеялись над ним и называли «дураком». Но разве не так же поступает Бог, вновь и вновь давая нам шанс начать всё сначала. Мы в очередной раз приходим в этот мир за опытом, но, покидая его, выплёскиваем вместе с прошлым и весь опыт.

*

У одного из двоих было куда пойти, когда ему было плохо. А другой был тем, к которому приходили те, кому было плохо. Жизнь каждому дарует то, в чём он нуждается.

*

Чтобы защититься от ведомых и неведомых врагов, она выстроила вокруг себя надёжные крепостные стены. Но смертельные удары ей наносили те, кто жили рядом, по эту сторону стен.

Можно спрятаться от тех, кого ненавидишь, но как спастись от тех, кого любишь?

*

Их было четверо. Один, самый решительный и самоуверенный, двигаясь к цели, просто обошёл гору стороной, ни на секунду не усомнившись в правильности своего решения. Второй, самый мечтательный и романтичный, имея тягу к красоте, но, не желая напрасно тратить силы, остановился у подножья, чтобы со стороны всласть налюбоваться на её почти отвесные склоны, уходящие в поднебесье. Третий, самый рассудительный и осторожный, тотчас начал строить планы о восхождении и преодолении, с головой погружившись в размышления о средствах и способах, но в итоге решил не рисковать ни средствами, ни жизнью.

А четвёртый, самый странный и непредсказуемый, подумал так: «Возможность взобраться на гору – это величайшая награда, даруемая мне небесами. Не стоит от неё отказываться».

Именно такие чудачки и покоряют вершины, даже невидимые, незнакомые и недосягаемые.

*

Он тратил свою жизнь на тело, потому что ничего другого у него не было.

*

Она всю жизнь помогала людям. Но не в решении их преходящих земных проблем, а в напоминании им о том, что они бессмертные небесные создания, у которых не может быть проблем.

*

Совершенный дух, облачившись в тело, решил поиграть с этим несовершенным миром. Но, заигравшись, поверил в собственное несовершенство. И донине мир играет с ним, как с забавной игрушкой, мечтающей о совершенстве.

*

В угоду глупому барану грозной львице, не встретившей своего льва, пришлось всю жизнь притворяться глупой овцой. Природу нельзя обмануть, но стадо – можно.

*

Он так долго притворялся человеком, что забыл о том, что он бог, и начал притворяться богом, чтобы забыть, что он человек.

*

Жило-было тело, обладающее сознанием и наделённое умом. Так бывает: думающее и говорящее тело вроде бы есть, а человека нет. И он может так и не появиться.

*

Он повелевал четырьмя стихиями. Однажды его спросили, как ему удалось подчинить их себе.

– Я выучил четыре правила, – ответил он. – Правило первое: огонь – самая сильная и устрашающая стихия, но три другие стихии способны её уничтожить. Правило второе: вода – самая тихая и спокойная стихия, но другие стихии способны легко нарушить этот покой. Правило третье: воздух самая незаметная и неосязаемая стихия, но без неё невозможно существование других стихий. Правило четвёртое: земля – самая близкая и родная стихия, но только пока у нас есть тело.

– И это всё? – удивился собеседник. – Тогда ты можешь выбрать и обучить этим правилам любого.

– Да, пожалуй. Но меня выбрали и обучили сами стихии.

*

Юноша обратился к духовному учителю с просьбой взять его к себе в ученики.

– Что ещё у тебя есть, кроме желания? – спросил учитель.

– Я потратил годы, чтобы прочитать великое множество книг, и просто переполнен знаниями, – ответил юноша.

– Теперь тебе придётся потратить столько же времени, чтобы освободиться от этого груза, – улыбнулся учитель. – Твоя наполненность нужна твоему тщеславию и твоей гордости. А мне необходима твоя пустота, чтобы я смог её наполнить.

*

Всю жизнь его ругали и оскорбляли. Ему было больно, но он свыкся с этой болью. И вдруг однажды он услышал в свой адрес слова одобрения и даже восхищения. Это было так неожиданно, что под лавиной обрушившихся на него чувств он умер. Для того, кого всегда хулили, похвала может быть смертельно опасна.

*

Она множество раз беременела, но выносить и родить так и не смогла. Она отказывалась понять, что беременность создают люди, а ребёнка даёт Бог.

*

Он делал всё возможное и невозможное, чтобы стать счастливым. Но у него не получилось. Ведь счастье не достигается и не приходит снаружи – оно неслышно и незаметно сидит внутри, ожидая, когда его заметят.

*

Он умел сочинять истории, но не умел их проживать. Оттого они получались нежизнеспособными и умирали сразу, как ложились на бумагу.

*

Человек, пришедший к духовному учителю, твёрдо заявил:

– Я согласен быть твоим учеником.

– Вопрос в том, согласен ли я быть твоим учителем, – улыбнулся тот.

– Я готов к любому испытанию, – не отступал человек.

– Много ли страданий ты пережил? – спросил учитель, оценив его настойчивость.

– О да! Люди часто были невероятно коварны и безжалостны по отношению ко мне.

– Что ж, я готов стать твоим учителем. Но прежде отправляйся к своим главным обидчикам и поблагодари их за полученный тобой опыт. Суровые уроки жесто-

кости и предательства заслуживают большей благодарности, чем благочестивые уроки милосердия и великодушия, ибо они требуют большей жертвы.

*

У человека всегда был выбор между смирением и гневом, между прощением и обидой, между участием и безразличием. И он неизменно выбирал второе, даже не догадываясь о том, что у него есть свобода выбора.

*

Учитель никогда не ругал, но и никогда не хвалил своих учеников. Однажды один из них спросил его о том, каковы причины такого поведения, на что учитель, не задумываясь, ответил:

– Кому должно быть адресовано порицание или одобрение – душе или личности? Душа не нуждается ни в том, ни в другом. А личность нуждается только в душе.

*

Он чувствовал себя несчастным и отвергнутым, считая, что в детстве родители недодали ему любви. Но те не могли дать то, что недополучили сами. В этом состоял его земной урок – научиться дарить любовь самому себе. Ведь истинная любовь начинается с себя. Всё остальное приходит вслед за ней.

*

Пустые скорлупки обвиняли землю в том, что неспособны прорасти. Семя в том же винило камень, упав на него по воле судьбы.

*

Его спросили:

– Ты веришь в чудеса?

Он ответил:

– А вы верите в реальность?

*

Человек хотел превзойти своего Создателя – и ему это удалось: он превзошёл Его в невежестве.

*

Он родился поэтом, но никогда не писал стихов. А она умела хорошо рифмовать и много писала. Они оба были несчастны: он – потому что не писал, она – потому что писала.

*

У ума, в отличие от души, не было крыльев, но он был настолько хитёр и изворотлив, что, совершая машущие движения, убедил себя и других в том, что способен летать.

*

Океан его любви давно уже высох, а волны всё ещё бились о берег его судьбы.

*

Для человека счастье показалось слишком тяжёлой ношей. Поэтому он решил шагать налегке, оставив его на обочине дороги.

*

Окружённому толпой зевак чудотворцу, воскресившему покойника, кто-то крикнул в сердцах:

– Неужели тебе не хватает мудрости, чтобы понять, что не мёртвые нуждаются в воскрешении, а живые!

На что тот ответил:

– В отличие от живых мёртвые не сопротивляются собственному воскрешению.

*

У человека было полное право быть несчастным. И он успешно пользовался этим правом всю свою жизнь.

*

Святого спросили:

– Как ты избавился от своих внутренних демонов?

– А кто вам сказал, что я от них избавился? Борьба заканчивается с последним ударом сердца, – ответил святой.

*

Человек получил в жизни всё, кроме счастья. Когда он покидал этот мир, ему пришлось оставить всё, что имел. Он не знал, что с собой можно взять только счастье.

*

На свете жили два безнадёжных глупца. Один глупец знал о своей глупости, поэтому был очень несчастен. Другой глупец даже не подозревал о том, что он глуп, и поэтому был абсолютно счастлив.

Для счастья не обязательно быть умным. Иногда просто достаточно не знать о своей глупости.

*

В этом мире люди часто теряют голову и обычно всё же её находят. Но ещё чаще они теряют душу. Эта потеря оказывается невозполнимой, а люди её даже не замечают. Потеря души не так заметна, как потеря головы.

*

У дороги, ведущей в город, сидел нищий, который, получив от прохожего мелкую монету, неизменно произносил одну и ту же странную фразу:

– Поднимись, прежде чем упасть.

Поймав в ответ недоумённый взгляд дарителя, нищий тотчас добавлял:

– Меня поймёт лишь тот, у кого есть крылья.

Люди не знали, что иногда устами нищего безумца с ними говорит Бог.

*

Некто, заметив человека, барахтающегося в выгребной яме, попытался вытащить его оттуда.

Но тот, оттолкнув его руку и запачкав нечистотами, гневно воскликнул:

– Что ты делаешь, незнакомец?!

– Я всего лишь хочу вытащить тебя из ямы, – улыбнулся некто.

– Зачем? – пожал плечами некто. – Я здесь живу.

Некоторым просто необходима зловонная грязь – только она способна исцелить их.

*

Люди думают, что смерть приходит за каждым. Это их самое большое заблуждение. На самом деле у каждого есть шанс покинуть этот мир через другую дверь. И были те, кто этим шансом воспользовались.

*

Люди продолжают верить, что пророки приходили в этот мир, чтобы воскрешать мёртвых. Знали бы они, что единственной целью пророков было воскрешение живых.

*

Человек должен уподобиться цветку, корни которого в земле, а стебель тянется вверх, чтобы распустившийся цветок увидел солнце.

Но люди предпочитают оставаться семенами и, пролежав свой век, бесславно сгнить в земле.

*

Весной в муравейнике появился муравей с крыльями. Обитатели муравейника сторонились его, считая выродком и отвратительным мутантом.

– Зачем крылья тому, кто живёт под землёй? – здраво рассуждали они.

Невежды не знали, что скоро их муравейник зальёт талая вода и все они погибнут, а он сможет улететь, чтобы продолжить муравьиный род.

*

Люди всегда любили страдальцев: чужие страдания позволяли им забыть о своих, а некоторым – ещё и вырасти в собственных глазах, выражая жалость и сострадание по отношению к страдальцу. Это не было проявлением их божественного начала, а всего лишь стадным инстинктом их животной составляющей.

*

Она родилась представительницей женского пола. Была кому-то дочерью, кому-то – женой, а кому-то – матерью, чьей-то родственницей была, возлюбленной, воспитанницей, подругой, соседкой, побыла работницей, гражданкой какой-то страны. На подмостках жизни она исполнила множество ролей, успешно или не очень меняя маски. Но женщиной так и не стала. Почему? Да потому что женщина – это не состояние тела или ума. Женщина – это состояние сердца, особое мастерство и экзотическое таинство духа. И всем сыгранным ею персонажам не хватало сердца, мастерства, экстаза, тайны.

*

Люди приходят в этот мир плести узор своей жизни. Для этого им необходимы две краски, имеющие множество оттенков, – свет и тьма. Из двух нитей бытия их усилиями создаётся неповторимый узор судьбы, в котором переплетены свет и тьма непостоянных и переменчивых чувств человеческих.

*

У него на жизнь были свои планы, а у жизни на него – свои. Борьба шла с переменным успехом, но никто не хотел сдаваться. В конце концов, победу одержала смерть.

*

В огромном океане плыли две маленькие рыбки.

– Доплыть бы до цели, – сказала одна.

– Воды бы хватило, – отозвалась другая.

*

Жизнь на Земле всегда заканчивается печально. Печально для тех, кто остаётся. Для тех, кто уходит, она продолжается.

*

Людей она оценивала по их отношению к книгам и животным. Человеки оценке не подлежали, а нелюди оценке не поддавались.

*

Люди отгородились друг от друга границами, выставив защитные кордоны. Они не желали объединяться даже перед лицом надвигающейся катастрофы. Яростный огонь, пришедший с небес, обрушился на планету и, сметая кордоны, уничтожил все границы. Людей не смогла объединить ни дарованная им цветущая изобильная земля, ни ужасающая своими размерами и силой катастрофа. Их объединила неправимая беда и выжженная дотла безжизненная пустыня. Не справившись, Жизнь перепоручила их Смерти.

*

Он учил летать только тех, у кого были крылья. Бескрылые называли его шарлатаном. А крылатые улетали, едва встав на крыло.

*

Он забрался в её душу тайком и долго потерянно плутал по тёмному, запутанному лабиринту, но остаться в ней так и не решился. Ему было страшно и одиноко в этой безрадостной пустынной вселенной

*

Оптимист сказал: «Всё будет хорошо».
Пессимист возразил: «Всё будет плохо».
Реалист заметил: «Всё уже есть».

*

Пчела – это душа, а тело – цветок. Собирая нектар опыта, пчела возвращается в улей, не ведая о том, кому и зачем предназначен накопленный ею мёд.

*

Святого спросили:

– Кто ты – звезда, её тень или туман вокруг звезды?

– Я – и звезда, и тень, и туман, – ответил тот. – А люди предпочитают, прячась в тумане от звезды, прикидываться её тенью.

*

Он убедил себя в том, что он неудачник. Человека можно убедить в чём угодно: в том, что он ничтожный пигмей или всемогущий исполин, прах земной или дух вездесущий. Его трагедия в том, что он верит в то, в чём его убедили. Его величие в том, что он может стать тем, во что поверит сам.

*

Этот мир был выстроен мужчинами под самих себя. Но даже им в нём холодно, одиноко и неуютно.

*

Мир делился с ним всем, что ему было нужно. Всё, что было ему не нужно, он брал сам. Нужное оставалось с ним. Ненужное уходило, часто с болью, или, оставшись, причиняло боль, разрушая его жизнь.

*

Он долго ходил со свечой, пытаясь осветить тьму, прежде чем обнаружил, что его свеча не зажжена.

*

Зажжённая свеча страшно гордилась своим огнём. Глупая не понимала, что он сокращает срок её жизни, и что людям важен огонь, а не она сама. Огонь же и вовсе её не замечал. Она была для него лишь средством, через которое он мог проявиться.

*

Свою пустыню он носил с собой и поэтому, живя у озера, в страшных муках умирал от жажды.

*

Он тратил время на попытки, а не на действия. Поэтому его жизнь так и осталась попыткой.

*

Из года в год он расширял свою образованность, методично сокращая душу.

*

Он потерял Бога в сердце, но пытался найти Его в храмах. Вместе с Богом он безвозвратно потерял память и веру в себя.

*

Его мудрость рождалась долго и мучительно, но плод оказался мертворождённым, потому что акушером был ум, оттеснивший душу.

*

Один искал опору снаружи, другой – внутри. А третий – разрушал все опоры. Он сам стал опорой для тех, кто в ней нуждался.

*

Он любил правду больше, чем людей, и оставался верен ей даже тогда, когда она разрушала жизни и ломала судьбы.

*

Каждый ощущает своё одиночество в этом мире. Но лишь немногие не ощущают это как трагедию.

*

Его жизнь была спокойной и однообразной, как гладкая, прямая дорога с редкими прохожими. Он прошёл свой путь легко и непринуждённо, так и не узнав простой истины: мы растём теми людьми и препятствиями, о которые спотыкаемся и падаем. Нам нужно только научиться вставать и идти дальше.

*

Он так и не дошёл до цели, поэтому считал себя неудачником. Он не знал, что смысл не в том, чтобы дойти до цели, а в том, чтобы иметь цель и идти к ней.

*

В очередной раз отправляясь в путешествие по дальним странам, человек чувствовал себя таким свободным!.. Несчастный узник этого мира, он не понимал, что вовсе не покидает стен своей тюрьмы.

*

– Теперь ты готов отправиться в Путь.
– Куда?
– Внутрь, конечно. Твоё внешнее путешествие уже подошло к концу. Разве ты этого не заметил?

*

Все свои действия он совершал во благо большинства, но этого блага никто не замечал. А его действия тому самому большинству казались бессмысленными и бесполезными.

*

Летучая мышь так удачно притворилась ночной бабочкой, что все ей поверили. Летучей мышью она была обыкновенной, а бабочкой – стала поражать всех размахом своих крыльев.

*

Колдунья предсказала ему скорое начало нового этапа в жизни. Через месяц он покинул этот мир. Он не знал, что новый этап в жизни может начаться за пределами тела.

*

Блохи на собаке яростно воевали за территорию, деля сантиметры её искусанного тела. Измученная надоедливými тварями, она окунулась в ручей, и их смыло проточной водой.

*

Случилась непоправимая трагедия. Человек потерял иллюзию. Это стало самой страшной потерей в его жизни, потому что, кроме иллюзии, у него ничего больше не было. Не приобрёл он Истинного. Не успел. Променил Вечность на иллюзию. Сокрушаясь о своей мнимой потере, он так и не понял, что потерял Вечность.

*

Художник, написав множество гениальных картин, решил, что обрёл бессмертие. Он не знал, что земного бессмертия не бывает, потому что сама Земля смертна.

*

Он всегда жил с ощущением, что у него всё ещё впереди. Он не знал, что «всё» всегда – здесь и сейчас.

*

Иллюзорный человек, живший в иллюзорном мире, нисколько не сомневался ни в реальности мира, ни в реальности себя самого.

*

Человек потратил много усилий, чтобы вытащить кикимору из болота. Он хотел спасти её и помочь начать новую жизнь. Но когда ему это наконец удалось, она умерла, потому что кикиморы могут жить только в болоте.

*

Гусеница и земляной червь полюбили друг друга. Их отношения продолжались до тех самых пор, пока гусеница не окуклилась. Червь страдал, считая, что она закрылась и отдалилась от него. Но когда возлюбленная вернулась, она стала другой настолько, что червь не узнал в ней прежней гусеницы. Всё между ними закончилось так же внезапно, как началось, потому что мир бабочек червю недоступен.

*

Она заснула в одном мире, а проснулась в другом. Утром он обнаружил лишь пустую смятую постель.

*

Она прождала его всю жизнь в полном одиночестве. А встретились они только на небесах.

*

В её маленьком ограниченном мире была только она одна. В большом безграничном мире был только Бог. И эти два мира никогда не пересекались.

*

Человек долго стучал в закрытую дверь, но ему так и не открыли. Он повернулся и ушёл прочь. А нужно было всего лишь толкнуть дверь рукой – она была не заперта.

*

Человек всю жизнь искал Истину, но так и не нашёл её. Он не знал, что не может быть объективной истины в иллюзорном мире.

*

Голова жила своей самостоятельной жизнью, а сердце – своей. Они никогда не встречались, у них не было в этом потребности, но оба страдали, и страдал человек. А что он мог сделать, если ни сердце, ни голова не подчинялись ему? И он всю жизнь метался между ними, такими разными... но так и не обрёл цельность.

*

Человек был упрям и несговорчив. С кем он спорил? С кем сражался? С жизнью. Долгие годы проведя в борьбе, он так и не смог с ней договориться. Кто одержал победу? Нетрудно догадаться...

*

Люди удивлялись, откуда она знает то, чего не знают они, ведь ей ни разу не довелось покинуть свою маленькую горную деревушку. Никто из жителей не догадывался, что она умела разговаривать со звёздами, и они делились с нею всеми тайнами.

*

Он был так огромен, что не вмещался в этот крошечный мирок. Но любопытство победило, и он сунул в него один палец. И застрял в нём навсегда.

*

В круговерти жизни столкнулись два сердца. Одно разбилось вдребезги, а другое даже не треснуло.

*

Лампочка так долго притворялась солнцем, что сама поверила в это. Верила до тех пор, пока не перегорела.

*

Встретились как-то философ и реалист.

– Мир сошёл с ума, – заметил философ.

– Это его естественное состояние, – отозвался реалист.

– И что же делать? – спросил философ.

– Играть с каждым в его игру, сохраняя разумность, – ответил реалист.

– Но так же можно и самому сойти с ума.

– Можно, но не нужно. Быть может, тебе повезёт – и ты встретишь тех, кто только притворяются сумасшедшими.

– А такие попадаются?

– Ну я же тебе попался.

– Тогда давай поиграем в тех, кто сумел не сойти с ума.

– Давай.

*

Он жил в маленькой неказистой лачужке, но внутри она была великолепным дворцом с анфиладами просторных парадных залов необычайной роскоши и красоты. Правда, об этом знал только он один, потому что никто никогда не проявлял желания даже постучаться в его дверь.

*

Они встретились Душами – и полюбили друг друга. Они встретились телами, но разминулись, не узнав друг друга.

*

Человек привык доверять своим органам чувств. Он был уверен, что они его никогда не обманывают. Но именно они постоянно лгали ему, превратив его жизнь в бесконечную ложь, которую он принимал за истину.

*

Он вышел из себя на минутку, а ушёл на целую жизнь, так и не вернувшись обратно.

*

Состарившийся богач обратился к нищему дервишу преклонных лет с такими словами:

-- Ты потратил целую жизнь на служение неведомому Богу, а я – исключительно на удовлетворение своих собственных желаний. Ты изнурял себя молитвами, пока я получал удовольствие от власти и от женщин. В итоге мы оба окажемся в могильной яме, чтобы стать пищей для червей. Но я ехал к могиле в самых роскошных авто, меняя дорогие костюмы и ублажая свою плоть изысканными яствами и напитками, а ты тащился пешком, босой, со сбитыми в кровь ногами, в едва прикрывающих тело жалких лохмотьях, страдая от голода и жажды. Какой прок в твоём служении, если пункт нашего назначения – один и тот же?

– Ты жил в этом затхлом мире, довольствуясь его подачками, а я пребывал в Царстве Божьем, наслаждаясь его дарами. Мой взор был обращён внутрь, а не вовне, и я зрил то, что тебе недоступно. До могильной ямы наши тела доберутся разными путями, но и мы, их обладатели после погребения тел отправимся в разные обитатели: ты – в бездну небытия, а я – в Свет Вечности, – ответил дервиш.

*

В малюсенькой вселенной, на игрушечной планетке жили крошечные разумные существа, называвшие себя людьми и считавшие свою вселенную бесконечной. Они забыли о том, что на самом деле они Исполины и что каждый из них больше, чем сама их вселенная. А тех, кто приходили, чтобы напомнить им об этом, они с проклятиями и насмешками гнали прочь, чтобы, в конце концов, предать долгой и мучительной смерти.

*

Ум и сердце сражались за человека. Ум победил, но не успел отпраздновать победу: сердце разорвалось от горя и тоски.

*

Люди мучились вопросом, что появилось раньше – курица или яйцо. Они никогда не задавались другим вопросом – что было до яйца и курицы и Кто их создал.

*

Человек отгонял плохие мысли и оставлял хорошие. Он не знал, что и те и другие приходят из одного источника и у них у всех одна цель – прорасти в нём, потому что он служил им пищей.

*

Люди удивлялись тому, что её глаза всегда излучали радость, на что и на кого бы она ни смотрела. Они даже не догадывались, что её взгляд направлен внутрь, а не вовне, и созерцает она совсем не те образы и не картины, которые видели они.

*

Этот мир создавался для людей, но кошки об этом не знали и поэтому считали что – для них. И люди не могли их в этом разубедить, потому что не знали, как.

*

Честолюбивый и любознательный юноша, желающий заглянуть за непроницаемую завесу извечной тайны бытия, спросил как-то у седобородого мудреца, для которого не осталось больше загадок в этом мире:

– Скажи мне, о почтенный старец, как мне научиться видеть то, что скрыто от всех остальных?

– Пока ты не вылупился из яйца материи, твой обзор ограничен только теми картинками, которые тебе транслирует мир на обратной стороне твоей скорлупы, – ответил мудрец.

РУССКИЕ ПОЭТЫ О БАКУ

ВИКТОР МАНУЙЛОВ
(1903-1987)

ИЗ ПОЭМЫ «1925»

Так в эти дни, – когда сама
С ума свихнулась мать-природа,
Сбежала с севера зима
И перепуталась погода:
Весна на севере, а юг
Оглох под завыванье вьюг.
Замерз Аракс под небывалым
Буранно-белым покрывалом,
И говорливая Кура
Пришла в смятение и ужас;
Под ледяной корой натужась,
Она боролась до утра,
Пока не уступила вьюге
И не замолкла подо льдом,
И горы, в горе и испуге,
Сгрудились гордые кругом.

И даже здесь, в Баку любимом,
Шальная русская зима
Заволокла мятежным дымом
И минареты и дома;
Напрасно кутались татарки
В свой разрисованный и яркий,
Как крылья, трепетный платок, –
Платок татаркам не помог;
Напрасно в море с вихрем белым
Бессильный спорил рыболов,
Одни лишь клочья парусов
Над ним трещали, оробелым,
Да снег, с оснеженной земли,
Летел непобедимой тучей,
И брошенные корабли
Искали смерти неминучей.

Рождался двадцать пятый год
В таком смятении и шуме,
Что поседел весь юг, и вот
Замерзли кактусы в Батуме.
И в эти дни самой судьбой
В мятели встретиться с тобой
Мне было суждено, подруга!
Ты помнишь, как взметалась вьюга,

Гоня в отгулье голоса,
Как ночь звенела зимним хладом,
Как было сладко тронуть взглядом
Твои крылатые глаза!?

ТАТЬЯНА СЫРЫЩЕВА
(1915-2008)

Внутренний город

Десять минут от дома идти
улицей, полной света.
Десять, не больше, минут пути.
Памятны все приметы.
Вот и пришла в Ичери-шэхэр,
внутренний город тесный.
Камень дворца желтовато-сер,
мало воды здесь пресной.
Камень дворца желтовато-хмур,
улочки очень узки.
В доме беленом заснул Теймур,
внук наш, на четверть русский.
Польша – помимо России – в нем.
Азербайджан... Украина...
Спит этот сложный ребенок днем,
дом я на час покину.
Краски взяла в Ичери-шэхэр.
Строго тут все, красиво.
Камень дворца желтовато-сер,
светится зелень ивы.
В сердце моем Закавказье, Русь,
реки, леса и горы...
Кончить работу я тороплюсь:
мальчик проснется скоро.

Морю Каспийскому

Синее начало
лет моих и дней,
ты меня качало
на волне своей.
В темную пучину
прикрывая путь,
ты меня учило
плыть и не тонуть.
Город светлых башен,
стройных кораблей
был еще украшен
синевой твоей.
Ширь с каймой песчаной,
дальняя Хвалынь,
теплою моряной

на душу нахлынь!
У меня тут вволю
неба и травы.
Мне бы горстку соли –
горькой синевы.

МАРК ШАТУНОВСКИЙ
(р. 1954)

Баку. Зарисовка

солнце пересыпается в песочных часах,
воздух свален в груду стеклянных баллонов,
развешано небо на бельевых веревках и детских голосах
и приспущено почти до самых балконов.

во времени опрокинуты вертикальные дворы,
в каждом живет девочка, разучивающая гаммы,
и мальчик, рисующий обломком жары
пейзажи, вставленные в золоченные рамы.

ПЁТР ДАВЫДОВ
(р. 1957)

Привет, Баку, как ты живешь, дружище?
Что нового и как идут дела?
Ты бризом нефтяным, как прежде дышишь,
И голова от облаков бела.

Мы так давно не виделись с тобою...
Согласен, – целиком моя вина.
Жизнь стала сумасшедшею такою.
Нет времени присесть, попить вина.

Нет времени задуматься о вечном,
Понять друзей из юности своей.
Мы иногда теряем их беспечно,
А новых не найти уже друзей.

Как хорошо в Баку проснуться утром,
Сказать ему признания в любви...
По улицам пройти знакомым будто.
Все улицы по-прежнему – твои.

Мне не хватает близости, порою,
Хочу открыто говорить с тобой!
Всю душу я перед тобой открою...
Привет, Баку... Ну, здравствуй, мой родной!

АЛЕКСЕЙ МАШЕВСКИЙ
(р. 1960)

Комплекс дворца Ширваншахов в Баку

Из первой книжки «Летнее расписание», 1989.

Оказывается, асфальт – красив,
Особенно сейчас, когда ложатся тени
От желто-серых стен, и солнечный прилив
Накрыл всю улицу, и пыль лежит, застыв.
Идешь... Известняковые ступени.
Поднимемся?.. Обветренных камней
Дворец не побоялся. Все нежней,
Спокойней свет, одушевленной блоки
Песчаника задумчивого. Чей
Весь этот мир, струящийся, далекий?
В саду – лиловый куст китайских роз,
Мечети, на пустые гнезда ос
Похожие, порталы – сталактиты –
Термитники... Кто выдумал, что вязь
Арабских букв напыщенна? Струясь,
Опасливо нащупывает связь
С горячим светом, обнимает плиты.
А эти звезды тоже ведь – любовь,
Не изразцовая, а впитанная в кровь,
В плоть камня. И неважно, что не ясен
Мне смысл мелких линий, завитков...
Есть собиратели копеечных значков,
Монет, идей, явлений, трудных слов,
И тихий мир их, видимо, прекрасен.

*Реестр имён русских поэтов, писавших о Баку, солиден.
Некоторые стихотворения и по истечению целого века на слуху,
ибо сочинены поэтами знаменитыми: Маяковский, Есенин.
Но «бакинская» тема – система открытая, и новые русские поэты
заново открывают Незнакомую Землю.*

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

НАШЕСТВИЕ КНИЖНЫХ ПРИШЕЛЬЦЕВ

Фантасты всех времен и народов озабочены проблемой вторжения из Космоса; но возможно ли купить планету Земля?

Как-то раз выпал свободный часок, и я заварил себе крепкого, душистого чаю, устроился у окна под лучами доброго осеннего солнца и взялся перечитывать «Кракен пробуждается» – роман английского фантаста Джона Уиндема, написанный в 1953-м году. Попутно поставил в музыкальный центр диск группы «Энигма»; в самом деле, под кого еще можно читать ладно скроенную фантастику, как не под «Энигму»?

...Прямо из глубин необозримого Космоса в глубины земных океанов сваливаются пришельцы. Они способны жить лишь в условиях колоссальных давлений, потому и поселяются в океанских пучинах. Казалось бы, что им до людей, и что людям, в свою очередь, до них? Можно ведь сосуществовать и на одной планете, совсем не мешая друг другу! Но нет – пришельцы, разумеется, жаждут завоевать Землю и извести человечество. Получается у них это не сразу, но постепенно пришельцы додумываются растопить полярные льды и устроить новый всемирный потоп...Все это протекает на фоне «холодной войны», и сверхдержавы – Советский Союз, США, Китай – вечно подозревают друг друга во всяческих кознях и мешают друг другу, вместо того, чтобы объединиться и дать пришельцам совместный отпор. И, похоже, раскол человечества перед лицом инопланетных агрессоров намного страшнее самой агрессии...

Я дошел до описания первого «огневого контакта» между людьми и монстрами из глубин (на берегу тропического острова, под сенью пальм), но тут притащилась моя черная, как смоль, кошка Багира и стала требовать внеочередной жрачки. Я отбивался как мог (ведь в это самое время на страницах книги из волн морских выползали на сушу полусферические «танки» инопланетян, а люди обстреливали их из автоматов и пулеметов, матерясь от бессилия!), но, в конце концов, путем грубого шантажа и неприкрытого вымогательства Багира заполучила порцию отварной кильки, а я, сбившись с темпа, положил книжку на подоконник и стал думать о том, сколько же раз фантасты описывали вторжение на Землю агрессоров из Космоса. Полагаю, один лишь перечень подобных произведений составил бы отдельную книгу. Истории и правдоподобные, и совершенно невероятные, и трагические, и смешные, и едкие, и нарочито гротескные, но – все об одном и том же: как существа из Космоса вознамерились завоевать Землю.

Принято считать, что самым первым литературным произведением на эту тему является роман «Война миров», созданный знаменитым английским писателем Гербертом Уэллсом. Но это не совсем так. Первым был, оказывается, не менее знаменитый французский писатель Жозеф Рони-старший. Многим из нас он известен прежде всего как автор трилогии о жизни первобытных людей («Борьба за огонь», «Пещерный лев», «Вамирэх»). Однако писал он также и фантастику, и даже считается классиком жанра. Но мало кто (кроме специалистов) знает, что еще в 1887-м году, за двенадцать лет до Уэллса, Рони-старший опубликовал повесть «Ксипехузы», которая и является, по сути, самым первым в мире литературным произведением, повествующим о вторжении инопланетян на Землю.

...Итак, в Месопотамии, за тысячу лет до возникновения Вавилона и Ниневии, появились неведомо откуда странные существа КСИПЕХУЗЫ, появились и тут же столкнулись с кочевыми племенами людей. Странные были создания эти ксипехузы – полупрозрачные конусы, призмы, цилиндры в половину человеческого роста. Они резво

передвигались по равнине, постоянно меняя форму своих тел, переговариваясь друг с другом с помощью световых вспышек и знаков, а людей испепеляли чем-то очень похожим на современный лазерный луч. Да и вообще, ксипехузы эти, судя по всему, вообще не были живыми существами, а представляли собой, говоря современным языком, нечто вроде мобильных компьютерных устройств с кристаллической структурой (я напоминаю, что это было написано в 80-х годах девятнадцатого века, когда даже смутных каких-либо представлений о принципах и о возможности создания компьютеров не существовало и существовать еще не могло!). Сначала люди дрогнули. Ну в самом деле, что могли сделать кочевники, вооруженные луками, копьями, ножами, против шастающих туда-сюда разумных кристаллов с лазерными пушками? Многие люди впали в пессимизм, говоря «человеку приходит конец». Но нашелся-таки среди кочевников лидер, который убедил все остальные племена объединиться против странных и страшных агрессоров. И объединенные силы человечества в жесточайшем многодневном сражении сумели одолеть пришельцев. Грубо говоря, земляне просто «взяли массой», навалившись на могущественных, но вместе с тем малочисленных ксипехуз. Однако для этой победы требовалось лишь одно неперемное условие – люди Земли должны были объединиться перед лицом опасности, нагрянувшей извне... Такая вот история, высеченная древними жрецами на гранитных плитах, дошла якобы до наших дней (по версии автора). Я еще раз напоминаю, что повесть эта вышла в 1887-м году; Рони-старшего следует уважать за его дальновидность, прозорливость и глубокомыслие. А если учесть еще и промелькнувшую в повести мысль автора о том, что любой механизм, пусть даже самый сложный, самый совершенный, но при всем при том бездушный – будет, скорее всего, враждебен человеку... то перед французским фантастом следует почтительно снять шляпу. Его фантазия намного опередила свое время.

А потом – да, потом был Уэллс. И его жуткая история о том, как марсиане пытались поработить Землю. Им нужна была теплая человеческая кровь, инопланетные десантники вливали ее себе (этого требовала, по мысли автора, физиология марсиан). Марсиане Уэллса моллюскоподобны, они – нелюди, и им чужды человеческие эмоции и человеческая мораль, и люди для марсиан – не братья по разуму, а всего лишь ходячие бурдюки с кровью... И вновь люди вначале бегут в панике, спасая свои жизни, и доблестные британские кавалеристы и артиллеристы бессильны перед марсианскими боевыми треножниками, тепловыми лучами и ядовитыми газами. Но Уэллс – тонкий психолог и очень хороший знаток человеческих душ. Да, солдаты и моряки отважно сражаются с пришельцами и героически погибают; но о единстве людей и речи быть не может, каждый спасает свою шкуру. Правда, кое-кто поговаривает об организованном сопротивлении марсианам, но в рамках романа, во всяком случае, эти разговоры так и остаются разговорами. И нет-нет, да и проскальзывают в словах некоторых персонажей мысли о том, что теперь придется выживать любыми средствами, путем частичного одичания или даже полного падения нравов, и озвучивается совершенно убийственная мысль о том, что со временем, возможно, кое-кто из людей станет сотрудничать с марсианами и даже будет помогать им ловить других людей... Но в конце романа инопланетные кровососы поголовнодохнут, сраженные земными микробами... Как видите, фантастического в этой истории только и есть, что марсиане, остальное все – правда, правда и еще раз правда. «Война миров» вышла в 1898-ом году, то есть в самом конце девятнадцатого века; в двадцатом веке человечество увидело и пережило нечто похожее – и фашизм (собственно говоря, чем нацист, для которого все остальные, «неарийцы», являются «недочеловеками», отличается от марсианина?), и войну с применением новейших технических средств, и оккупацию, и панику, и бегство, и сопротивление, и соглашательство, и прямое сотрудничество коллаборационистов с врагом, а уж о падении нравов и говорить не приходится...

Тема агрессии из Космоса стала очень модной. Нет, по-моему, необходимости перечислять все те книги, в которых пришельцы пытаются завоевать Землю самыми раз-

ными способами, от высадки обычного десанта до вселения инопланетян в тела людей. А уж кино-то, кино! И собственно «Война миров», экранизированная в трех разных версиях, и «Марс атакует», и «День Независимости», и «День, когда Земля остановилась», и «Вторжение похитителей тел», и многое-многое другое! Но поговорить на данную тему все же очень хочется. Не затрагивая фантастическое кино, я решил сконцентрировать внимание на тех книгах, в которых завоеватели из Космоса ПОКУПАЮТ Землю (мы ведь живем в условиях рыночной экономики, не так ли? Отсюда и выбор. Как говорится, кто про что – а шивый про баню... Тем более это актуально в свете последних потрясений, постигших мировую финансовую систему). И вот тут я никак не могу не упомянуть известный роман известного американского фантаста Клиффорда Саймака, роман под названием «Почти как люди» (1962-й год). Главный герой романа, газетный репортер Грэйвз, живущий и работающий в небольшом заштатном американском городке, начинает замечать странные вещи: кто-то неведомый, но очень богатый весьма упорно, методично и безжалостно скупает в городе дом за домом, улицу за улицей, магазин за магазином, предприятие за предприятием – неуклонно выжимая людей за пределы города. Постепенно выясняется, что этим занимаются инопланетяне. В беседе с одним из пришельцев, принявшим облик человека по фамилии Этвуд, репортер замечает: «...ведь город вы уже купили, и, надо сказать, неплохо с этим справились», на что инопланетянин дает ответ: «Не город. Не цените меня слишком дешево... Я покупаю Землю!» И добавляет: «Все совершенно законно... Мы действуем в рамках социального устройства человеческого общества. Наша деятельность базируется на ваших принципах и законах, которые мы соблюдаем со всей строгостью. Мы не нарушили ни одного» То есть (имеет в виду Этвуд) мы, пришельцы, поступаем с вами точно так же, как вы, люди, поступаете друг с другом. Ничего личного! Бизнес есть бизнес...

Правда, считает Саймак, бизнес бизнесу – рознь. Устами одного из персонажей романа, престарелого владельца магазина, автор говорит: «Торговля – ...занятие ответственное и привилегированное. А другие видят в ней только способ наживы... Но торговля – это нечто большее, чем подсчет доходов. Это возможность приносить пользу, возможность внести свой вклад. Торговля склеивает нашу цивилизацию в единое целое» «В нынешнее время люди забыли хорошие манеры, – говорит далее этот старик. – Забыли, что такое любезность. Что такое уважение. Отвыкли думать хорошо о своем ближнем. Деловой мир превратился в сплошные бухгалтерские операции, выполняемые машинами или людьми, очень похожими на машины своей бездушностью. В мире нет чести, нет доверия, и его этикой стала этика волчьей стаи».

Пришельцы из Космоса исповедуют именно такую, волчью этику. Так и остается до конца невыясненным, что собирались сделать пришельцы с купленной Землей и куда они собирались девать человечество – да, впрочем, не это важно. Важно то, что деятельность покупателей из Космоса была вполне ЗАКОННОЙ – не придерешься... Люди попали в свой же собственный капкан, и жалобы тут были совершенно неуместны. Правда, зловредных пришельцев удалось одолеть, но, как и у Г.Уэллса, лишь благодаря счастливой случайности – просто горстка непокоряемых и наблюдательных людей сумела сделать то, чего не сумело бы, пожалуй, сделать правительство со всем своим сверхмощным аппаратом....

Похожая мысль проскальзывает и в другом, более раннем романе Саймака «Кольцо вокруг Солнца» (1953). Пришельцы из параллельного пространства, вознамерившись покорить Землю, наносят ей ЭКОНОМИЧЕСКИЙ удар небывалой силы: через подставных лиц пришельцы открывают продажу никогда-не-затупляющихся-бритвенных-лезвий, никогда-не-перегорающих-электрических-лампочек и никогда-не-портящихся-автомобилей, подрывая тем самым саму основу общества свободного предпринимательства и разоряя многие и многие фирмы и предприятия. Саймак не без яду отмечает, что от спровоцированного пришельцами кризиса менее всего пострадали Советский Союз и страны социалистического лагеря – то есть страны не с рыночной экономикой...

Как можно погубить человечество с помощью «данайских» даров

...Итак, мы с вами выяснили, что самым первым в истории человечества литературным произведением, описывающем нашествие на Землю воинственных инопланетян, был роман известного французского писателя Жозефа Рони-старшего «Ксипехузы» (1887-ой год). Вспомнили мы и о ставшем классикой жанра романе великого английского фантаста Герберта Уэллса «Война миров» (1898-ой год). Далее речь пошла о тех фантастических книгах, в которых захватчики из Космоса действовали не грубым силовым путем, а использовали для покорения Земли иные, экономические методы. Так, в одном из романов известного американского фантаста Клиффорда Саймака пришельцы пытаются просто-напросто купить Землю, действуя строго в рамках экономических взаимоотношений, придуманных самими же людьми. В другом романе Саймака пришельцы из параллельного пространства разрушают земную (в основном, рыночную) экономику путем создания и продажи «вечных» товаров, не поддающихся износу (земные производители не выдерживали, естественно, конкуренции с производителями внеземными и разорялись)... Кто скажет, что такое в принципе невозможно – пусть плюнет мне в глаза! Все возможно в этом лучшем из миров.

Предусмотрены, правда, и иные варианты, также рассмотренные фантастами. Например... Мы, люди, очень любим подарки, не так ли?..

Самым ярким примером фантастического литературного произведения, в котором обыгрывается тема инопланетных даров, опасных и губительных для человечества в целом, лично я считаю повесть известного нашего писателя, классика, Максуда Ибрагимбекова, повесть под названием «Занятое место», созданную в конце 60-х годов прошлого века. Да-да, Максуд-муаллим писал фантастику, да еще какую! Знаете, еще с советских времен среди неумных обывателей бытует глубоко ошибочное мнение, будто качественную литературу могут создавать либо западные, либо, на крайний случай, российские писатели. Это в полной мере относилось и к отечественной фантастике. Упомянутый уже неумный обыватель отмахивался: «Какая еще у нас может быть фантастика-мантастика, э? Не смешите! Вот в Москве – да, там Ефремов, Булычев, Гуревич, Емцев и Парнов... В Ленинграде – Гор, Стругацкие, Шефнер, Варшавский... А у нас что?» А у нас, между прочим, были и Федор Ильин, и Альтов, и Амнуэль, и Журавлева, и Бахتامов, и великолепный тандем Войскунский-Лукодянов – авторы, целиком посвятившие себя жанру фантастики. Время от времени к фантастике прибегали и «нефантасты» - Максуд и Рустам Ибрагимбековы, Анар, Натиг Расул-заде, Лев Аскеров, Александр Насибов. Нам, смею вас уверить, есть чем гордиться. А повесть Максуда Ибрагимбекова «Занятое место» – это занимательная и весьма поучительная история о том, как пришельцы из Космоса вознамерились покорить Землю, не сделав при этом ни единого выстрела, а просто сыграв на человеческом легкомыслии и элементарной человеческой жадности.

Действие повести происходит «где-то на Западе» – одним словом, в развитой капиталистической стране – в середине 60-х годов прошлого века. К известному профессиональному автогонщику, чемпиону, является некий странный старик с весьма неожиданным предложением. А предлагает он автомобиль совершенно неординарной конструкции, у которого вместо колес – коленчатые ноги, как у краба или паука. И вот на этом-то «ногоходе» известный гонщик должен, по просьбе старика, принять участие в ближайших соревнованиях! Разумеется, гонщик поднимает неожиданного визитера на смех. Ну не глупо ли: там, где друг за другом мчатся новейшие, самые совершенные модели гоночных машин, разработанных лучшими инженерами самых престижных фирм – появится на трассе вот эта вот уродина с ногами! Но старик невозмутим. Он настаивает на своем, уверяет, что «ногоход» этот по скорости не только не уступает самым крутым «формулам», но и значительно превосходит их, в чем прославленный гонщик убедится сам, если согласится на его, старика, предложение, а все необходимые фор-

мальности по включению в гонки необычной машины старик берет на себя... Постепенно гонщика начинает разбирать профессиональное любопытство – действительно ли эта чудная машина бежит быстрее, чем катятся обыкновенные автомобили? Приняв предложение странного старика, гонщик выходит на трассу в необычном автомобиле, и все убеждаются в том, что «ногоход» намного быстрее обычных машин! Победа гонщика на «ногоходе» становится началом мощной рекламной кампании; выясняется, что бегающая машина очень удобна, экологически чиста, максимально безопасна, обладает высокой проходимостью и может выполнять еще ряд функций, помимо транспортных. Единственный нюанс: машина не разбирается на составные части и не может быть запущена в серийное производство; но сколько угодно таких машин готов предоставить странный старик, становясь, таким образом, владельцем монополии на торговлю «ногоходами». Все вышеперечисленные положительные качества, плюс фантастическая дешевизна, приводят к тому, что люди повально отказываются от обычных автомобилей в пользу «ногоходов»! И скоро практически каждый житель Земли обзаводится личным «ногоходом». Даже дети, начиная с пятилетнего возраста, могут стать владельцами шагающих и бегающих машин, которые, помимо всего, еще «служат» няньками и воспитательницами... По всей планете миллиарды людей хапают и хапают очень недорогие и очень удобные машины, предоставленные стариком... И все бы хорошо, но тут вдруг настает «момент истины». Гонщик и таинственный старик продолжают дружить. И вот как-то раз гонщик спасает старика, тонущего в реке. В благодарность за это старик открывает гонщику всю правду. А правда ужасна. Оказывается он, старик, – агент агрессивной инопланетной цивилизации, которая планирует захватить Землю. Для этого старик (с помощью гонщика) и внедрил в быт землян машины-«ногоходы», великолепное творение инопланетных конструкторов. Удалось убедить людей в практичности, надежности и престижности «ногоходов», и каждый землянин имеет теперь свое, персональное авто с ногами. И вот, в условленный час, получив специальный сигнал, каждый «ногоход» должен будет убить своего владельца! В итоге разразится грандиозная, массовая, всепланетная бойня, и Земля станет планетой, свободной для заселения ее пришельцами из Космоса... Но старик очень удивлен и тронут поступком гонщика. В том мире, откуда прибыл старик, нет никаких отношений, кроме деловых и корыстных, и никто из соплеменников старика и не подумал бы вытаскивать его из воды, это просто не пришло бы никому в голову! Однако это сделал человек, обладающий высокими моральными качествами и способный на сострадание и выручку – причем совершенно бескорыстно! И в знак благодарности за это старик решает отвести от землян нависшую над ними беду. Агент инопланетной цивилизации отправляет своему начальству ложный отчет о том, что колонизацию Земли следует отменить, ибо Земля – «занятое место»...

Каково, а? Вот привыкли мы прогибаться перед западными фантастами, а также перед голливудской кинофантастикой, которая в большинстве своем выезжает на сногшибательных спецэффектах, в то время как идей там – кот наплакал. А тут наш с вами земляк написал такое, перед чем любой американский фантаст или голливудский сценарист почтительно снимет шляпу! Согласитесь, из «Занятого места» мог бы получиться великолепный фильм. И идея этой фантастической повести не так уж и фантастична: по воле автора, человечеству была брошена извне вкусная наживка, и человечество ее охотно заглотило, потому что в природе человека – любовь, грубо говоря, к халяве (как говаривал один мой армейский дружок, «на халяву я беспощаден!»). При этом человечество совершенно не задумывается о том, ЧТО может скрываться за таким роскошным и дешевым (или вовсе бесплатным) подарком. В свое время жители Трои втянули в свой город деревянного коня – подарок хитроумного Одиссея, а кончилось это тем, что десант, скрывавшийся в громадном полом коне, вырезал всю стражу и открыл городские ворота, после чего Троя фактически перестала существовать. Еще Гомер предостерегал: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!» И чем, спрашивается, нынешнее человечество отли-

чается от древних жителей Трои? Да ничем! Люди, уверяю вас, остались такими же, только вот квартирный вопрос сильно испортил их (как было сказано другим литературным персонажем и по несколько иному поводу). И в реальности подавляющее большинство людей заглочет любую привлекательную наживку точно так же, как сделало это в повести Максуда Ибрагимбекова. На халяву мы беспощадны! И из Человека Разумного легко превратимся в Потребителя Массового... Можете считать, что у меня – мания подозрительности, а также сдвиг по фазе в результате многолетнего упорного чтения фантастики, но иногда мне приходят в голову довольно мрачные мысли. Ну, например: не являются ли некоторые наши достижения «хай-тека» своеобразными отравленными приманками, подброшенными нам со стороны, некими злыми данайцами с других планет? Особенно гаджеты, запущенные в массовое производство и являющиеся неременной принадлежностью каждого современного человека, каждого современного офиса или квартиры? И не получают ли когда-нибудь, в определенный «час X», миллиарды пользователей Интернета из Сети некое послание, которое заставит людей совершать необъяснимые поступки? Не втянет ли в себя Сеть миллиарды пользователей, очаровав их, подобно сиренам, и не превратятся ли в конечном итоге все люди, сидящие за компьютерами, в придатки компьютеров? В зады, прилипшие к стулу, в мозги, замороженные ярчайшими миражами виртуальной реальности, и в пальцы, беспрестанно бегающие по клавиатуре? И в перспективе мы получим миллиарды скелетов, застывших перед погасшими мониторами... Я, конечно, в известной степени утрирую, но ведь многие пользователи, особенно молодые, не спят до утра, сидя в Интернете, и часто забывают даже поесть вовремя. Виртуальная реальность, способная пересилить самые базовые инстинкты не только человека, но и вообще любого живого существа (голод и потребность во сне, да и инстинкт размножения тоже – не секрет, что многие предпочитают проводить время в порносайтах, нежели завязывать реальные интимные отношения!)... вас это не настораживает? Или то, что для многих из нас мобильный телефон или ноутбук стал чуть ли не частью тела? Будь я пришельцем из Космоса, я победил бы человечество именно так – тонко, умно, технично, заманив людишек в западню, в которую они и сами не прочь влезть по причине скудоумия и легкомыслия своего... А «летающие тарелки», бомбы, ракеты, лазерные лучи и бесконечно извергающийся свинец – это удел невероятно глупых инопланетян из скверного американского кино...

Нас убедили в том, что гаджеты должен иметь каждый деловой, творческий или просто уважающий себя человек... Более того, без гаджетов наша жизнь сделалась практически невозможной. Мы стали сильно зависеть от них. И (давайте уж фантазировать до конца, раз уж начали!) если откуда-нибудь с колец Сатурна поступит сигналкоманда, подчиняясь которому каждый мобильник или каждый компьютер угробит своего владельца – кто тогда останется на Земле? Думаю, практически никого. О том, насколько прочно гаджеты вошли в нашу жизнь, даже сочинен анекдот. Разговор двух приятелей: «Знаешь, в джунглях Амазонии нашли совершенно дикое племя индейцев. У них ничего нет – ни огня, ни одежды, ни жилищ, ни орудий...» «Что, и Интернета у них нет?» «Ну, не настолько же дикое...» Хотя есть и люди, принципиально отказывающиеся от любых гаджетов, оберегающие себя от многочисленных излучений, испускаемых телевизорами, компьютерами, мобильниками, микроволновками... Таких людей считают чудаками, а то и ненормальными, но, похоже, в случае чего именно эти ненормальные и уцелеют...

Ну-ну, не буду вас страшать, мы ведь говорим всего лишь о фантастике, не так ли? Да и гаджеты не обязательно должны быть подброшены нам коварными инопланетянами. Мы, люди, и сами с усами, вполне способны накачать себе на шею любую проблему. Ведь важно не то, откуда все это взялось, а то, как по возможности правильнее всем этим воспользоваться. Чтобы не гаджеты довлели над людьми, а наоборот. Чтобы «хай-тек» помогал человеку жить, а не поработил бы его. А для того, чтобы возможно полнее увидеть проблему «опасных подарков», и нужна фантастика.

Ироничный человек или Бакинские писатели шутят

ПЁТР ДАВИДОВ

Мы не хуже

Наш сосед Октай приехал с базара с полной сеткой гранатов.

– Дядя Октай, – удивился мой сынишка, – где вы сорвали такие красивые гранаты?

– Купил, – устало ответил Октай и поднялся в блок.

Казалось, на этом всё и кончилось. Но вечером, когда мы пили чай, раздался стук в дверь.

– Это вашему Олежке, – сказала смущённая дочка Октая и быстро сунула мне в руки два больших граната.

От удивления я успел только вымолвить: «Спасибо» и прошёл на кухню – показывать неожиданные подарки.

– «Спасибо» на хлеб не намажешь, – резонно заметила жена. – В таких случаях главное – не ударить в грязь лицом, – и она достала из холодильника две огромные груши.

– Отнесёшь дяде Октаю, – объяснила она сыну. – Скажешь: для ваших девочек – и сразу назад.

«Что ж, – подумал я, – жена поступает по-мужски. Пусть знают, что и мы не хуже».

Сын выполнил задание отлично. Они и пикнуть не успели, и ночью мы спали спокойно с чувством выполненного долга.

– А ведь груши были намного больше гранатов, – сказала жена, едва проснувшись.

Ответить я не успел, в дверь кто-то звонил. На пороге снова стояла Наргиз.

– Это для Олега! – протянула она арбуз и умчалась.

Прямо с арбузом я прошёл в спальню.

– Понятно! – сказала жена. – Это уже серьёзнее, чем я думала. Живо собирайся на базар. Надо запастись достойными ответами.

Мы вернулись часа через два. И тут началось.

– Две дыни для ваших дочек.

– Отборные персики для вашего мальчика. По десять манат купили.

– Килограмм бананов для Наргиз и Зули. Прямо из Африки.

– Немного свежей осетрины. Очень полезное деликатесное мясо.

– Бутылка домашнего вина для ваших девочек.

– Баллон тутовки для вашего малыша.

Так продолжалось до вечера. Наконец наступил момент, когда в квартире не осталось ничего съестного... Таскать тяжести дети уже не могли, поэтому за дело взялись мы сами.

– Отнеси торшер, – сказала жена. – Надо, чтобы последнее слово осталось за нами.

С грустью я отнёс торшер на высокой подставке, с зелёным абажуром и стал с нетерпением ждать ответа. Ура! они принесли плетёное кресло. Мы – стол. Они приволокли диван.

Весь следующий день грузчики работали не покладая рук. Взамен жидкокристаллического телевизора и сервиза на 24 персоны мы передали в подарок кухонный гарнитур и кое-что из мелочи: пианино, унитаз с подогревом, душевую кабину. На освободившиеся места тут же вносили соседское имущество.

Оглянувшись вокруг, жена отчаянно сказала:

– Лучше я буду жить под открытым небом, чем позволю себя опозорить! – и она повела нас в решающую атаку.

– Мы решили кое-что передать вашим девочкам, – ласково сказала она и протянула жене Октая ключи от нашей квартиры.

– Ах, так! – сверкнула глазами соседка. – Заходите! – и всей семьёй они вышли на лестничную площадку.

Всё закрутилось сначала: опять стали носить друг другу еду, мебель, в конце концов возвратились в свои квартиры... И тут они сдались! Оставили те два граната у себя. Поняли, что мы не уступим.

С того дня в доме каждый знает, что мы не хуже других. И нашему сыну уже ничего не дают. Уважают.

САФА ГАЛЕЕВ

ЖЗЛ-каламбур

Шивы рот
хватает за шиворот.

Самсон медь лил,
сам сон медлил.

Мухаммед,
дай мухам мёд.

Сними тузов.
С ними – Кутузов.

Гендель,
куда ген дел?

У, муштра, ус!
Уму – Штраус.

Вождь Ленин
народом вожделен.

Адмирал Врангель
втирал в рану гель.

О, Коба! байки:
око бабайки.

Чем Берлин
не Чемберлен?

Добро по Ганди –
было до пропаганды.

Бай-бай, день.
И ты спи, Байден.

ЛАЧИН

Деять кругов бородатого Данте

Понятное дело, что список домыслов о каждой знаменитости весьма велик. Мы любим-почитаем не столько классиков, сколько тех, кого наше воображение подставило вместо них (вплоть до их внешности).

В данном случае скажем о двух заблуждениях относительно Данте Алигьери, намертво застрявших в головах абсолютного большинства о нём слышавших.

То, что Данте не изобрёл терцины, и его мажор опус назван им «Комедией», а не «Божественной комедией», тут не самое главное, об этом реже говорится. Чаще в разговорах всплывает незнание следующего.

Ад Данте имеет девять кругов, а не семь. Выражение «седьмой круг ада» всегда подразумевает худший круг, а есть парочка похуже. Надобно говорить «девятый круг», коли мы разумеем адское «дно».

Данте был бородатым.

Об этом и сам писал в стихах. Джованни Боккаччо (между прочим, современник Данте) уточняет, что борода увидавшего рай была густой.

Портреты Данте писаны и рисованы его не видевшими (портрет кисти Боттичелли¹ – через 174 года после смерти Данте).

С чьей-то лёгкой руки стали его изображать бритым. Кстати, в его времена были бородаты – за редчайшими исключениями – все мужчины, кроме католических священников и монахов (протестантов ещё не водилось).

Ах да, насчёт монахов.

Та же лёгкая рука, что побрила поэта, вдобавок нахлобучила на него монашескую рясу с капюшоном.

И как гвоздём прибила, что твой Дракула² (Лёгкая рука – она всегда тяжёлая, такой вот парадокс.)

Данте никогда не был монахом и вообще духовным лицом, рясы-сутаны не носил, да и не имел на это права. Он был бородатым мирянином.

Портрет Данте, Боттичелли
1495

¹ Боттичелли, Сандро (1445–1510) – выдающийся флорентийский живописец периода раннего Возрождения.

² Дракула – Влад III (1428/31–1476/77), прототип легендарного Дракулы. Прибил гвоздями к головам шапки послов, отказавшихся обнажить перед ним головы.

Кстати, ещё о внешности.

Анонимный автор первого изображения Данте (именно просто изображения, т. н. «творческого портрета» – Данте умер за несколько десятилетий до этого, его портретов вообще нет) наделил флорентийского визионера крупным носом с горбинкой. И разлетелся по всему миру лик гладковыбритого орлиноногого монаха в рясе с клобуком, псевдоавтора выдуманного нами ада с семью отсеками.

При этом он чаще даётся в профиль, дабы подчеркнуть орлиность профиля. Наконец, пошло поветрие ещё и загибать кончик носа, делая его вконец клювообразным. Портреты Пушкина – будь то кисти Кипренского или Тropicина – больше похожи на дантовские, ибо их модели в мирской одежде, и, пускай и безбородые, но хоть бакенбарды имеют. И то хлеб... А нос – за незнанием подлинного сойдёт и пушкинский.

Впрочем...

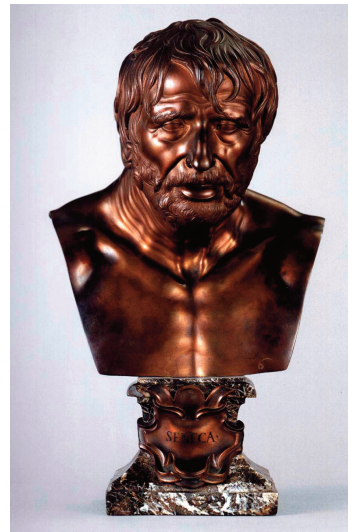
Есть античный бюст, Псевдо-Сенека. Долгое время принимаемый за портрет Сенеки (младшего, классика философии), пока в 1813 г. не был найден римский портрет сего мыслителя, изображающий человека с совершенно иными чертами лица.

Образцом же для Псевдо-Сенеки наверняка является греческая работа 200 г. до н. э., за два столетия до рождения Сенеки.

С тех пор предполагается, что Псевдо-Сенека может оказаться портретом многих античных писателей и философов – Эзопа, Гесиода, Аристофана, Архилоха, Каллимаха, Карнеада, Эпихарма, Эратосфена, Еврипида, Гиппонакса, Лукреция, Филимона, Филита Косского.

Ну, так он куда более похож на вояжировавшего по загробному миру, чем легион Псевдо-Данте – бородат, не лысый (и о Данте это известно), без рясы-султан-клобука, ну, а нос ничуть не менее годится в дантовские, чем псевдодантовский, поскольку дантовский унесён Летой.

Можно его (не нос, а весь бюст) помещать на обложки книг Данте и про Данте. Иллюстрировать статьи. Начать, например, с этой.

Римский бронзовый бюст, т.н. Псевдо-Сенека, Существует в примерно 40 вариантах, начиная со 2 в. до н. э.